

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Самарский филиал

А. С. Хохлов

**ФИЛОСОФСКО-КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ РОССИЙСКИХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

Монография

Самара
2015

УДК 101.8:308
ББК 87.6
Х86

Печатается по решению
Ученого совета СФ ГБОУ ВО МГПУ

Рецензент

Ургалкин Юрий Алексеевич, доктор философских наук, профессор
Самарского государственного экономического университета

Хохлов А. С.

X86 Философско-конфликтологический анализ противоречий
российских преобразований: монография / А. С. Хохлов. –
Самара: СФ ГБОУ ВО МГПУ, 2015. – 144 с.

ISBN 978-5-9905895-5-1

В монографии исследуются преобразования российского общества на рубеже веков. Особое внимание уделяется марксистскому подходу анализа трансформационных процессов, который предоставляет возможность анализировать происходящие как в нашей стране, так и в других обществах изменения. В работе сформулирован авторский принцип «восходящего конфликтного лифта» в трактовке разноуровневых общественных противоречий.

Издание рассчитано на философов, социологов, конфликтологов, политологов, ученых, занимающихся методологическими проблемами, и тех, кто интересуется вопросами социальных изменений.

УДК 101.8:308
ББК 87.6

ISBN 978-5-9905895-5-1

© СФ ГБОУ ВО МГПУ, 2015
© А. С. Хохлов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
I. Феномен общественных противоречий и конфликтов в историко-философском дискурсе XIX–XX вв.	6
II. Механизм воспроизводства социальных форм через противоречия и конфликты.....	50
III. «Теория бесконфликтности» в социальном и идеологическом пространстве советского общества и ее влияние на процесс преобразований.....	80
IV. Конфликты политической модернизации государства и комформистское поведение элиты.....	100
Заключение.....	134

ВВЕДЕНИЕ

Проблема социальных преобразований российского общества привлекает внимание самого широкого круга специалистов общественных наук. Спектр теоретических подходов анализа происходящих перемен очень широк, отсюда и разнообразные оценки промежуточных результатов общественных изменений, произошедших за последние тридцать лет в нашей стране. Оставляя за скобками политические мотивы такого разнообразия, отметим лишь чисто научное обстоятельство.

Безусловно, каждая наука об обществе имеет свою предметную область, что и предопределяет набор методов исследования. Но и сами исследователи могут придерживаться определенных теорий, концепций, парадигм. Таким образом, палитра точек зрения, оценок, суждений может быть разнообразной, т. к. сам объект исследования ускоренно изменяется, становясь все более сложным. Важно, чтобы общественные науки в методологическом и методическом плане поспевали за социальными изменениями и были адекватны тем проблемам, которые ставит общественное развитие.

Идея данного исследования вызвана необходимостью научного осмысления сущностных противоречий и порожденных ими конфликтов, которых не смогло избежать российское общество. Именно последние три десятка лет характеризуются увеличением количества разнообразных социальных конфликтов, начиная с микроуровня и заканчивая мегауровнем. Неслучайно конфликтологи называли Россию 90-х гг. XX в. и 2000-е годы конфликтогенным обществом.

Наряду с количеством менялось и качество конфликтов, что в совокупности создавало угрозу национальной безопасности страны. Порою градус социальной напряженности зашкаливал, грозя перерасти в общегосударственный конфликт. В этом смысле, особенно показательными были 90-е гг. XX в. В водовороте событий, не только у обывателя, но и наблюдателей – людей, следящих за происходящими событиями, складывалось впечатление некоего общественного хаоса. Однако определенный багаж философских (диалектических) знаний подсказывал автору, что *случайность возможна* в процессе социальных изменений, но она значительно реже встречается в *действительности*, нежели *необходимость*.

Значит, в промежутке между *возможностью* и *действительностью* следует вести поиск *сущности*, которая в своей *форме* и *содержании* имеет элементы *старого* и *нового*. Диалектико-материалистический подход позволил нащупать путь исследовательского направления российских преобразований. Одновременно с данным подходом использовалось интеллектуальное наследие как отечественных, так и зарубежных авторов, которых нельзя отнести к представителям марксистского направления. Особенно это касается научного багажа, который накопился в XX веке в рамках социологии конфликта и конфликтологии.

Как известно, в основе любого конфликта лежит противоречие, хотя не всякое противоречие перерастает в конфликт. Собственно предметом данного исследования как раз являются общественные противоречия и порожденные ими конфликты. Поскольку проблема противоречий наиболее всесторонне и глубоко изучена в философской литературе, а феномен общественного конфликта весь XX век усиленно изучался социологами и конфликтологами, то автор монографии посчитал уместным исследовать произошедшее в России на рубеже веков именно в философско-конфликтологическом аспекте. Как пишет известный отечественный специалист С. Прошанов, «...в последнее время наметился явный разрыв между наличием значительного эмпирического базиса разрешения конкретных социальных конфликтов общества и его слабой теоретической обеспеченностью, недостаточно развитым и обоснованным теоретико-методологическим знанием о социальных конфликтах»¹.

Таким образом, в теоретическом плане анализ модернизационных процессов российского общества был сделан с опорой на диалектический и исторический материализм – как мегатеории, а в практическом плане противоречия и конфликты российских преобразований анализировались с опорой на конфликтологический багаж, накопленный данной наукой в последние полвека.

¹ Прошанов С. Л. Социология конфликта в России: история, теория, современность. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 5.

І. ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНФЛИКТОВ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ XIX–XX ВВ.

Проблема *противоречий* рассматривалась еще в трудах древнегреческих философов. Особенно в этом вопросе преуспел Аристотель, который заложил диалектическую традицию на тысячелетия вперед. Мы сознательно не будем хронологически последовательно рассматривать эту традицию, а сразу оттолкнемся от того багажа, который был накоплен представителями немецкой классической философии И. Кантом, Г. Гегелем и Л. Фейербахом.

Анализ устоявшихся дефиниций понятий «тождество», «различие», «противоположность», «противоречие», «конфликт», имеющих прямое отношение к предмету нашего исследования, давно проведен в рамках классического философского знания. Например, Г. Гегель в «Науке логики»² и отчасти в «Философии права»³ как раз представил такой анализ категорий. Особенно значимой в этой связи является «Наука логики», ставшая вершиной развития диалектики в домарксистский период. К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на знания, полученные И. Кантом, Г. Гегелем и Л. Фейербахом двинули развитие диалектического и исторического материализма дальше. Сегодня проблема философских категорий также находит свое отражение в работах ученых. К их числу, можно отнести работу Л. Е. Балашова «Мир глазами философа (категориальная картина мира)»⁴.

В силу сложности, многопараметральности общественных систем, которые, по мнению некоторых авторов, «...сложнее, чем природа вследствие быстрых принципиальных качественных структурно-функциональных изменений»⁵, методологически оправданно рассматривать социальные противоречия и конфликты в контексте различных философско-социологических концепций и теорий, где

² Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1999. 1072 с.

³ Гегель Г. Философия права. М.: Наука, 1987.

⁴ Балашов Л. Е. Мир глазами философа (категориальная картина мира). М.: АСАДЕМІА, 1997. 293 с.

⁵ Сергеева О. А. Становление цивилизационной концепции. Генезис и структура цивилизационной концепции общественного развития. М.: «МАТИ»: РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2000. С. 10.

сущность этих категорий конкретизируется. К тому же предмет нашего исследования настоятельно требует анализа научного багажа, позволяющего творчески использовать его для достижения поставленных исследовательских целей. Этот теоретический багаж формировался не только в русле философского знания, но и в социологии, политических науках, социальной психологии и других отраслях социального познания.

В первой половине XIX века произошел прорыв в социально-философском познании. Данный прорыв коснулся не только философии (И. Кант, Г. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс), но и других зародившихся наук об обществе (социология, юриспруденция, чуть позже политология). В социально-философском знании обозначились два направления: *революционное* и *эволюционное*.

Яркими представителями революционной теории стали К. Маркс и Ф. Энгельс, которые в своих исследованиях акцентировали внимание на революционных преобразованиях общества. В этом их принципиальное отличие от предыдущих философов, которые лишь различным образом объясняли мир, в то время как его необходимо преобразовывать. Классики диалектического и исторического материализма не механически объединили диалектику Г. Гегеля и материализм Л. Фейербаха, а творчески переработали философское наследие указанных авторов и придали мощный импульс социально-философскому познанию. Так К. Маркс отмечал: «Главная ошибка Гегеля заключается в том, что он *противоречие явления* понимает как *единство в сущности, в идее*, между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно – *существенное противоречие*»⁶.

Говоря о материалистическом понимании истории, основоположники марксизма усматривали все исторические коллизии в противоречии между производительными силами и формой общения, о чем у Л. Фейербаха вообще нет речи. Более того, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что данное противоречие всякий раз прорывается в виде революции, но вместе с тем данное противоречие в прошлом «принимало и различные побочные формы – совокупность всех коллизий, коллизии между различными классами, противоречия сознания, идейная борьба, политическая борьба и т. д. Если стоять

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 324.

на ограниченной точке зрения, то можно выхватить одну из этих побочных форм и рассматривать ее как базис этих революций; сделать это тем легче, чем сами индивиды, от которых исходили эти революции, составляли себе, в зависимости от своего культурного уровня и от ступени исторического развития, всякого рода иллюзии насчет своей собственной деятельности»⁷.

Переходя от широкого исторического контекста к капиталистическому обществу К. Маркс в «Капитале» и Ф. Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» отмечают, что противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу «как антагонизм между пролетариатом и буржуазией»⁸. Ф. Энгельс пишет: «Производство становится общественным актом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальными актами, актами отдельных лиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом*. Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности»⁹. Здесь внимание автора фокусируется на антагонистических противоречиях, которые в условиях взаимодействия класса эксплуататоров и противостоящего ему класса эксплуатируемых приобретают *неразрешимый* характер. Это противоречие можно *устранить* революционным способом. Революция, впрочем, как и война, есть крайняя форма проявления социального конфликта.

У В. И. Ленина в его работе «Развитие капитализма в России» есть фрагмент, в котором он показывает прогрессивность капитализма, но эта прогрессивность носит исторически преходящий характер. «Нет ничего более нелепого, как выводить из противоречий капитализма его невозможность, непрогрессивность и т. д. — это значит спастись в заоблачные выси романтических мечтаний от неприятной, но несомненной действительности. Противоречие между стремлением к безграничному расширению производства и ограниченным потреблением — не единственное противоречие ка-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах Л. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М.: 1966. С. 78–79.

⁸ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 19. С. 215.

⁹ Там же. С. 228–229.

питализма, который вообще не может развиваться без противоречий. Противоречия капитализма свидетельствуют о его исторически преходящем характере, выясняют условия и причины его разложения и превращения в высшую форму, – но они отнюдь не исключают ни возможности капитализма, ни его прогрессивности сравнительно с предшествующими системами общественного хозяйства»¹⁰. Одновременно В. И. Ленин последовательно отстаивал идею классовой борьбы применительно и к монополистическому капитализму.

Марксистская концепция классов и классовой борьбы и теперь вполне может служить основой для определения истоков общественных противоречий и сущности социальных конфликтов. Данная интерпретация социальных процессов получила большое распространение в Европе, а вслед за нею и в России во второй половине XIX века. Марксизм в трактовке его классиков центральное место отводит конфликту и в основу анализа общественных процессов кладет экономические отношения. Разделение труда, его возрастающая производительность создают возможность для обогащения одних, тех, кто владеет средствами производства, и обнищания других, тех, кому «нечего терять, кроме своих цепей». В процессе эксплуатации человека человеком, по словам К. Маркса, «имущий класс и класс пролетариата представляет одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс, чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие... Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой консервативную сторону, пролетарий – разрушительную. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго – действие, направленное на его уничтожение»¹¹. У К. Маркса и его последователей в качестве основных социальных общностей рассматривались классы, а в качестве формы проявления конфликта между ними – антагонистические противоречия и классовая борьба.

¹⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // ПСС. М., 1971. Т. 3. С. 48.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Соч. М., 1955. Т. 2. С. 39.

Основу социальной организации, по К. Марксу, составляют общественные отношения, в которые вступают люди независимо от их воли и сознания. Это главное условие формирования социальной субстанции или социальной формы движения материи. Развитие же этой формы в целом осуществляется действием непосредственно присущего ей диалектического закона единства и борьбы противоположностей, где противоположностями выступают большие социальные группы – классы. Главная борьба между ними ведется по поводу производства и отношений собственности, но только этим она не исчерпывается. Однако от конкретных форм организации производства и отношений, в которые вступают классы в процессе производства, зависят их место и роль в обществе, поэтому у всех антагонистических классов есть стимул к борьбе. Однако развивающаяся экономическая ситуация только для пролетариата создает условия, при которых он, освобождаясь от эксплуатации и угнетения, становится орудием освобождения всех других классов и социальных слоев.

Отметим также, что К. Маркс исходил из такой теории общественного производства, согласно которой господствующий класс владеет средствами производства и вследствие этого осуществляет контроль над обществом (другими классами). Общество, по К. Марксу, не статично, путем классовой борьбы оно постоянно преобразуется. Это общество, по мере осознания рабочим классом своего угнетенного положения, становится все более конфликтным до тех пор, пока не произойдет социальная революция, которая и «похоронит» эксплуататорский класс. Этот процесс носит всемирно-исторический характер, и он неизбежно должен привести со временем к бесклассовому обществу. Одна из знаковых работ К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии» начинается с утверждения, что «история всех до сих пор существующих обществ была историей борьбы классов»¹². Констатировалось, что «свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством все-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. М., 1955. Т. 2. С. 424.

го общественного здания или общей гибелью борющихся классов»¹³.

Свою реализацию данный тезис получил в СССР во второй половине 30-х гг. XX в., когда было заявлено об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. В тех исторических условиях социальный конфликт стал пониматься как борьба до окончательного уничтожения противника, но не как борьба за достижение социально-экономических и политических целей. Общество рассматривалось как арена столкновений двух борющихся классов – прогрессивного, которому принадлежит будущее, и реакционного, который должен быть свергнут и уничтожен. Созидательный потенциал общественного конфликта в условиях тотальной системы управления социумом приобрел негативный характер.

В ходе первой русской революции (1905–1907 гг.) В. И. Ленин писал: «В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия»¹⁴. В другой, но малоизвестной работе Ульянова-Ленина мы находим более развернутую ремарку: «Постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время на известной ступени развития он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, – и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что **массы учатся из жизни, а не из книжки**, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. М., 1955. Т. 2. С. 424.

¹⁴ Ленин В. И. Что происходит в России // ПСС. Т. 9. М., 1967. С. 208.

другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития»¹⁵.

После взятия власти в России осенью 1917 г. революционеры-практики испытали огромные трудности, связанные с теоретической разработкой функциональной стороны организации нового общества. Произошла конкретно-временная нестыковка, разрыв теоретических построений с реальным ходом общественной практики. Известный русский социолог Питирим Сорокин назвал это «законом социального иллюзионизма»¹⁶, когда постреволюционные практики совершенно не совпадают с обещаниями в предреволюционный период. По мнению П. Сорокина, такое происходило во всех революциях, а не только в русских. Один из последних примеров – Майданная «революция» (правильнее назвать «переворот») в Киеве в 2014 году. Достаточно вспомнить, что обещал П. Порошенко гражданам Украины в предвыборной кампании и что они имеют сейчас, год спустя!

В социальном познании происходит постоянное взаимодействие и взаимное дополнение теорий и идей. В этой связи следует обратить внимание на некоторые аспекты в **интерпретации** марксистской теории уже после К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина. Очевидно, что после смерти указанных авторов, в социальном познании классовый конфликт излишне абсолютизировался, трактовался догматически, по сути дела, антимарксистски. Например, не принимались во внимание те конкретные исторические условия, в которых был сделан вывод о классовой борьбе пролетариата как о единственном способе освобождения всего общества. Отрицать борьбу классов в истории человеческого общества безосновательно. Классовая борьба действительно является важнейшей движущей силой истории. Но разве сводятся все движущие силы истории только к классовой борьбе, а история – лишь к истории борьбы классов? К. Маркс допускал разные формы классовой борьбы, не отрицая значимость мирных форм борьбы в рамках профсоюзного движения, но при этом он уточнял, что такая мягкая форма борьбы не для раннего капитализма, ибо она не приведет к преодолению отчужде-

¹⁵ Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении // ПСС. Т. 20. М., 1973. С. 65–66.

¹⁶ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 192.

ния трудящихся от средств производства. Кардинальное решение проблемы он усматривал в социальной революции. Известно отношение К. Маркса к революциям как локомотивам истории. Изучив опыт Парижской коммуны, он признавал революционную борьбу трудно регулируемой, а конечные результаты этой борьбы мало похожи на деклариовавшиеся революционерами цели.

П. Сорокин в работе «Современное состояние России» со свойственной ему скрупулезностью показывает, как лозунги, которые провозглашались в дооктябрьский период (Великая октябрьская социалистическая революция 1917 г.), на деле были извращены и народ не получил того, что ему обещали. Один из выводов, сделанных П. Сорокиным на основе действия закона социального иллюзионизма, сформулирован следующим образом: «Величайшими эпохами реакции в истории любого народа являются эпохи глубоких революций, а величайшими реакционерами – величайшие диктаторствующие революционеры»¹⁷. Если внимательно почитать работы основоположников марксизма, то эта мысль не нова для них. Ф. Энгельс, например, указывал, что во всякой революции неизбежно делается множество глупостей. В работе «Гражданская война во Франции»¹⁸ К. Маркс обратил внимание на отрицательные стороны пусть и короткой, но практики диктатуры парижского пролетариата, подчеркивая, что насилие каких бы то ни было социальных групп над другими в конечном счете оборачивается несвободой для всех и рабочему классу впредь необходимо вести борьбу «наиболее рациональным и гуманным путем»¹⁹.

Г. Гегель как объективный идеалист считал, что историей движет мировой разум или абсолютная идея, в то время как К. Маркс утверждал, что никакие идеи не способны творить историю, т. к. ее творят люди. При этом он признавал, что любые наши действия осуществляются на основе сознания. Другое дело – исторические изменения могут носить сознательный характер, а могут происходить стихийно. При стихийном развитии результаты деятельности масс не соответствуют целям, а при сознательных преобразованиях их результаты адекватны общим устремлениям.

¹⁷ Сорокин П. Современное состояние России. С. 192.

¹⁸ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 17. С. 317–370.

¹⁹ Там же.

Вековой опыт применения марксизма убеждает нас в том, что его актуальность и способ существования есть развитие и сопряженность с другими идеями и теориями. Отказ от монополии на истину не противоречит, а соответствует подлинной сущности марксизма, как и любой другой крупной научной концепции. Именно в этом аспекте и может быть рассмотрена проблема социального неравенства в качестве основы при конфликтном взаимодействии социальных групп.

Согласно марксизму система «конфликт-консенсусного» взаимодействия генерирует социальные импульсы, что в свою очередь, влияет на социальное пространство, параметры которого определяются множеством факторов – экономического, политического, социокультурного порядка. Фактор конфликтности изначально заложен внутри социальной структуры, которой свойственны неизбежные противоречия, обусловленные дифференциацией положения индивидов (социальных групп), социальных классов в общественной иерархии.

В то же время характер конфликтности и социальное равновесие общества во многом определяются господством того или иного типа социальных структур. К. Маркс указывал, что логика исторического процесса по мере усложнения социальной иерархии в обществе может формировать механизмы, обеспечивающие преодоление возникающих противоречий на базе согласования интересов различных субъектов общественных отношений.

В целом история подтвердила и то и другое. Она показала, что в постиндустриальных обществах может принципиально меняться качество и характер формирования социальных структур. Конфликт (столкновение) и консенсус (согласие) по логике вещей выступают как элементы одного и того же единого процесса.

Диалектика конфликта – консенсуса, движения – равновесия становится особенно зримой в исторической ретроспективе, если выделять два основных типа социальной организации общества: замкнутые (или закрытые) и открытые, динамичные, с мобильной социальной структурой. Доминантой первых является статичность, малая подвижность. Именно такой тип общества явился предметом анализа представителей марксизма. Смена структур в условиях исследованной молодым К. Марксом преимущественной иммобиль-

ности раннего капитализма неизбежно сопровождалась деструктивными, масштабными конфликтами.

В связи с этим вывод о том, что общественный прогресс предопределен воздействием «социальных революций», которые адаптируют социальную структуру к господствующей системе экономических отношений, был верен. С наступлением зрелости индустриального общества революционный характер смены социальных структур, отмеченный К. Марксом в ранних работах, приобретает несколько иное содержание. Капиталистические общества конца XIX века начали переходить в новое состояние, которое В. И. Ленин назвал высшей стадией капитализма – империализмом. В XX в. такое общество внутри себя стало приобретать всё более открытый, подвижный характер. Империалистические страны за счет ограбления других народов смогли создать относительное материальное благополучие своим гражданам, в том числе и рабочим. При этом политическая надстройка стран развитого капитализма (Англия, Франция, США, Германия) начала XX века была прогрессивнее, нежели начала XIX в. Об этом говорят структура и содержание политической системы, избирательное право, образование, СМИ и другие социально-политические институты указанных обществ. Германия, которая позже других из указанной четверки вступила на путь капиталистического развития (после Франко-прусской войны 1870–1871 гг.) прошла столь стремительно первую, собственно капиталистическую стадию развития, что к началу XX века уже догнала Англию и Францию и вступила в высшую стадию капитализма. Подобные изменения успел заметить К. Маркс, но еще больше Ф. Энгельс, и отношение к этому было диалектическое: да, это прогрессивное явление в сравнении с прошлым, но это исторически преходящий строй, сохраняющий антагонистические противоречия, от которых никуда не деться. Как бы господствующий класс не пытался их сглаживать, а история XX века показывает, что временно ему удастся это сделать, например, под воздействием НТР, глубинные причины, связанные с производством товара и его присвоением, в более завуалированной форме все равно сохраняются.

Необходимо отметить, что конфликтная концепция интерпретации социальной истории, несомненно, внесла значительный вклад в понимание принципиальных основ организации общества. Ее ценность заключается в том, что обращается внимание на существование

в обществе противостоящих интересов, отрицается «имманентная гармония» общественного организма, что открывает дорогу более глубокому пониманию взаимодействия социальных групп и классов.

При выработке методологии анализа социального конфликта марксистский подход продолжает успешно выполнять свою гносеологическую функцию, есть лишь необходимость отказа от абсолютизации некоторых факторов социоконфликтных процессов, которая, с нашей точки зрения, скорее всего, произошла под влиянием различного рода интерпретаторов марксизма. Отечественный специалист в области методологии познания О. И. Иванов (и он далеко не единственный – Попов, Огородников и др.) убедительно доказывает гносеологические возможности диалектического метода для познания социальной действительности²⁰, и мы согласны с ним.

Вместе с тем наряду с революционным подходом существует и эволюционный, который получил развитие в социальном знании вообще и социологии в частности. С самого начала социология развивалась в рамках философского позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), которые заложили основы эволюционной теории. Кроме того, «первые шаги» социология делала под воздействием открытия эволюционной теории Ч. Дарвиным. В дальнейшем это привело к появлению социал-дарвинизма – влиятельного течения социальной мысли второй половины XIX в. Наложение этих двух обстоятельств (позитивизм и социал-дарвинизм) сыграло важную роль в развитии эволюционной теории.

Согласно эволюционизму, общество проходит в своем развитии определенные стадии, прогрессируя от простых форм к более сложным. Усложнение социальных структур и дифференциация социальных связей должны происходить постепенно, давая возможность социальной системе адаптироваться к окружающей среде. Подобный взгляд получил развитие в рамках структурно-функционального анализа Т. Парсонса, Р. Мертон.

Марксистское понимание общественно-исторического процесса встретило определенные возражения со стороны ряда исследователей общественных конфликтов (М. Вебер, Р. Михельс, Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Мертон, П. Бурдьё). Некоторые из них акцентировали внимание на том, что классовый конфликт рассматривается

²⁰ Иванов О. И. Методология социологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 24.

без теоретического анализа его разнообразных поведенческих форм и соответственно данный факт является упущением марксизма. Психологизм и бихевиоризм, как концепты обществознания, получили развитие в начале XX в., когда теория классовой борьбы была уже разработана, а ее авторы К. Маркс и Ф. Энгельс ушли в мир иной, поэтому непосредственно ответить своим оппонентам они не могли. Одновременно вклад бихевиоризма и психологизма в разработку конфликтологической теории невозможно отрицать.

Другие авторы увидели абсолютизацию экономических отношений в качестве главной причины конфликта между классами, с чем решили не согласиться. Подобное разночтение явилось следствием одностороннего, упрощенного толкования марксистского подхода. В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм»²¹ раскритиковал эмпириокритицизм, т. е. махизм, который был отражением позитивизма. Тем ни менее, точка зрения вышеназванных социологов и других представителей общественных наук получила широкое распространение в обществознании. Например, М. Вебер полагал, что возникновение конфликтов не сводится только к различиям бедности и богатства. Выявив компонент неравенства (разная степень уважения, неодинаковый престиж), он ввел понятие статусных групп. При этом М. Вебер обнаружил связь между материальными и идеальными интересами различных групп, с одной стороны, и религиозным сознанием – с другой²².

Р. Михельс в своем анализе деятельности профсоюзов и политических партий XIX века открыл закономерность, согласно которой олигархия складывается всегда, когда численность организации превышает определенную величину (возрастает с 1000 до 10 000 членов), т. е. тенденция к концентрации власти, с его точки зрения, обусловлена главным образом структурой организации, а это неизбежно порождает конфликты²³. Как известно, в науку данная теория вошла как «железный закон олигархии».

²¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. М., 1968. Т. 18. С. 7–384.

²² Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

²³ Конфликты в условиях становящегося гражданского общества: материалы летней школы Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 1999. С. 54.

Р. Дарендорф именно классы считает «конфликтующими социальными группами, основание определения которых... состоит в участии в господстве или исключении из него...»²⁴. Он утверждал, что классовый конфликт определяется характером власти. Конфликт, по его мнению, вызывается обычно не экономическими отношениями между руководителями и подчиненными, его главной причиной является власть одних над другими. Не только власть предпринимателей над рабочими создает основу для конфликта, он может возникнуть в любой организации, где вообще существуют управляющие и управляемые. В своей работе – «Общественные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» – Р. Дарендорф использовал многие теоретические положения К. Маркса для вывода о существовании объективных «скрытых» и осознанных «открытых» интересов. Классы, по его мнению, появляются лишь тогда, когда «скрытые» интересы становятся «открытыми»²⁵. В марксизме это положение сформулировано применительно к превращению пролетариата в решающую движущую силу, когда он из «класса в себе» превращается в «класс для себя».

Р. Мертон²⁶ подметил, что новые элементы социальной структуры вызывают predisposition к аномии и отклоняющемуся поведению (девиации). Они и формируют установку на преодоление конкурентов. Эта подверженность аномии характерна не для всех групп общества. Существуют группы, которые наиболее склонны к отклонениям и, напротив, довольно устойчивы в отношении девиации. Таким образом, существуют не только объективные, но и субъективные предпосылки конфликтов.

Л. Козер, различая внутри- и внегрупповые конфликты, обратил внимание на зависимость их от самой социальной структуры, которая содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институциализация конфликта и определение степеней его допустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласова-

²⁴ Darendorf R. The modern social conflict: an Essay of politics of liberty. London, 1988. P. 43.

²⁵ Darendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikte in Industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957. S. 138.

²⁶ Merton R. Social theory and social structure. New York: The Free Press, 1952. P. 67.

ния противоположных требований сторон или он окажется чреват социальным взрывом? Ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, под воздействием которой и развивается конфликт.

В социальной структуре любого типа, считает Л. Козер, всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, позиций престижа или отношений власти. Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций²⁷.

П. Бурдьё дает достаточное количество практического материала для размышления над тенденциями развития нынешних конфликтов, поскольку вообще полагает, что класс как теоретическая конструкция, отождествляемая с реальной действующей группой людей, есть обычная интеллектуальная иллюзия. По его мнению, неполнота марксистской теории классов и, в особенности, ее неспособность учитывать ансамбль объективно регистрируемых различий, являются результатом того, что, якобы, сведя социальный мир к одному лишь экономическому полю, марксистская теория приговорила себя к определению одной лишь позиции в экономических отношениях производства. Он полагает эту теорию привязанной к одномерному социальному миру, организованному вокруг противоречия между двумя блоками. «В реальности, – пишет П. Бурдьё, – социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль, относительно автономных полей, т. е. подчиненных в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства. Внутри каждого подпространства те, кто занимает доминирующую позицию, и те, кто занимает подчиненную позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу»²⁸.

По К. Боулдингу, Л. Крайсбергу, М. Крозье, конфликт заключается в противоборстве групп, преследующих несовместимые цели.

²⁷ Козер Л. А. Функции социального конфликта // Социальный конфликт: современные исследования. М., 1991. С. 22–23.

²⁸ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 27.

К. Боулдинг отмечал, что все конфликты имеют общие элементы и общие стандарты развития и изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его конфликтном проявлении²⁹.

Известный югославский марксист Э. Кардель проводил различие непосредственных интересов социальных слоев и групп социалистического общества, внутри рабочего класса. Признавая конфликты на базе социальных и имущественных различий, порождаемых в первую очередь распределением по труду, он находил основной конфликт югославского общества (60–70 гг. XX в.) в противоречии между силами социалистического самоуправления и антисамоуправленческими силами. Помимо этого конфликта, носящего характер классового антагонизма, в югославском обществе, по его мнению, существовали и иные конфликты, возникающие на базе социалистических общественных отношений³⁰. Его соотечественник М. Джилас заявил, что данная точка зрения не означает, что совпадение интересов социальных групп является абсолютной и между ними нет различий в интересах, а тем самым и известных противоречий³¹.

Не все специалисты были заняты поисками источников конфликтов исключительно в групповых отношениях. Социологи и психологи XX в., в том числе и отечественные, обращали внимание и на личностные характеристики³². Они обнаружили, в частности, множество индивидов, которые вообще отвергают свою принадлежность к каким-либо группам внутри социальной структуры. В поле исследовательского внимания стали попадать психически нездоровые люди, бродяги, хронические алкоголики, наркоманы и преступники, т. е. деклассированные элементы или люди с отклоняющимся поведением. Оказалось, что и они образуют довольно устойчивые группы, занимающие в социальной структуре определенное место. Как правило, они не приемлют господствующие в

²⁹ Boulding K. Conflict and Defense. Boston, 1961. P. 9.

³⁰ Кардель Э. Пути демократии в социалистическом обществе. Белград. 1978. С. 31.

³¹ См. Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М.: Мысль 1980. С. 285.

³² Бородкин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание: конфликт! Новосибирск: Наука, 1989; Зигерт В., Ланг Л. Руководитель без конфликтов. М.: Экономика, 1990; Фишер Р. Путь к согласию. М.: Наука, 1990.

обществе нормы и генерируют по отношению к другим социальным группам чувство враждебности и собственного бессилия. Это «порок» общества, но весьма устойчивый, от которого не смогла полностью избавиться ни одна из известных социально-политических систем. Вероятно, для традиционного функционирования общества такие группы естественны. Важно, чтобы в процентно-количественном отношении они не преступали определенной границы. В противном случае повышается возможность дестабилизации устоявшихся социальных отношений, а в случае конфликта – его резкое усиление за счет вовлечения в него этой постоянно недовольной существующим положением вещей массы людей.

Итак, основные подходы к пониманию и объяснению конфликта складывались в основном в рамках рассмотрения особенностей взаимодействия крупных социальных общностей. Анализ конфликтов, сведенный до уровня личности, как в философии, так и в социологии занимает второстепенное положение, что вполне объяснимо. Вместе с тем при изучении девиантного поведения единичное, индивидуальное имеет тенденцию к превращению в общее, социально-групповое, т. е. становится необходимым для анализа социальных общностей. Здесь мы сталкиваемся с проявлением «общего и единичного», «общего и особенного», но за рамками нашего интереса остается «единичное и особенное», что вполне объяснимо.

Изучение социальной напряженности, столкновений, борьбы между различными общностями является одним из основных методов исследования предмета конфликта. Вместе с тем конец XX – начало XXI в. ознаменовались глобальными изменениями в мире, которые в той или иной степени затрагивают общества разного уровня развития, всех континентов. Социальные изменения, происходящие в тех или иных социумах, неоднозначны, но общемировые факторы – известны: информатизация общественной жизни и процессы глобализации мира. А это, в свою очередь, ставит важные вопросы и о субъектах конфликта и направленности их действий в современных условиях. Поэтому наиболее адекватное представление в вопросе об истине, в контексте достоверности, относительно сущности крупных социальных конфликтов необходимо искать с учетом различных теорий, в том числе и постмодернистских, кото-

рые описывают современное информационное, постиндустриальное, сетевое общество, охваченное процессом глобализации.

Как уже отмечалось, наряду с революционной теорией существует и эволюционная. Наш анализ был бы неполным, если бы мы не остановили свое внимание на точках зрения, отражающих дихотомию конфликт-консенсусных отношений. К таким можно отнести: авторитарную; прагматико-технократическую; структурно-функциональную; ценностно-ориентированную, и собственно конфликтно-консенсусную.

Яркими представителями структурно-функциональной теории конфликтов являются Т. Парсонс, Р. Мертон, работающие в русле постпозитивизма. Данная теория представляет общество как целостный организм, каждая из частей которого осуществляет определенную социальную функцию, без чего немислимо равновесие в целом. Функция в этом случае есть объективная связь между социальным субъектом или институтом данного общества и его потребностью самосохранения и «нормального» развития.

Нарушения соотношений функций и появление дисфункций называются источниками конфликтности. Современные теоретики утверждают, что особую роль в социальной конфликтности играет одна ключевая «социальная единица» – «структура», «социальная группа». Например, производственные конфликты характеризуются как самоопределение и самоутверждение в своих правах и интересах трудового коллектива в целом, либо его группы или индивидуума. При этом преимущественное внимание уделяется группе как основной, структурной единице конфликта.

Идеальное состояние общества складывается, когда все его части находятся в состоянии гармонии и получают вознаграждение в соответствии со своим вкладом в общее благосостояние. Поэтому, представители данной точки зрения главной формой общественных отношений считают социальный консенсус, а социальный конфликт предстает в их интерпретации в виде частного и «дисфункционального» случая общественной жизни. Отметим, что идеальное состояние есть лишь абстрактно-теоретический концепт, онтологически нереализуемый. Он позволяет указывать ориентир, к которому необходимо стремиться и в этом движении к идеальному состоянию сам абстрактно-теоретический концепт наполняется конкретным содержанием. Но, что еще более важно, в процессе движения обяза-

тельно рождается противоречие, которое выступает дисфункцией частей некоего целого и если данное противоречие не разрешается, оно рано или поздно перерастает в конфликт. Таким образом, конфликт и консенсус это две стороны некоего целого, находящегося в непрерывном движении, даже если внешне это напоминает покой.

Структурно-функциональный анализ имеет ряд преимуществ в социальном познании. Так, характеризуя ту или иную социальную структуру, данный подход описывает ее элементы и форму их взаимодействия, что позволяет выявить *разногласия, противоположность интересов, наконец, противоречия*, возникающие в процессе функционирования различных элементов данной структуры. На более высоком уровне абстрагирования данный подход дает возможность получать описательные знания о различных социальных структурах общества и формах взаимодействия между ними. Таким образом, данный подход в социальном контексте позволяет уяснить соотношение формы и содержания, а также характер взаимодействия различных социальных образований. Если основоположник социологии О. Конт подразделил социологический анализ на социальную статику и социальную динамику, придав им некую автономность, то структурно-функциональный анализ позволил объединить эти виды анализа в единое целое, что дало преимущества в качестве получаемых знаний. С точки зрения выяснения характера социальных изменения данный подход также показал себя эффективным.

Но структурно-функциональный анализ социальной конфликтности одновременно имеет и слабые места. Говоря о недостатках, в первую очередь, надо отметить излишний биологизм и технократизм этой теории. В ней как бы остаются в стороне осознанные интересы участников социальных процессов и мотивы их общественного поведения. Кроме того, чрезмерная ориентированность теории на стабильность, равновесие общества как целого тоже затрудняет анализ всего комплекса возможных конфликтов. Возникают трудности и с вводом в социальный анализ крупных качественных переломов общественных структур, таких как социальные революции, и тем более смены общественно-экономических формаций. Данное обстоятельство порождает определенную статичность и неисторичность структурно-функционального подхода.

К другому изъяну структурно-функционального анализа социальной конфликтности можно отнести следующее: в социально-экономическом контексте индустриального и постиндустриального общества происходит сегментация, структурирование и дробление социального мира. В этих обстоятельствах жесткие, взаимосвязанные, всесторонне контролируемые системы исторически проявляют свою неэффективность. Чем масштабнее исторический контекст применения структурно-функционального анализа, например международные конфликты, тем больше проявляется его неэффективность.

Методологические подходы структурно-функционального анализа вычлениают элементы стабильности и нестабильности, предпосылки анархии в общественной жизни и пути институализации конфликтных тенденций, отражают существование объективных процессов и создают почву для субъективных решений.

Вместе с тем структурно-функциональный подход обращает внимание на классово-экономическую природу социального конфликта. Конфликт выступает функцией производственных отношений, зеркально отображая классовый характер противоречий, их антагонистичность. Таким образом, даже в рамках чуждого марксизму социально-философского течения, опирающегося на позитивизм и постпозитивизм, диалектический материализм пробивает себе дорогу.

Другой доктриной, получившей распространение в западной конфликтологии, является концепция Льюиса Козера, американского ученого. Основные ее положения изложены в его книгах «Функции социального конфликта» и «Продолжение исследования социального конфликта»³³.

В противоположность классическим теориям структурного функционализма, представители которого выносят конфликт за пределы социального анализа как нечто чужеродное для общественной системы, Л. Козер пытается доказать, что коллизии есть продукт внутренней жизни социума, существующего в нем порядка вещей, самих отношений между отдельными личностями и группами. Если функционалисты видят в конфликте только проявления «расстройства» общества, то Л. Козер делает ударение на обоснова-

³³ Coser L. The Function of Social Conflict. London, 1956; Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict. New York, 1967.

нии именно позитивных функций коллизий, на раскрытие их стабилизирующей роли в общественной жизни.

По его мнению, решение проблемы «общественного порядка» и обеспечения «устойчивости» существующей социальной системы не исключает, а, напротив, вполне допускает признание социальных столкновений, могущих служить ее существенным потребностям.

Разработка конфликтологической концепции общественного конфликта и сочетание ее с теорией, основанной на согласии, позволит, по мнению Л. Козера, преодолеть недостатки структурного функционализма, подтвердить его претензии на статус общесоциологической теории общества. Таков главный замысел американского конфликтолога, который он воплощает в своей концепции «позитивно-функционального конфликта».

Логическая схема этой концепции включает в себя определение самого понятия социального конфликта, его типологию и классификацию, а также обоснование свойственных ему «позитивных функций» в общественной жизни. Под социальным конфликтом Л. Козер предлагает понимать «борьбу за ценности и претензии на определенный статус, власть, ресурсы, борьбу, в которой целями противника являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника»³⁴. Это определение – одно из самых распространенных в западной литературе.

На наш взгляд, в этом контексте социальные столкновения толкуются как столкновения «конфликтных сознаний», а их главными причинами объявляются несовершенство человеческой психики, несоответствие между реальной действительностью и представлением о ней. Преувеличение роли сознания, воли и эмоций людей в вопросе о происхождении конфликтных ситуаций имеет своей оборотной стороной игнорирование объективной причины важнейших общественных коллизий. Подобное можно сказать и относительно толкования термина «социальное» в применении к таким понятиям, как «социальная ситуация», «социальная группа», «социальное насилие». Этот термин используется западными учеными для обозначения всякой формы взаимодействия между людьми, в том числе и всевозможных видов противоборства.

³⁴ Козер Л. Функции социального конфликта / перевод с англ. О. А. Назаровой. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 32.

Л. Козер, стремясь избежать обвинений в психологизации общественных явлений, прямо высказывается против объяснения социальных коллизий неким врожденным человеку «инстинктом агрессивности», «импульсом враждебности». Поведение отдельных лиц и социальных групп, по мнению Л. Козера, определяется их «общественным окружением», «социальным пространством». Фактически он отклоняет только наиболее откровенные, уже скомпрометированные психологические концепции³⁵.

Итак, общество, взятое вне его действительной истории, как «любая социальная система» с фатально неизбежным социальным неравенством, вечной психологической неудовлетворенностью членов общества и проистекающей отсюда напряженностью между индивидами и группами, их чувственно-эмоциональной, психической расстроенностью, от случая к случаю разряжающейся в их взаимных коллизиях, – такова концепция конфликтов Л. Козера. Нам представляется данная теория своеобразным «метанием» ее автора между субъективным и объективным идеализмом, она напоминает перевернутую Эйфелеву башню.

Другая концепция конфликта принадлежит американскому специалисту Т. Шеллингу³⁶. В общей системе конфликтных взаимоотношений между двумя сторонами – личностями, партиями, государствами, группами государств – упор в их урегулировании делается на силовой фактор, на достижение односторонней победы. Переговорам в этой системе отводится место «запасного выхода», когда продолжение конфликта силовыми средствами уже либо бесперспективно, либо невыгодно.

Полемизуя с Т. Шеллингом, другой американский ученый А. Рапопорт³⁷ убедительно доказал, что нельзя все конфликты подгонять под единую универсальную схему: есть конфликты типа «схваток», когда участников конфликта разделяют непримиримые противоречия и рассчитывать можно только на победу; есть конфликты типа «дебатов», где возможно спор, маневры, но в принципе обе стороны могут рассчитывать на компромисс; есть конфликты

³⁵ Козер Л. Функции социального конфликта / перевод с англ. О. А. Назаровой. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 39.

³⁶ Schelling T. The strategy of conflict. N. Y.: Oxford University Press, 1963.

³⁷ Rapoport A. Fights, Games and Debates. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1969.

типа «игр», где стороны действуют в рамках одних и тех же правил. Такие конфликты никогда не завершаются разрушением всей структуры отношений. Конфликт остается со всеми присущими ему сторонами: противоположностью и несовместимостью интересов, стремлением к достижению односторонних выгод, невозможностью длительного компромисса. Этот вывод о конфликтах и способах их урегулирования имел принципиальное значение для американской науки, т. к. происходило снятие ореола безысходности и обреченности с каждого из конфликтов, будь то в международных отношениях или внутри общества.

Американский ученый Г. Райффа³⁸ обосновал идею о том, что каждый здравомыслящий человек должен обладать умением эффективно улаживать споры и разногласия, находя и развивая общие интересы. Выводы Г. Райффы развили Р. Фишер³⁹ и У. Юри⁴⁰, напомнившие мудрость «Худой мир лучше доброй ссоры». Желание вести переговоры должно быть дополнено соответствующим умением. Последнее предполагает понимание позиций другой стороны, учет ее интересов. Их практические рекомендации просты и эффективны: сосредоточьтесь на интересах, а не на позициях; делайте разграничения между участниками дискуссий и обсуждаемыми проблемами. Краткий обзор позиций западных конфликтологов позволяет нам констатировать, что у них доминирует инструменталистский подход к проблеме общественных конфликтов. И это неудивительно, т. к. практическая направленность гуманитарных исследований западных специалистов (особенно американских) – характерная черта социально-гуманитарного знания. Это есть данность, которую нельзя оценивать в категориях «хорошо – плохо».

На наш взгляд, для современной российской действительности инструменталистский подход является актуальным, т. к. конфликты в отечественной социальной практике часто грешат доминированием личностных моментов ее акторов над объективной стороной. Да и в целом культура диалога, дискуссий в нашей стране по-прежнему

³⁸ Raiffa H. Mediation of conflicts // American Behavioral Scientist. 1983. Vol. 27. P. 195–210.

³⁹ Fisher R. International conflict and the social sciences: the Craigville papers. N. Y.: Basic Books, 1964.

⁴⁰ Fisher R, Ury W. International Mediation, a working guide. N. Y.: International peace Academy, 1978.

оставляет желать лучшего. За последние четверть века даже публичные люди России, ее интеллектуальная элита мало продвинулись в сторону обретения навыка цивилизованного ведения дискуссий со своими оппонентами. А ведь еще четверть века назад, в разгар перестройки данная проблема озвучивалась. Например, В. В. Рябов отмечал: «...в силу огромного дефицита философской культуры мышления, отсутствия культуры дискуссий мы встречаемся с крайне запальчивыми оценками и суждениями, злым субъективизмом, рьяной защитой групповых интересов, абсолютизацией той или иной точки зрения, крайней нетерпимостью»⁴¹.

В разных идейных, мировоззренческих концепциях российского общества проблема конфликта занимала различное место. Например, христианская религиозная философия обращалась к идее соборности, которая не оставляла места для проникновения в сущность каких-либо конфликтных отношений. Личность растворялась в целостности народа, церкви, религии и государства. Конфликты могли рассматриваться с этой точки зрения лишь как ересь, отклонение от русской православной идеи, и, естественно, должны были преследоваться и наказываться.

Либеральные теории, в которых господствовал толерантный подход к интересам оппонента, не получили широкого распространения на российской почве. Наоборот, крайняя идеологизация конфликта, использование формул «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают» стали специфической и трагической особенностью российской истории XX столетия. В российском национальном самосознании было очень мало места для терпимости, для понимания точки зрения противоположной стороны. Никто не хотел уступить.

Что касается послереволюционного (1917 г.) периода, то:

а) утвердилось доминирование концепции классовой борьбы в ее крайних формах;

б) масса ненависти с точки зрения социальной психологии после Гражданской войны оказалась нереализованной;

в) образ или стереотип «врага народа» стал одним из господствующих политических стереотипов в массовом сознании.

⁴¹ Рябов В. В. Перестройка и общественные науки // Гласность: насущные вопросы и необходимые ответы. М.: Политиздат, 1989. С. 238.

Человек был лишь материалом истории, ничтожной частью всемирных деяний, направленных якобы на торжество «справедливости» во всемирно-историческом масштабе. Классовая борьба приобрела масштабный характер, и конфликты на более низких уровнях не могли иметь самостоятельного значения.

Несколько иной ракурс проблема конфликта выявляет при попытках вывести социальную напряженность из уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп.

Именно такой подход к проблеме демонстрирует П. Сорокин при выяснении вопроса о причинах социальных революций. «Непосредственной предпосылкой всякой революции, – пишет он, – всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения»⁴².

Если пищеварительный рефлекс доброй части населения «подавляется» голодом, то налицо одна из причин восстаний и революций, если подавляется инстинкт самосохранения массовыми убийствами, кровавыми зверствами, то налицо другая причина революций... Если «подавляется» собственнический инстинкт масс, господствует бедность и лишения и, в особенности, если это происходит на фоне благоденствия других, то мы имеем еще одну причину революций»⁴³.

Среди подавленных инстинктов, потребностей и рефлексов, которые вызывают социальную напряженность, взрыв и конфликт, П. Сорокин выявляет потребности коллективного самосохранения (семьи, религиозной секты, партии), потребности в жилище и одежде, половой рефлекс, инстинкт самовыражения и интерес к соревновательности, творческой работе, потребности в свободе⁴⁴.

Указание на связь неудовлетворенных потребностей и нарастающих конфликтных ситуаций, рассмотрение источника конфликтов в подавлении базовых потребностей человека, без удовлетворения которых он не может существовать, позволяет ближе подойти к анализу конкретного социального конфликта. Данная идея в современную науку пришла из марксизма, а в XX веке через работы

⁴² Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 292.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Сорокин П. Человек и общество в условиях кризиса (фрагменты книги) // Вопросы социологии. 1993. № 3.

П. Сорокина, получив развитие в теории относительной депривации⁴⁵, выдвинутой учеником П. Сорокина Р. Мертоном, а позже разделяемой Дж. Дэвисом и Т. Гарром⁴⁶.

С точки зрения относительной депривации всякий конфликт характеризуется прежде всего неудовлетворенной потребностью и стремлением найти средства для того, чтобы эту потребность удовлетворить. Недовлетворенность потребностей и интересов значительной массы населения составляет, по П. Сорокину, – главный источник революционных потрясений в обществе: «Всевозрастающее подавление основных инстинктов населения, их базовый характер и бессилие групп, стоящих на страже порядка, – таковы три элемента адекватного описания условий революционного взрыва»⁴⁷.

Под конфликтом П. Сорокин понимал взаимодействие различных социальных сил, которые при всем своем несогласии взаимно нуждаются друг в друге, в оппонентах и имеют взаимные интересы. При этом интересы одной стороны могут быть удовлетворены лишь в том случае, если она вступит во взаимодействие с другой. Конфликт интересов предполагает их взаимное пересечение, существование общих и общественных интересов, от достижения которых зависит реализация частных программ. Указывая на связь конфликта с удовлетворением потребностей людей, П. Сорокин отмечал, что важны не сами по себе потребности, но и средства их удовлетворения, доступ к соответствующим видам деятельности, который обусловлен социальной организацией общества⁴⁸.

В рамках изучения возможностей для интегративного разрешения социальных противоречий и конфликтов П. Сорокин предложил рассматривать *новое царство реальности*. Данное царство составляют элементы социокультурной динамики, которые способны

⁴⁵ Относительная депривация – это расхождение между тем, какие возможности предоставляет нам общество, и тем, что мы считаем справедливым получать в обмен на свои усилия, квалификацию, способности.

⁴⁶ Davis D., Harre T. *Leadership in conflict: the lessons of history*. N. Y.: St. Martins Press, 1996.

⁴⁷ Sorocin P. A. *Sociology of Revolution*. Philadelphia, 1925. P. 370–371.

⁴⁸ Попов А. О., Попова А. Д. Кризис и конфликт в XX веке // Питирим Сорокин и развитие науки о человеке, обществе, цивилизации (материалы Международной практической конференции к 110-летию со дня рождения П. А. Сорокина). М.: Изд-во МГПУ, 2000. С. 148.

изменять физический и социальный мир, при этом они могут проявляться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Во времена радикальных социокультурных преобразований, согласно «закону позитивной и негативной поляризации», люди ведут себя неоднозначно. Одна часть общества, дезинтегрируясь становится более склонной к социальной аномии. Другая – напротив, укрепляет потенциал институциональных обновлений посредством морального возрождения и «производства доброты» по отношению к другим людям. Тем самым они обеспечивают не только самосохранение, но и обновление общества в целом, предоставляя ему резервные шансы адаптироваться к новым социокультурным реалиям через активное взаимодействие нарождающихся институциональных структур и деятельностных субъектов. Результат подобной борьбы предсказать невозможно, так как он зависит от многих переменных. Вместе с тем П. Сорокин открыл «коллективный рефлекс», который считал интегральным фактором социальной жизни.

В работе «Человек и общество в условиях кризиса», опубликованной в современной России фрагментами⁴⁹, П. Сорокин призывал в ходе общественно-политического реформирования избегать крайностей, резких колебаний, предупреждал, что если маятник слишком сильно качнется в одну сторону, то общество обречено испытать на себе обратное движение «колеса истории». В то же время для реформаторов всех времен и народов существует верный ориентир – интегральная сущность человека. Любое противоестественное или противоправное, так называемое, асоциальное действие, когда реформы переходят «порог терпения», а отношение к реформаторам выходит за рамки «порога доверия», вынуждает маятник истории, качнуться в обратную сторону и народные массы пойдут свергать с пьедестала «героев вчерашних дней». Насколько актуальными оказались мысли П. Сорокина для России конца 80-х – начала 90-х годов, когда Б. Ельцин, борясь сначала с умеренными реформаторами в лице М. Горбачева, а затем и ортодоксальными коммунистами, взял на вооружение радикальный метод «кавалерийской атаки». Уж слишком велик был соблазн одним махом освободиться от «коммунистического» прошлого и стать демократическим государством с рыночной экономикой. Программы «400

⁴⁹ Сорокин П. А. Человек и общество в условиях кризиса.

дней» и «500 дней», в течение которых хотели перевести экономику огромной страны на рыночные рельсы, являются утопией. А личный пример Б. Ельцина, человека, который не просто был членом КПСС и сделал политическую карьеру благодаря наличию партбилета, подтверждает правоту слов В. И. Ленина⁵⁰ («Философские тетради» 1916 г.) о коммунистах, которые спустя полвека так и не поняли марксизм. Б. Ельцин был не рядовым членом партии, а человеком, который возглавлял Свердловскую партийную организацию, а затем возглавил коммунистов Москвы, но и спустя век он не понял марксизм. Социальные практики 90-х гг. XX в. посрамили многие высказывания Б. Ельцина, показав их идеалистичность. В постельцинский период пришлось «дорого платить по счетам» непродуманных действий первого российского президента.

Есть и совсем свежий пример, связанный с событиями на Украине, где еще весной 2014 г. водораздел противостояния проходил по линии Майдан – антимайдан, а, спустя полгода, осенью 2014 г. внутри сторонников Майдана обозначился раскол. Радикальные сторонники Майдана теперь уже вновь избранному президенту П. Порошенко стали угрожать свергнуть его, т. к. он предал их интересы и своей политикой не отвечает их чаяниям. Теория кризиса, которую разработал П. Сорокин, была бы как нельзя кстати и могла помочь украинским «реформаторам» не «наломать дров» в своем отечестве, однако если и «хотели как лучше», то «получилось как всегда».

П. Сорокин утверждал, что все крупные войны и революции «всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», т. е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться худшие...»⁵¹. Он определяет два главных феномена, присущих революциям – *голод и войну*, которые «оголяют» человека, биологизируют его, объявляя моральные, правовые, религиозные ценности поведенческими предрассудками, снимают «костюм культуры».

Интеллектуальное наследие П. Сорокина в изучении предмета социальных конфликтов помогает нам использовать его метод научного анализа применительно к процессу российской трансформации рубежа XX–XXI вв. и лучше понять происходящее.

⁵⁰ Ленин В. И. Философские тетради // ПСС. М., 1969. Т. 29. С. 3–776.

⁵¹ Сорокин П. Современное состояние России. С. 182.

Поиск подходов, представляющих гносеологическую ценность применительно к объекту и предмету нашего исследования, был бы неполным, если бы мы не обратились к современным авторам постмодернистского направления. Из большого числа авторов мы остановили свой выбор на А. Турене и его ученике М. Кастельсе. А. Турен нам интересен тем, что анализирует противоречия и конфликты современного постиндустриального общества, а М. Кастельс с социально-экономических позиций характеризует глобализацию и информатизацию мира. Поскольку современная Россия активно информатизируется и вовлечена в процесс глобализации, то идеи М. Кастельса представляют определенную ценность.

Трансформационные изменения российского общества начала XXI века приобрели ярко выраженный постмодернистский характер. Информационно-технологическая революция и стремительная глобализация мира порождают принципиально новые проблемы социального свойства, которые в условиях современной России имеют как общие, так и специфические проявления.

За феноменом конфликта всегда скрываются определенные противоречия. Именно *противоречия*, а не просто *расхождения*, *несовпадения* или *различия* между сторонами вызывают конфликты. Но это не значит, что, противоречия непременно влекут за собой конфликт. В основе любого конфликта лежит противоречие, но не всякое противоречие перерастает в конфликт.

В одной из основополагающих работ современного французского специалиста А. Турена⁵², высказываются идеи, которые нам интересны по двум причинам. Во-первых, А. Турен считает классическую социологию малоэффективной в анализе современных социальных процессов, так как она ориентирована на изучение «социального порядка». Во-вторых, предлагая взамен «классической социологии», находящейся, по его мнению, в кризисе, свою «социологию действия», он, напротив, интересуется прежде всего изменениями и рассматривает социальные действия как цепь конфликтов. Тем самым автор говорит о «разных социологиях», первая из которых ориентирована на изучение совокупности институтов и отношений, обеспечивающих стабильность социальной системы. Другая – «социология действия» – ставит во главу угла своего изу-

⁵² Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

чения социальный процесс (объект изучения), а предметом исследования являются социальные действия, порождающие конфликты. По мнению А. Турена, только «социология действия» поможет понять происходящие в современном обществе процессы и явления. В контексте нашего исследования, где наблюдается совпадение объектно-предметных составляющих с туреновской парадигмой, мы не могли обойти стороной его теорию.

Погружаясь в туреновский дискурс, важно понять феномен «историчности», который в традиционных и в современных обществах трактуется по-разному. В первом случае историчность – это призыв к революционным преобразованиям, а во втором – наоборот, дистанцирование индивида от общественной системы: «Из революционера он стал анархистом»⁵³. А. Турен критикует классическую социологию за то, что она оставляет мало места для идей социального действия. Чем больше говорят об обществе, тем меньше рассуждают о его действующих лицах: «Действующие лица в классической социологии рассматриваются только с точки зрения того, помогают ли они прогрессу или сопротивляются ему»⁵⁴. По мнению А. Турена, разложение классической социологии произошло в первой половине XX века в силу Великой депрессии в США, установления тоталитаризма в Италии, Германии и СССР, отсюда разговоры о кризисе прогресса, о закате Европы и т. п. В результате идея общества исчезла, а социальное было заменено политикой, которая парализовала стремление человека к действию.

Анализируя современное общество, А. Турен указывает, что общественный конфликт разделяет сообщество на тех, кто является агентом и хозяином культурных моделей, и тех, кто принимает в них зависимое участие и стремится освободить их от влияния общественной власти.

С учетом предмета нашего исследования мы подошли к важному аспекту социальных взглядов А. Турена. Он указывает на различия своего подхода к анализу социальных явлений и того, что разработал К. Маркс. Приведем этот отрывок полностью: «Маркс, ссылаясь на фундаментальное противоречие между природой и обществом, между общественными производительными силами и производственными отношениями. Мне, напротив, кажется, что нужно опреде-

⁵³ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 13.

лять классы как группы, противостоящие друг другу в центральном конфликте за овладение историчностью, на которую они ориентированы и которая представляет ставку их конфликта. Например, в индустриальном обществе противостоят друг другу не капиталисты и пролетарии..., а индустриалы и трудящиеся. Обе группы имеют одни и те же культурные ориентации: верят в прогресс, в грядущее благосостояние... Но в то же время они борются друг с другом за общественный контроль над этой индустриальной культурой, за то, чтобы придать различные социальные формы одним и тем же культурным ориентациям. Центральным социальным механизмом является конфликт, посредством которого поле историчности, совокупность культурных моделей трансформируется в систему социальных отношений, каковые всегда представляют собой отношения неравенства, отношения власти»⁵⁵.

А. Турен приходит к выводу о том, что нет необходимости противопоставлять идеи К. Маркса идеям М. Вебера, т. к. противопоставленные друг другу отношениями господства и конфликта, они имеют одинаковые культурные ориентации и борются между собой за общественное управление этой культурой. А. Турен видит в социальном явлении «результат отношений между действующими лицами, имеющими определенные культурные ориентации и включенными в социальные конфликты»⁵⁶.

Изменения в современном обществе, обусловленные научно-техническим прогрессом и особенно революцией в сфере коммуникаций, характеризуют социальную жизнь как процесс самопроизводства и самотрансформации. Этот процесс осуществляется посредством **инвестиций**, борьба за управление которыми характеризует современные конфликты. При этом индивид становится настолько творческой и деятельностной личностью, что главной его ценностью является осознание и опыт самого себя в качестве субъекта социальных изменений. Такая творческая личность начинает сравнивать себя с другими подобными субъектами, и в этом коренится единство социальной системы, которая «представляет собой область, где производится историчность, представляю-

⁵⁵ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 59.

⁵⁶ Там же. С. 21

шая смысл общественных конфликтов и основанная на сознании субъекта»⁵⁷.

А. Турен указывает на неизбежный рост конфликтов, в которых главную роль будут играть иные действующие лица, нежели в индустриальном обществе, а именно коллективы и организации. Они будут бороться за возможность осуществлять контроль над культурными моделями своего поведения и общения с окружением, в чем и состоит смысл историчности. Исходя из роли коллективов и организаций в постиндустриальном обществе, в центре его теории оказывается понятие «общественные движения».

«Идея общественного движения является... новой, она вынуждает считаться с тем фактом, что действующие лица не находятся лишь под влиянием ситуаций, но и производят эти последние. Они определяются одновременно и своими культурными ориентациями, и общественными конфликтами, в которые они включены. Под культурными ориентациями не имеются в виду ценности, противоположные ценностям противника, но напротив, общие с ним и определяющие ставку конфликтов. Последние не являются пустыми играми, так как они стремятся к трансформации организационных и институциональных форм коллективной жизни»⁵⁸. Современные общества, указывает А. Турен, реинвестируют все большую, по сравнению с предшествующими обществами, часть их продукта таким образом, что общественные конфликты из-за управления и присвоения получающихся от этих инвестиций новых продуктов могут лишь расширяться и развиваться. Таким образом, нет общего кризиса современности, по мнению А. Турена, а есть кризис, указывающий на исчезновение социального эволюционизма, той идеи, согласно которой существует «естественный» процесс модернизации, управляемый «законами» исторического развития, способными дать отчет обо всех аспектах общественной жизни и ее трансформации.

Второй важный момент, влияющий на рост числа конфликтов в постиндустриальном обществе, – это изменение роли государства. «Сегодня государство стало активной властью, которой выпало управлять не только экономической деятельностью, но и многими сторонами общественной жизни. Из юриста оно стало экономистом,

⁵⁷ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 24.

⁵⁸ Там же. С. 41–42.

сохраняя свои военные и дипломатические атрибуты»⁵⁹. Расширение функций государства привело к тому, что современные западноевропейские государства в меньшей степени способствуют интеграции общества, произошел упадок национальных государств. Процесс дезинтеграции общества привел к росту конфликтов.

В противовес плюралистической теории, которая признает только формальное, связанное с институциональными процедурами единство в социальных проблемах и конфликтах, А. Турен защищает идею о том, что в постиндустриальных странах конфликты и споры сами собой, автономно достигают некоторого единства, не обязанного вовсе никакому внешнему принципу вроде государственного вмешательства.

Логика научного анализа постиндустриального общества указывает на раскол между политической историей и социальной теорией. Ни одно западное государство не может считаться современным, учитывая пример Японии, модернизаторская элита которой способствовала укреплению государственности. Япония, опираясь на свои традиции, которые являются в некотором роде архаичными, дала миру пример модернизационного скачка. Вслед за Японией не менее ярким примером сегодня является Китай, где политическая жизнь все более и более отождествляется с управлением экономикой, а общественная жизнь – с областью культуры и проблемами личности. Вследствие этого традиционное поле социальной теории расширяется. С одной стороны, происходит оживление политической теории, которую долгое время ограничивала идея того, что политические институты являются только отражением общественных сил и интересов. С другой стороны, общественная жизнь все менее рассматривается как система, управляемая структурой и внутренними законами организации. Она «представляется сетью общественных отношений действующих лиц, руководствующихся, по крайней мере, столько же собственными проектами и стратегиями, сколько мотивами, продиктованными их ролями и статусами»⁶⁰.

А. Турен настаивает на том, что с конца XX века государство заполонило все общественное пространство и его господство стало абсолютным. «Вот почему самым сильным стремлением социоло-

⁵⁹ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 48.

⁶⁰ Там же. С. 51.

гов должно быть сегодня доказательство, что и в самых могучих империях социальная жизнь не исчезла...»⁶¹.

Возможно, прав российский специалист Д. Т. Жовтун, когда говорит, что «познание конфликтов требует новых интеллектуально-лингвистических ходов и смысловых конструкций»⁶². Подобный призыв, вероятно, объясняется тем, что автор определяет сущность конфликта как «особую реальность, скорее квазиреальность...»⁶³. Действительно, в современном постиндустриальном обществе, где наука, информация превращаются в непосредственную производительную силу, где наблюдается виртуализация социальных практик, конфликт во все большей степени приобретает характер квазиреальности.

А. Турен выделяет «три главных элемента общественной жизни: *субъект*, взятый дистанционно от организованной практики и в качестве сознания; *историчность*, то есть совокупность культурных моделей (когнитивных, экономических, этических) и ставка центрального общественного конфликта; *общественные движения*, которые борются за придание социальной формы названным культурным ориентациям. Эти элементы могут комбинироваться различными способами»⁶⁴.

Современное общество изобилует большим разнообразием социальных практик, в которых возникают конфликты между общественными движениями, по-разному культурно ориентированными. Данные конфликты могут способствовать интеграции или дезинтеграции социальной системы, ее стабильности или изменчивости, и задача современного социального познания, по мнению А. Тулена, состоит в том, чтобы вернуться «к анализу механизмов самопроизводства общественной жизни»⁶⁵. В противовес классической теории, где материальные факторы играют доминирующую роль и отсюда поведение людей объясняется с помощью обстоятельств, предлагается, наоборот, объяснять обстоятельства с помощью действий. Подобный подход, по мнению А. Тулена, позволит прояс-

⁶¹ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 53.

⁶² Жовтун Д. Т. Межэтнические конфликты в структуре современного российского социума // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 133.

⁶³ Там же. С. 133.

⁶⁴ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 60.

⁶⁵ Там же. С. 61.

нить изнанку современного общества. «Настал момент... научиться говорить о нашем обществе социологически. Ибо наивная вера в модернизацию, изобилие или научную и техническую революцию стала уже невозможной, тогда как одновременно между нациями и внутри них множатся социальные и политические конфликты»⁶⁶.

Свой подход А. Турен распространяет на «самые передовые общества западного типа», в которых политическая и идеологическая мобилизация не является определяющей. Здесь интеграционные процессы не идут от центральной власти, а исходят «снизу»: в обществе потребления множатся те организации, которые востребованы, и члены таких организаций получают ряд социальных преимуществ по сравнению с другими. Далеко не всех устраивает такой способ интеграции, особенно в больших организациях, и они составляют оппозицию. Но идти против организации – это значит обрекать себя на маргинальность, чему также способствует практика решения социальных проблем в постиндустриальных обществах. Таким образом, конфликт в современном западном обществе, по мнению А. Турена, приобретает маргинальный характер. Он имеет подтверждение и в тех случаях, когда происходит подавление отклонения от нормы. Асоциальные практики приходят в противоречие с нормами социального порядка, а это, в свою очередь, ставит под сомнение господствующую идеологию, вследствие чего «конфликт не связан с некоей фундаментальной областью социальной действительности»⁶⁷. Исчезает различие между современными конфликтами и неконформистским поведением социальных акторов.

Классическая наука оставила в наследство образ двух противников периода индустриального развития – капиталиста и рабочего, которые ведут классовую борьбу. В современных же обществах, как считает А. Турен, молчаливое большинство проектирует маргинальные группы, которые и вступают в конфликты, но уже не те «чистые» фундаментальные конфликты, а современные, смешавшие в себе и маргинальность, и эксплуатацию, и защиту прошлого (со стороны интеллигенции), и требования относительно будущего.

В условиях глобализации происходит универсализация социальной жизни, которая опирается на социальный порядок. Но если есть порядок, то параллельно должен быть и контрпорядок. Социальные

⁶⁶ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 64.

⁶⁷ Там же. С. 152.

институты, являвшиеся оплотом социального порядка в прошлом, будь то школа, церковь, теперь все чаще оказываются базой протеста. «Формирующиеся конфликты все более направляются против «суперструктур» или, проще говоря, против порядка, ибо новая власть обладает ранее не известной способностью придавать себе видимость порядка, господствовать над социальной организацией в целом, над разновидностями социальной практики, вместо того чтобы запереться в укрепленных замках дворцах или финансовых городах»⁶⁸.

Общественные движения в современных западных обществах могут объединяться только с левыми партиями, которые неминуемо терпят поражение, рассеиваются и «смешиваются с маргинальными или отклоняющимися формами поведения»⁶⁹. Указанные процессы и тенденции превращают постиндустриальное общество целиком в поле конфликтов. Данный вывод А. Турена противоречит точке зрения, согласно которой обогащение в постиндустриальных обществах приведет к смягчению конфликтов. «Проблемы власти и социального господства не исчезли, область структурных конфликтов только расширяется по мере того, как область священного тает в огне запланированных или организованных трансформаций»⁷⁰. Также нельзя согласиться с тем утверждением А. Турена, что общественные движения в развитых западных странах могут объединяться только с левыми партиями, маргинализируясь. Ни по сути, ни по форме данный тезис не отвечает действительности. Видимо, Турена постигла та же участь, что и некоторых других современных западных мыслителей (например, Ф. Фукуяму), которые под воздействием крушения мировой системы социализма и распада СССР поспешили в 90-е гг. XX в. сделать «глобальный» вывод об окончательной победе капитализма над социализмом.

Тем ни менее не будем сбрасывать со счетов важность для отечественной теории и практики футуристических идей А. Турена, с учетом запаздывающей модернизации и тех задач, которые ставит современная Россия на период до 2030 года. Чем больше Российская Федерация будет подвержена глобализационным процессам, формированию информационного общества, тем больше вероят-

⁶⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. С. 155.

⁶⁹ Там же. С. 156.

⁷⁰ Там же. С. 157.

ность повторения социальных тенденций и практик, которые присущи развитым западным обществам, описанным вышеуказанным автором. Соответственно, это дает нам возможность прогнозировать социальные противоречия и конфликты и минимизировать негативные последствия тех из них, которые имеют деструктивное содержание.

Ученик А. Турена Мануэль Кастельс представил внушительный труд⁷¹, посвященный всестороннему анализу фундаментальных цивилизационных процессов, вызванных к жизни принципиально новой ролью в современном мире информационных технологий. М. Кастельс исследует возникновение новой социальной структуры, которая ассоциируется с возникновением нового способа развития, названного автором **информационализмом**. Важную детерминирующую роль в организации общества играют отношения, складывающиеся в процессе **производства, опыта и власти**⁷².

Социальные структуры взаимодействуют с процессами в сфере производства, которые предопределяют правила присвоения прибавочного продукта. В свою очередь, эти правила и составляют способы производства, а сами способы определяют социальные отношения в производстве, детерминируя существование социальных классов. Несложно заметить, что М. Кастельс обнаруживает здесь свою близость к марксизму.

Он указывает на то, что в XX в. человечество жило в основном при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме. М. Кастельс часто подчеркивает, что капитализм сохраняет свои формообразующие особенности – наемный труд и конкуренцию в накоплении капитала. Только теперь сложился омоложенный информационный капитализм, который после краха этатизма как системы менее чем за два десятилетия пышно расцвел во всем мире. Эта форма капитализма более жесткая в своих целях, но несравненно более гибкая в средствах.

Способ производства определяет присвоение и использование «излишка». Но объем такого «излишка» определяется продуктивностью процессов производства. Уровни же продуктивности сами зависят от отношения между трудом и материалом, как функции ис-

⁷¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁷² Там же. С. 12.

пользования средств производства путем применения энергии и знаний. Этот процесс характеризуется техническими отношениями в производстве, определяющими **«способы развития»**, которые выступают как «технологические схемы, через которые труд воздействует на материал, чтобы создать продукт, детерминируя, в конечном счете, величину и качество экономического излишка»⁷³. «В новом информационном способе развития источник производительности заключается в технологиях генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации. Однако специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности»⁷⁴.

Данная концепция во многом продолжает намеченную в набросках К. Маркса к «Капиталу» идею о производственных системах и производственных революциях. К. Маркс насчитал три такие системы – кустарную, мануфактурную, машинно-индустриальную⁷⁵.

Сложившуюся экономику конца XX – начала XXI в. М. Кастельс именует **информационной и глобальной**. Он обосновывает это так: «Информационная – так как производительность и конкурентноспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Более того, – указывает М. Кастельс, – распространение производства, основанного на знаниях и управлении, на весь спектр экономических процессов в глобальном масштабе требует глубоких социальных, культурных и институциональных перемен...»⁷⁶. Вот почему это не просто информационная экономика, использующая информацию, а социальная система с присущими ей культурно-институциональными чертами. Именно

⁷³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. С. 39.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 26. Ч. 1. С. 229, 503.

⁷⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. С. 104

это обстоятельство дает основание Кастельсу называть современные развитые общества *информациональными*. Глобальная – потому что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки), организуются в глобальном масштабе непосредственно, либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. Кроме того, это экономика, которая способна работать в режиме реального времени в масштабе всей планеты. Наиболее ярко это проявляется в движении капитала по всему миру: каждую секунду в электронном режиме по всему миру осуществляются сделки на миллиарды долларов. Благодаря новым коммуникациям крупные корпорации имеют возможность продавать свою продукцию по всему миру. При этом следует оговориться, что даже развитые государства по некоторым видам продукции стараются защитить свой внутренний рынок от конкурентов. Вместе с тем, как пишет М. Кастельс, «доминирующие сегменты и фирмы, представляющие стратегическую основу любой экономики, тесно связаны с мировым рынком, и их судьба зависит от того, насколько успешно они работают на этом рынке. Динамика внутренних рынков, в конечном счете, зависит от способности национальных фирм конкурировать в глобальном масштабе»⁷⁷.

М. Кастельс не случайно уточняет используемый им термин «информационная», а не «информационная» экономика и постоянно применяет его в связке с глобальной экономикой. За этим стоит свой концептуальный подход. По его мнению, глобальная сеть явилась результатом революции в области информационных технологий, создавшей материальную основу глобализации экономики. Он убежден, что новые информационные технологии являются инструментом развития, в силу чего исчезает различие между пользователями и создателями. Из этого вытекает новое соотношение между социальными процессами: с одной стороны, создание и обработка символов (некие артефакты); с другой – способность производить и распределять товары и услуги (производительные силы). Тем самым впервые человеческая мысль становится непо-

⁷⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. С. 107.

средственной производительной силой, а не просто определенным элементом производственной системы.

Принципиальное отличие информационно-технологической революции от ее исторических предшественников состоит в том, что если прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты, хотя в мире еще остаются области, не включенные в современную технологическую систему. Различное время доступа к технологической силе для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире. М. Кастельс указывает на то обстоятельство, что современная информационная глобальная экономика чрезвычайно политизирована.

Он отмечает, что зависимость общества от новых способов распространения информации дает последним аномальную власть, приводит к ситуации, когда «не мы контролируем их, а они нас». Главной политической ареной теперь становятся средства массовой информации, но они политически безответственны. При этом политические партии исчезают как субъект исторических изменений, теряя свою классовую основу и обретая функции управляющих социальными противоречиями.

В отличие от А. Турена, М. Кастельс не обошел стороной те изменения в нашей стране, которые произошли в конце XX века. Он пишет: «Экономика потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров номенклатуры ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных русских экономистов, которые внезапно оказались на командных постах; вследствие паралича демократического государства в результате запутанных интриг между политическими фракциями, где царили личные амбиции... Криминальная экономика выросла до пропорций, невиданных в крупной индустриальной стране, связываясь с мировой криминальной экономикой и становясь фундаментальным фактором, с которым нужно считаться как в России, так и на международной арене. Близорукая политика США, на самом деле нацеленная на то, чтобы прикончить «русского медведя» в мировой политике, породила ответную националистическую реакцию, угрожая

снова развязать гонку вооружений и международную напряженность. Националистическое давление в армии (Кастельс имеет в виду российскую армию. – А. Х.), политические маневры в ельцинском Кремле и криминальные интересы во властных коридорах привели к катастрофической авантюре»⁷⁸. Рост национализма в постперестроечный период характерен не только для армии и других силовых структур, но и всего российского общества. Причины данного феномена в России 90-х гг. XX в. М. Кастельс видит в культурной пустоте, «созданной семьдесятю годами навязывания исключительно идеологического единства...»⁷⁹. Данное утверждение требует очень серьезных оговорок, поскольку такое сложное явление, как национализм, имеет различные причины в условиях российского общества⁸⁰. Но в чем можно согласиться с М. Кастельсом, говоря о причинах всплеска национализма и религиозного экстремизма не только в глобальном масштабе, но и применительно к современной России, так это в том, что данные феномены связаны с «кризисом идентичности».

Взгляды М. Кастельса на проблему классово-борьбы в условиях современного информационного общества по сути совпадают с точкой зрения А. Турена, хотя дискурс, в рамках которого учитель и ученик ведут свой анализ, несколько различен. Они оба приходят к выводу, что процесс социальной трансформации, обусловленный информационно-технологической революцией, преобразует социально-экономические и политические практики настолько, что антагонистические противоречия, если и возникают, то отнюдь не между буржуазией и пролетариатом. В данном выводе обратим внимание на позитивный и негативный контекст. Позитивным является то, что и тот и другой не отрицают наличие антагонистических противоречий в современном западном обществе. А негативным – стремление примирить буржуазию и пролетариат, показав, что между ними нет больше антагонистических противоречий, а значит и классовая борьба теперь неактуальна и политические партии рабо-

⁷⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. С. 490.

⁷⁹ Там же. С. 45.

⁸⁰ Мухаметшина Н. С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара: Самарский университет, 2003. 292 с.

чего класса не нужны. Это еще одна попытка деактуализировать марксистское учение.

Наконец, нам представляется уместным и полезным коснуться идеи современного немецкого философа Акселя Хоннета, который исследует моральные основания социальных конфликтов в одной из своих работ «Борьба за признание» (1994 г.). А. Хоннет обосновывает три главные формы признания человека – *любовь, право, солидарность*. Именно от этих трех форм зависит, по его мнению, ощущает ли человек себя полноправным членом общества и не попирается ли его человеческое достоинство.

Так, *любовь* выступает в качестве потребности человека (уровень индивида), при этом она выражается в конкретном эмоциональном переживании. Удовлетворение данной потребности, в основе своей, должно происходить в семье. *Право* – это набор легитимных прав абстрактного индивида, которые другие люди за ним признают и которых не должны его лишать. Исходной основой признания права является гражданское общество. Наконец, *солидарность*, исходной основой которой является государство, – это уровень действия конкретной личности с ее индивидуальными особенностями, которая развила в себе совокупность качеств и способностей.

Если три вышеуказанные формы признания нарушаются, то появляются три формы пренебрежения человеком. Так, если нет признания человека как существа, обладающего потребностями, и само выживание индивида в обществе не обеспечено, возникает *насилие*. Если у человека отнимают изначальные права и исключают из коллектива, тогда его лишают всякой ценности, мы имеем дело с *лишением человеческих прав*. Наконец, если отсутствует признание конкретных достижений индивида, его неповторимых качеств и способностей, то налицо *оскорбление личности, ее достоинства*⁸¹.

Все вышеуказанные формы признания или непризнания человека связаны не только с идеей, но и практикой воплощения *справедливости* в обществе. Нарушение справедливости неизбежно порождает конфликты в обществе. А. Хоннет считает, что индивидуальные опыты пренебрежения справедливостью, сливаясь в единое русло, при появлении соответствующей символической системы позволяют угнетенным группам осознать свои общие интересы, кото-

⁸¹ Honneth A. Kampf um Anerkennung. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp-Verlag, 1994. S. 46, 211.

рые подтолкнул их к борьбе, могущей принимать различные формы, от пассивного сопротивления до гигантских насильственных актов⁸². Он признает тот факт, что пока не существует общества справедливости, в котором бы субъекты находили признание на всех трех описанных им уровнях. Тем ни менее он идет на предвосхищение такого общественного устройства и потому, что следует кантовской универсальной установке о «вещи-в-себе», и потому, что стремится дополнить моральную теорию Канта гегелевской идеей нравственности. Любовь, право и солидарность являются intersубъективными образованиями, которые конституируют индивидуальную свободу. Одновременно, они задают и определенные образцы поведения, следовательно, анализировать общество с позиций «борьбы за признание» необходимо так, чтобы видеть за социальными конфликтами не злой произвол или некую роковую необходимость, а устремление личностей к полноте самоосуществления, т. е. более совершенное признание на всех трех уровнях борьбы.

Подход А. Хоннета, по мнению некоторых отечественных специалистов (А. С. Колесников), может быть рассмотрен как творческое развитие идеи классовой борьбы ортодоксального марксизма: изменение борьбы эксплуатируемых классов за достойную в материальном отношении жизнь. А. Хоннет, с одной стороны, признает право на такую борьбу, но осуждает борьбу с несправедливостью путем ответного причинения несправедливости. Но нас в данном подходе больше интересует суть проблемы – сопряженность моральных оснований общественных конфликтов с социальной реальностью, которая сложилась в современной России. Старшее и среднее поколение российских граждан, которые формировались как личности в условиях советской модели развития, где идеям социальной справедливости уделялось значительное внимание, сегодня сталкиваются с диаметрально противоположной ситуацией – широко распространенной практикой несправедливости. Порою очевидные вещи, которые закреплены в юридических документах и гарантированы как права, люди должны изнурительно отстаивать, доказывая в многочисленных инстанциях то, что по определению направлено на защиту их интересов. В данном случае мы озвучили

⁸² Honneth A. Kampf um Anerkennung. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp-Verlag, 1994. S. 219–225.

только второй уровень *борьбы за признание*, однако первый и третий уровни также являются «ахиллесовой пятой» современной России.

Подводя итог нашему обзору, отметим, что ранее рассмотренные идеи, теории, подходы в той или иной степени необходимы и полезны при анализе противоречий и конфликтов. В этом ряду марксистский подход и теория П. Сорокина, на наш взгляд, занимают особое место. Марксизм продолжает оставаться методологически оправданной теорией познания, позволяющей объективно анализировать происходящие общественные процессы не только в России, но и в других странах. Как бы того не хотели антимарксисты, но отменить законы диалектического и исторического материализма невозможно, ибо они носят объективный характер, а значит не зависят от сознания тех или иных теоретиков, идеологов, стремящихся нивелировать марксистское учение. Неслучайно разразившийся в 2008 году мировой финансово-экономический кризис вновь привлек большое внимание к идеям, разработанным К. Марксом в «Капитале». В целом переиздание трудов К. Маркса в западных странах возросло многократно. В 2008 году в ФРГ К. Маркс назван вторым человеком тысячелетия после К. Аденауэра. Ранее, в 1995 г. большая часть из ста самых выдающихся ученых США (AIPO Gallup) назвали К. Маркса мыслителем, оказавшим наибольшее влияние на формирование облика современного американского общества. Известный японский миллиардер Иосаки Цуцуми, самый богатый человек в мире с 1987 по 1990 годы, по мнению журнала «Форбс», неоднократно отмечал, что своим успехом он во многом обязан К. Марксу, чтение книг которого он считает для себя обязательным. Это далеко не полный перечень подобного рода примеров.

Одновременно в своей конкретике заслуживает внимания и интеллектуальное наследие П. Сорокина, который под другим ракурсом проанализировал плоды крупных общественных конфликтов, например, революций, войн. Его идеи и выводы также весьма интересны, злободневны и актуальны в современных условиях, представляя гносеологическую и практико-преобразующую ценность.

Мы не склонны отвергать инструменталистский подход в исследовании разнообразных коллизий. Он получил распространение в западной социологии конфликта и конфликтологии. Этот подход, с одной стороны позволяет рассматривать социальный конфликт в объектно-предметном ракурсе (как самостоятельное общественное

явление), а с другой – во взаимодействии с другими общественными процессами и явлениями.

Наконец, во взглядах современных ученых (А. Турена, М. Кастельса, А. Хоннета) есть рациональные зерна в анализе западных обществ постиндустриального уровня развития. Несмотря на всю непохожесть их подходов и идей (в этом есть свое достоинство) они описывают конфликты и общество, которое в своем развитии ушло вперед, и для России в очередной раз предпринимающей попытку догоняющей модернизации, данный интеллектуальный багаж может быть полезным.

В целом в социально-философских исследованиях конфликт всегда рассматривался как столкновение различных интересов, целей и ценностей минимум двух оппонентов. В основе любого общественного конфликта лежит ситуация, включающая в себя, либо противоречивые позиции сторон, либо противоположность целей и средств их достижения, либо несовпадение интересов и ценностей субъектов данного противоречия, либо все вместе взятое. Другими словами, конфликт может быть обозначен как социальное взаимодействие между двумя и большим числом субъектов, интересы, цели и ценности которых противоположны в рамках созревшего противоречия.

II. МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНЫХ ФОРМ ЧЕРЕЗ ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ

Общественное развитие не может совершаться без противоречий и их разрешения. Более того, любое движение, приводящее к развитию, неизбежно происходит таким путем. В этом суть самой диалектики, которую В. И. Ульянов (Ленин) понимал как «...изучение противоречия в самой сущности предметов...»⁸³. То есть противоречие, заложенное в самой сущности предметов, неумолимо движет этим развитием изнутри посредством раскрытия отношений единства и борьбы противоположностей. Противоречие есть движущая сила всех предметов, явлений и процессов в природе, обществе, мышлении, в мире в целом. Да и само «движение есть противоречие, есть единство противоречий»⁸⁴. То есть, противоречие есть единство материи и движения. Л. Балашов указывает: «Объективный смысл реальных противоречий – в том, что они не плод досужего воображения и не следствие логических ошибок, а присущи вещам и процессам объективного мира независимо от того, мыслимы ли их или нет»⁸⁵. Противоречивость окружающего нас мира носит универсально-всеобщий характер.

Сузив проблему о роли противоречий в окружающем нас мире до уровня социетальных изменений, мы неминуемо сталкиваемся с вопросом об общественном прогрессе. В истории обществознания эта проблема решалась по-разному. В античном мире было распространено представление о том, что человечество идет от «золотого» к худшим векам. В период Просвещения преобладали идеалистические представления о будущем человечества. Вера в человеческий разум, который необходимо освободить от религиозных пут и предрассудков, по мнению Вольтера, Кондорсе и др., даст мощный импульс поступательному развитию человеческого общества. В начале XIX в. философия в лице И. Канта («Философия природы»), Г. Гегеля («Наука логики») и Л. Фейербаха («Сущность христианства») поднялась на новую высоту, доведя развитие диалектики (Кант, Ге-

⁸³ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // ПСС. М., 1969. Т. 29. С. 227.

⁸⁴ Там же. С. 231.

⁸⁵ Балашов Л. Е. Мир глазами философа. С. 135.

гель) и материализма (Фейербах) до логического «скачка», который осуществили их последователи К. Маркс и Ф. Энгельс.

Рождение качественно новой теории диалектического и исторического материализма явилось прорывом в философском осмыслении природы, общества и человеческого познания. С этих пор гарантированность общественного прогресса стала объясняться «разумностью» развития человечества. Появление марксистской теории, впитавшей в себя лучшее из того, что выработало человечество к тому времени, дало интеллектуалам метод, основанный на диалектическом и историческом материализме.

Несмотря на то, что в целом история человечества классиками марксизма рассматривалась как прогрессивное явление, в более конкретном своем анализе ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. Ленин не рассматривали историю стран и народов как сплошной прогресс. В собрании сочинений указанных авторов мы не встретим идеалистических и идиллических представлений о человеческих сообществах прошлого, поскольку это противоречит сути исторического материализма. Основоположники марксизма не просто являлись свидетелями масштабных исторических событий, но и становились их участниками, ведя активную переписку с политическими и государственными деятелями своего времени, оказывали влияние на ход исторических событий. Они не питали никаких иллюзий относительно тех событий, современниками которых являлись и это нашло отражение не только в теоретических трудах, принадлежащих перу К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, но и в многочисленных письмах, адресованных тем или иным деятелям или посвященных историческим событиям.

В истории общественной мысли наряду с теориями прогресса продолжали развиваться и теории регресса, крайним проявлением которых являлись идеи апокалипсиса. Пессимистические и апокалиптические настроения особенно усилились в XX веке, причиной чего были мировые и гражданские войны, революции, и другие масштабные коллизии. Можно ли признать прогрессивными жесткие режимы, использующие людей только как строительный материал или пушечное мясо? Логически возникает и другой вопрос: можно ли вообще совместить прогресс с моральными требованиями и счастьем людей? П. Сорокин еще в начале XX века рассмотрел этот вопрос и пришел к выводу: «...Можно признать исторический

процесс прогрессом, но зато из понятия прогресса приходится исключать точку зрения счастья; если же критерием прогресса становится счастье, то само существование прогресса становится проблематичным»⁸⁶. В этом в целом верном суждении вместе с тем кроется одно заблуждение. Чисто в категориальном смысле понятие «счастье» носит абстрактный характер и не имеет гносеологической полезности. Поэтому данную категорию нельзя рассматривать вне исторического контекста. Счастье первобытного человека могло очень сильно отличаться от счастья человека эпохи античности, а счастье современного человека, зараженного потребительским бумом, так же сильно отличается от счастья человека, жившего всего-то век тому назад.

Современные исследователи также анализируют проблему социального прогресса. В данном случае обратимся к известному и весьма уважаемому в академических кругах Петру Штомпке. В одной из своих работ начала XXI в. он не просто рассмотрел понятие социального прогресса, но и показал взаимосвязь близких этому понятию других категорий⁸⁷. Свой дискурс П. Штомпка начинает с понятия «социальные изменения», под которым понимает «переход из одного состояния системы в другое»⁸⁸. При этом он указывает, что данное понятие характеризует единичный эпизод. Последовательно сменяющие друг друга социальные изменения порождают уже «социальный процесс». Автор выделяет три типа процессов: *линейный, скачкообразный, циклический*. Первые два типа П. Штомпка называет направленными, а циклический процесс определяется как противоположность направленному процессу⁸⁹, т. к. при циклическом процессе социальная система в определенные моменты возвращается в первоначальное состояние. Линейный и скачкообразный процессы порождают «процесс развития», следующее понятие в контексте социальной динамики общества. П. Штомпка выделяет эндогенные и экзогенные процессы развития, которые отличаются тем, что первые обусловлены внутренними импульсами развития общества, а вторые – внешними факторами,

⁸⁶ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С. 509.

⁸⁷ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

⁸⁸ Там же. С. 456.

⁸⁹ Там же. С. 458.

такими как эпидемии, стихийные бедствия и т. д. Автор выделяет *однолинейное, многолинейное и скачкообразное* развитие.

Понятие П. Штомпки, которое нас интересует больше всего, – «социальный прогресс». Он вытекает из социального развития, но одновременно это не любое развитие, а то, которое «оценивается позитивно, определяется признанными ценностями»⁹⁰. Воплощение социально значимых ценностей в общественную реальность есть критерий прогресса. Из всех вышеперечисленных понятий лишь понятие прогресса имеет все пять определяющих черт: разницу во времени; последовательность временных этапов; направление; эндогенные источники; реализацию признанных ценностей. Соответственно, противоположностью прогресса является регресс, отдаляющий людей от общепризнанных ценностей. И прогресс, и регресс – явления относительные, т. к. оценочное суждение, как считает П. Штомпка, зависит от того или иного класса, а мы добавили бы от господствующего класса, который имеет экономический (финансовый), политический (административный) и иные ресурсы навязывать остальному обществу оценки и формировать ценности, которые выражают интересы именно этого класса. Кроме того, прогрессивность/регрессивность в историческом плане относительны. То, что вчера считалось прогрессивным, сегодня может оцениваться как регресс. Критерии прогресса/регресса носят относительный характер. «Конечно, из этого не следует, будто существует полный произвол в оценке того, – пишет П. Штомпка, – что можно считать прогрессом»⁹¹. Он вводит понятие «общественного консенсуса», которое является своеобразным фильтром, отсеивающим случайные критерии, и этот консенсус должен базироваться на «универсальном интересе», соответствующем интересам всех людей.

Таким образом, у П. Штомпки выстраивается целая система взаимовытекающих понятий. Все эти понятия характеризуют социальную динамику, присущую любому обществу. Не бывает обществ, находящихся в состоянии абсолютного покоя. Движение есть неперемненное условие существования общества, как впрочем, материи, природы и человеческого познания.

Рассуждая в контексте прогресса и регресса, нельзя не затронуть уникальность социальных изменений, произошедших в XX веке в

⁹⁰ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. С. 459.

⁹¹ Там же. С. 461.

нашей стране: «...за последнюю сотню лет она побывала в двух общественных системах, которые у нас так и не достигли своей зрелости. Первая система – социализм, вторая – капитализм. Причем во второй системе Россия успела побывать дважды: в начале и в конце XX века»⁹². Именно уникальность и «свежесть» опыта России дает нам возможность говорить о более гибком подходе к оценке роли общественных противоречий в практике социальных изменений.

В долгосрочной перспективе противоречия диалектического характера действительно ведут к социальному прогрессу, и формационный подход – еще одно тому подтверждение, но история развития народов не есть Невский проспект – прямой, ухоженный, респектабельный. История есть тернистый путь, на котором встречаются взлеты и падения, отклонения вправо и влево, ускоренное движение вперед и возвращение назад. Поэтому общественные противоречия указывают лишь на реально сформировавшуюся, созревшую в социуме проблему (противоречие), которую необходимо решать, но, как и когда эта проблема будет решаться, зависит от людей.

Идеалистический подход признает необходимость осознания противоречия индивидом, этносом, классом, обществом, но не более того. Диалектико-материалистический подход говорит о необходимости истинного осознания противоречия и действия, направленного на *разрешение*, если это неантагонистическое противоречие, и *устранение*, если это антагонистическое противоречие. Таким образом, диалектико-материалистический подход предполагает не только осознание противоречия, но и действия, направленные на его разрешение. В этом смысле история не как всемирно-исторический прогресс, а как цепь конкретно-исторических событий характеризуется прерывистостью, в которой застои сменялись ускорениями, стремительные взлеты переходили в болезненные падения. Данный подход носит именно диалектический характер, т. к. диада «дискретный – непрерывный» является внутренним содержанием противоречия⁹³.

В философской традиции противоречия подразделяются на диалектические и формально-логические. Диалектические противоре-

⁹² Голобоков В. Г. Логика формирующихся общественных систем. М.: Изд-во СГУ, 2005. С. 143.

⁹³ Балашов Л. Е. Мир глазами философа. С. 137–143.

чия проявляются везде, а формально-логические – только в мышлении. Формально-логическое противоречие выражает отношение между истинными и ложными положениями в мышлении, между утвердительными и отрицательными суждениями, между проверенными, подтвержденными научными данными и теоретическими заблуждениями. В отличие от диалектических противоречий, формально-логические противоречия не разрешаются, а устраняются путем отбрасывания неправильного, отрицательного, алогичного суждения⁹⁴.

Диалектические противоречия характеризуются тремя важнейшими чертами. Во-первых, они имеют универсальный, всеобщий характер, поскольку относятся ко всем явлениям и процессам в мире. Во-вторых, раскрывают именно внутренний источник всякого саморазвития и самодвижения. В-третьих, носят объективный характер, сущностно заложенный в каждом явлении. В логике данного дискурса применительно к социуму противоречие служит внутренним источником развития как общества в целом, так и всех сфер общественной жизни: экономической, политической, социальной, духовной. К. Маркс в «Капитале» подчеркивал, что «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»⁹⁵.

В отечественной социально-философской литературе середины XX века высказывались суждения о том, что диалектическое общественное противоречие имеет в первую очередь *объектно-субъектный* характер, но при этом упоминался и *субъектно-субъектный* характер. Отечественный специалист по проблеме общественных противоречий В. С. Семенов в одной из своих работ писал: «Часто в литературе особенность общественного противоречия усматривают в его субъектно-объектном характере. Но тогда нарушается характеристика всякого диалектического противоречия как объективного по природе, внутренне заложенного в каждом общественном явлении и процессе. Верно, что без субъекта, без его деятельности, без его сознания нельзя выявить и разрешить диалектическое общественное противоречие. Но столь же верно, что изначально это диалектическое противоречие заложено в общественном

⁹⁴ Семенов В. С. Диалектика развития социализма. М.: Мысль, 1987. С. 190.

⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Соч. М., 1960. Т. 23. С. 499.

явлении и процессе объективно, независимо от воли, желания или нежелания людей или групп людей. Это противоречие может лишь с той или иной научной полнотой и точностью познаваться или выявляться людьми более или менее своевременно и разрешаться посредством их стихийной или сознательной деятельности»⁹⁶.

Диалектическими противоречиями пронизана и сознательно проводимая людьми деятельность, осуществляемая ими линия действий, определенная политика. Одновременно с диалектическими противоречиями в повседневной политике зачастую находят свое воплощение формально-логические противоречия, имеющие субъективную основу. Соотношение диалектических и формально-логических противоречий в проводимом политическом курсе характеризует его содержание, т. е. насколько данный курс отвечает задачам времени (исторической эпохи). Если этот курс отвечает таким задачам, он прогрессивен, если нет, то регрессивен. Но это лишь самая общая характеристика того или иного курса. Поскольку соотношение диалектических и формально-логических противоречий характеризуется большим разнообразием количественных и качественных взаимодействий, то неслучайно историкам и политологам порою очень сложно дать однозначную оценку деятельности того или иного государственного руководителя. В России мы сплошь и рядом сталкиваемся с подобными фактами, когда историки, политологи, обществоведы дают диаметрально противоположные оценки деятельности политического руководителя прошлого.

Мы не можем не согласиться с В. С. Семеновым в той части его рассуждений, что «противоречия возникают, складываются не субъективно, случайно, а **обычно** (выделено нами. – А. Х.) на основе более глубинных, объективных диалектических противоречий сущности первого порядка, выступая как противоречия сущности, так сказать, второго порядка»⁹⁷. Именно соотношение **обычно** и **необычно** возникающих противоречий дает многообразие их практического воплощения, либо в до конфликтной фазе разрешения, либо в ходе собственно конфликта.

Фактическое внимание на проблему соотношения субъективной и объективной сторон в противоречии обращал внимание и другой известный отечественный исследователь – М. Н. Руткевич: «В оп-

⁹⁶ Семенов В. С. Диалектика развития социализма. С. 429.

⁹⁷ Там же. С. 193.

ределении конфликта как противоборства между людьми должно быть обязательно внесено указание на осознанный характер противоречия интересов. При этом необходимо учитывать многогранные связи, переплетение объективных и субъективных факторов в социальных противоречиях разного типа, в их развертывании, в назревании возможностей перехода в стадию открытого столкновения, то есть собственно конфликта»⁹⁸. Представление о потенциальном конфликте, то есть стадии развития, когда объективное противоречие еще не превратилось в субъективно осознанный социальный конфликт возвращает нас к диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, так как конфликт напрямую связан с борьбой противоположных сил и тенденций развития, с противоречием между ними. Но противоположности не являются внешними силами, они принадлежат определенной целостности, системе, на гегелевском языке – единству. Поэтому речь должна идти не столько о противоположности, сколько о единстве. Например, единстве интересов как объективной основе для разрешения конфликта.

Важная особенность общественных противоречий состоит в том, что они подразделяются на противоречия исторически постоянного и противоречия исторически преходящего характера. Социальные изменения есть очень сложный и многообразный процесс, который не исчерпывается только развитием противоречий, их проявлением и разрешением. В динамике социальной жизни возникают проблемы, трудности, допускаются ошибки.

Несомненно, что возникающие в социальной практике проблемы, трудности, недостатки, ошибки, степень их глубины, частота проявления, длительность протекания и тому подобное также характеризуют качественное состояние общественной жизни, ее положительные стороны и недостатки. Когда проблемы в развитии страны нарастают быстрее, чем решаются, когда допускаются грубые ошибки и упущения, это свидетельствует о неблагоприятном ходе развития данной страны. Количество и качество проблем, особенно пустивших социальные корни, может свидетельствовать о серьезных недостатках в работе властных структур, всей политической элиты.

⁹⁸ Руткевич М. Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2001. С. 346.

Трудности, как и проблемы, носят и объективный, и субъективный характер и имеют свои особенности. Если возникшие проблемы, трактуемые в позитивном плане, отражают реально проявляющиеся противоречия, то трудности, берущиеся в том же смысле, больше говорят об обстановке, позволяющей при наличии политической воли со стороны властных структур, политических и иных элит, определенных социальных слоев, этносов и т. п. устранить данные противоречия. В противном случае противоречия, которые годами не разрешаются, порождают противоречия второго и третьего порядка. В результате они формируют целый «клубок», для распутывания которого требуется уже больше времени и усилий. Отечественные ученые Л. Никовская и А. Якимец, анализируя трансформационные процессы российского общества конца XX – начала XXI в., отмечали наличие так называемых *сложноструктурных конфликтов* (ССК), которые и есть результат «клубка» противоречий.

В современном глобализирующемся мире нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что на внутренние трудности государств могут оказывать влияние и внешние факторы. К числу таковых можно отнести не только военные конфликты между государствами или союзом государств, борьбу с международным терроризмом, но и колебания цен, например на нефть, на мировом рынке, финансовые кризисы и т. д. В условиях глобализации мира, взаимовлияния государств (нынешний мировой кризис – лишнее тому подтверждение), растет и взаимозависимость внутренней и внешней политики стран. Нередко эффективность реализации внутренней политики того или иного государства зависит от его внешней политики и международной обстановки. В последнее столетие существенно усилился геополитический фактор.

Рассматривая субъектно-объектную и субъектно-субъектную стороны противоречий, сфокусируем наше внимание на индивиде, чтобы выяснить причины возникновения противоречий между людьми и более широкими социальными объединениями.

Импульсом нашего социального анализа явилась теория потребностей А. Здравомыслова⁹⁹. В социальном знании «деятельность людей рассматривается как взаимодействие **объективной** стороны,

⁹⁹ Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.

то есть материально-вещественных и социальных условий бытия, определяющих потребности людей, и стороны **субъективной**, то есть отображения этих условий и потребностей в духовном мире людей, в мотивации их деятельности»¹⁰⁰. «Процесс социальной организации, – пишет А. В. Жукоцкая, – корнями уходит в практику, в материальное производство индивидов. В процессе труда людям свойственно расширять сферу общественных потребностей и собственных способностей. Деятельностное, активное отношение человека к природе, производству, расширение потребностей актуализирует интерес, одну из превращенных в рефлексию форм субъект-объектных отношений»¹⁰¹.

Как существу общественному человеку присуще противоречие, перманентно разрешаемое и воспроизводимое на новой основе. Суть этого противоречия в том, что, с одной стороны, человек органически включен в общественную жизнедеятельность, без которой он не может существовать и развиваться, должен согласовывать свои действия и поступки с действиями и поступками других людей, а с другой стороны, он наделен свободой выбора способа действия, желаниями, стремлениями. Он может поступать в соответствии с объективными потребностями и интересами окружающих его людей, а может, и вопреки им.

Во многом деятельность человека обусловлена стремлением к удовлетворению своих потребностей, которые подразделяются на естественные (биологические) и общественные (социальные). Естественные потребности присущи человеку как биологическому существу, а общественные присущи ему как члену социума. И те и другие потребности находятся во взаимосвязи и взаимодействии, но механизм удовлетворения общественных потребностей, более сложен и вариативен, нежели механизм удовлетворения естественных потребностей, который предопределен жесткой детерминированностью биолого-физиологических процессов, происходящих в организме человека. В этой жесткой детерминированности роль сознания и воли человека сведены к минимуму, чего не скажешь об общественных потребностях. Таким образом, в механизме удовлетворения общественных противоречий велика роль не только объ-

¹⁰⁰ Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980. С. 50.

¹⁰¹ Жукоцкая А. В. Феномен идеологии. Самара: СФ ГОУ ВПО МГПУ, 2009. С. 80–81.

ективных, но и субъективных (ментально-волевых) причин, в то время как в механизме удовлетворения естественных потребностей доля субъективных причин (потребность человека в кислороде) либо вообще отсутствует, либо сведена к минимуму.

Теперь коснемся самого содержания общественной потребности. Она имеет объективную и субъективную стороны. Объективная сторона общественной потребности связана с материальной сферой производства, с производительными силами, с *орудиями труда, предметом труда, средствами производства*, в то время как субъективная сторона – есть сторона гносеологическая, включающая в себя: *сознание, мышление и знания* человека. Из этих трех категорий как минимум одна (знания) является перманентно изменяющейся. Проявление субъективной стороны связано с познанием объективной стороны потребности. Процесс отражения в сознании человека объективной стороны потребности порождает **интерес**, который может носить истинный характер в том случае, если процесс отражения объективной стороны потребности соотносится с объективной истиной, и ложный характер в соответствии с ложным представлением о потребности. Именно неправильно понятые потребности подталкивают человека к действиям, противоречащим его коренным интересам. Для К. Маркса интерес проявляется не в формах общественного сознания, а в экономических отношениях каждого данного общества¹⁰². Сущность интереса заключается в способности человека организовывать свою деятельность в направлении определенных целей.

Исторически человек в процессе трудовой деятельности познавал предмет труда и, чтобы лучше воздействовать на него, совершенствовал орудия труда, которые вначале были нужны для удовлетворения его естественных потребностей, а позднее и общественных. Но в процессе труда человек и сам совершенствовался: он все лучше познавал окружающую действительность и самого себя. Эти знания, наряду с орудиями труда, позволяли человеку удовлетворять или стремиться к удовлетворению уже существующих у него потребностей, с одной стороны, а с другой – порождали новые потребности. Обратимся к К. Марксу, который считал, что производство опосредует потребление, для которого

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Соч. М., 1961. Т. 18. С. 271.

оно создает материал. Однако и потребление опосредует производство. Потребление, уничтожая продукт, придает ему завершенность, ибо продукт есть результат производства не просто как овеществленная деятельность, а как предмет для деятельности субъекта. В свою очередь, потребление создает потребность в новом производстве. Значит, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства является его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству, оно «полагает предмет производства идеально» как внутренний образ, как потребность, как влечение, как цель. Оно создает предметы производства в их «еще субъективной форме». Поэтому не только предмет потребления, но также и способ потребления создается производством не только объективно, но и субъективно¹⁰³.

Вся история человечества предстает перед нами как история расширенного воспроизводства потребностей, и, соответственно, можно утверждать, что у человека не могут появиться потребности, для которых производительные силы не достигли определенного уровня развития. Ни количество, ни качество потребностей людей древних обществ не может сравниться с потребностями жителей современного общества. Неслучайно такое общество называют «обществом потребления». Чем выше уровень развития общества, тем разнообразнее будут потребности его членов.

Современное постиндустриальное общество с его информационными (коммуникационными) технологиями создает совершенно новые возможности для удовлетворения потребностей людей. Виртуализация социальных практик и развеществление общества, рост влияния на человека знаковых систем – все это вместе взятое значительно ускоряет процесс удовлетворения уже имеющихся потребностей и зарождение новых. Человечество, по крайней мере его часть, живет в обществе потребления, где господствует недоверие к «великим преданиям» (*grand narratives*) эпохи модерна. В отрегулированном, автоматизированном обществе массового потребления ценности Свободы и Прогресса превратились в элементы коллективного бессознательного, в интеллектуальные привычки и поведенческие автоматизмы. Как пишет Д. В. Иванов: «превращение в последние десятилетия XX в. социальной реальности в эфемерную,

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Соч. М., 1962. Т. 26. Ч. 1. С. 27–28.

нестабильную, описываемую постмодернистским принципом anything goes, явно коррелирует с возрастанием роли в жизни людей различного рода симулякров – образов реальности, замещающих саму реальность»¹⁰⁴. Тем самым в эпоху постмодерна индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, сознавая ее условность. В этом казалось бы новом процессе отчетливо проявляется действие трех основных законом диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания.

В современной экономике главным становится не производство товаров, а их потребление. В свою очередь, для человека проблема выбора становится реальной проблемой, которую он все чаще решает, ориентируясь не на сам товар, а на товарный знак. Реклама фиксирует в сознании человека определенные товарные знаки и образы, и эти образы, а не сам товар, начинают доминировать на рынке услуг в постиндустриальном обществе. Каждодневные социальные практики индивида, наполненные или даже переполненные товарными знаками и образами, создают калейдоскоп картинок, которые человек не успевает осмыслить. Первоначальные попытки угнаться за временем заканчиваются крахом, в результате чего человек эпохи постмодерна все больше погружается в виртуальный мир, напоминающий «черную дыру». В этом виртуальном мире происходит и виртуализация потребностей, которые быстро возникают и так же быстро удовлетворяются, но, в отличие от индустриального общества эпохи модерн, а тем более доиндустриального общества, эти потребности *осознаются* поверхностно или вообще не осознаются, опираясь на интуицию и превращаясь в виртуальный интерес, виртуальные цели и ценности. Тем самым весь детерминирующий ряд человека становится фикцией. Все элементы этого ряда: **Потребности – Интересы – Цели и Ценности** виртуализируются. Но для того, чтобы понять суть произошедших изменений, рассмотрим детерминирующий ряд в рамках классического знания.

Гносеологическая сторона потребности (II) находит свое отражение в интересе (III). Другими словами, интерес есть осознанная потребность, но осознание может носить достоверный, а может

¹⁰⁴ Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 75.

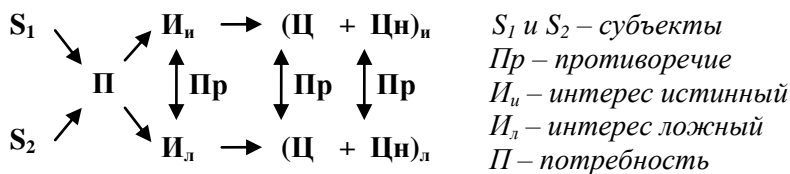
ложный характер, поэтому и интерес формируется истинный или ложный. В свою очередь интерес или совокупность интересов формирует у человека определенные цели (Ц), которые неразрывно связаны с ценностями (Цн), сформированными социальным контекстом. В результате формула детерминации человеческой деятельности выглядит следующим образом:

$$П \longrightarrow И \longrightarrow Ц + Цн$$

Достигнутые цели порождают новые потребности, интересы и так далее:

$$П \longrightarrow И \longrightarrow Ц + Цн \rightarrow П' \longrightarrow И' \longrightarrow Ц' + Цн'$$

Даже если мы возьмем двух людей, принадлежащих к одной социальной группе, один из которых верно осознает свои коренные интересы, и, соответственно, у него формируются достоверные ценности и ставятся социально значимые цели, а у другого весь этот ряд имеет ложный характер, то между этими людьми в процессе их взаимодействия возникает **противоречие**. Оно может выражаться по поводу либо разных интересов, либо целей, либо ценностей. Достаточно **инцидента**, чтобы **противоречие** переросло в **конфликт**. В данном случае описанный пример характеризует межличностный конфликт, который социальным мы назвать не можем, но он может быть детерминирован социальными условиями, исходя из объективной стороны потребности.

Важную роль в перерастании противоречия в конфликт играют гносеологический и психологический факторы. В этом и проявляется субъектно-субъектная сторона конфликта. Другими словами, человек какое-то время сосуществует вместе с зарождающимся (стадия различия) и развивающимся (стадия противоположности) противоречием, не осознавая его. Но как только противоречие достигнет определенной зрелости (т. е. превратится собственно в противоречие) и затронет интересы человека, то есть «заставит» осоз-

нять себя, тогда возможно проявление противоречия через конфликт.

Понятно, что противоречия между людьми разных социальных групп, слоев, классов, да и самими социальными группами, слоями и классами возникают чаще в силу перманентности их воспроизводства. Эти противоречия более устойчивы, нежели межличностные, даже если они не носят антагонистического характера, а значит, и вероятность социальных конфликтов больше. Когда основоположники марксизма говорили о превращении рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя», то как раз указывали на осознание этим классом своих коренных интересов. Поскольку этот класс, по мнению К. Маркса, играет главную роль в капиталистическом способе производства материальных благ, то целью данного класса должна быть социалистическая революция, создающая предпосылки для построения социализма, а в отдаленной перспективе – коммунизма.

Социально-политические ценности, которые господствовали в европейских странах во второй половине XIX – начале XX в., даже среди рабочих не давали однозначной уверенности в необходимости социалистической революции, тем более ее осуществления вооруженным путем. Вероятно, эти ценности оказались недостаточно сформировавшимися в рабочей среде, да и буржуазия не сидела сложа руки, а предпринимала конкретные действия, чтобы оградить себя от мрачной перспективы гибели капитализма, которую им предрекли К. Маркс и Ф. Энгельс.

Спецификой российского общества того времени явилась его политическая незрелость, обостренность противоречий перехода от феодализма к капитализму, ошибки во внутренней и внешней политике самодержавия, архаичная система правления, а также успешная деятельность партии большевиков во главе с харизматичным лидером Ульяновым-Лениным. Формирующемуся российскому рабочему классу были близки политические ценности, ориентирующие их на жесткое противостояние с «власть имущими». «Марксистские пропагандисты и агитаторы ленинского поколения нашли в фабричных рабочих свою аудиторию»¹⁰⁵, которая в условиях быст-

¹⁰⁵ Дойчер И. Незавершенная революция // Свободная мысль. 2006. № 6. С. 196.

ро нарастающих противоречий решили вооруженным путем захватить политическую власть.

Попытки Г. Плеханова, указывавшего на то, что Россия не смогла еще муки, из которой можно испечь пирог социализма, а также Ю. Мартова, В. Чернова направить рабочее движение в России по более спокойному, эволюционному, менее конфликтному пути развития, успеха не имели. Отчасти это связано с комплексом ментальных черт, присущих нашим соотечественникам¹⁰⁶, с бунтарством «русской души» и набравшим силу политическим террором. Были и другие причины, которые привели к октябрьским событиям в Петрограде в 1917 году.

Приход к власти большевиков не дает абсолютного права их сторонникам говорить о том, что общественное мнение было полностью на стороне РСДРП(б). Результаты выборов в Учредительное собрание (что и предопределило его разгон) и начало Гражданской войны говорят о расколе российского общества. Только после окончания войны, когда новой политической силе, ценой огромных человеческих жертв удалось сохранить за собой власть, большевики смогли сформировать такое общественное мнение, которое отвечало их интересам. С другой стороны, нельзя не согласиться с И. Дойчером, который указывает на то, что событиям 1917 года предшествовала длительная подготовительная работа в виде революционной борьбы. Он, в частности, пишет: «Объективные противоречия старого режима должны воплотиться в субъективных формах – идеях, стремлениях и страстях людей действия... Потребовались десятилетия трудов революционеров, медленного вызревания идей – за это время родилось и исчезло множество партий и групп, – чтобы создать морально-политический климат, вырастить лидеров, создать партии и выработать методы действий, примененные в 1917 году»¹⁰⁷. Как это ни парадоксально, но высказывание Л. Троцкого о том, что Европа экспортировала свою самую передовую технологию в Соединенные Штаты, а самую передовую

¹⁰⁶ См.: Бороноев А. О., Смирнов П. И. Российский менталитет и реформы // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. С. 298–299.

¹⁰⁷ Дойчер И. Незавершенная революция. С. 194.

идеологию – в Россию, точно отражает произошедшее в первой трети XX века.

Социальный мир – это мир, полный внутренней борьбы, мир, который пронизан разногласиями действующих в нем индивидов и групп, чьи мировоззрения различны, а интересы противоположны. Социальные противоречия весьма многообразны по своим типам и формам, по месту и роли в социальной системе. В социально-философской литературе существуют различные классификации этих противоречий. В контексте нашего анализа, интерес представляют далеко не все противоречия, а влияющие на форму и содержание развития социальной системы, приведшие не к стабилизации социума, а к усилению его конфликтного состояния. Вот почему мы выделяем три типа противоречий: **функциональные, структурные, системные**. Указанные типы противоречий проявляются на макро- и мезо-социальном уровнях и затрагивают отношения между государством и обществом, а также внутригосударственные и внутриобщественные отношения. Эти отношения – высшее звено в иерархии системообразующих связей, обеспечивающее целостность данного общества как системы. Разрыв этих отношений приводит к нарушению целостности социальной системы, в результате резко возрастает конфликтность общественного образования.

Функциональные противоречия между государством и обществом выражают функциональное расстройство взаимодействия этих сторон. Формы и методы действия институтов государственной власти, те или иные законы и различные юридические акты перестают в полной мере соответствовать потребностям оптимального развития общества, задачам поддержания компромисса и консенсуса в обществе между различными социальными и политическими силами. Эти противоречия разрешаются в повседневной практике при помощи совершенствования стиля и методов управления, модернизации законодательства. Функциональные противоречия – источник эволюционного развития общества. Они не требуют радикальных изменений в приоритетах социально-классовой ориентации, поэтому в обществе, где функциональные противоречия порождают конфликты, доминирует субъективный фактор, а отнюдь не объективные причины.

Структурные противоречия свидетельствуют о несоответствии социально-экономическому строю организации (устройства) госу-

дарственной власти. Произошли крупные изменения в технике, технологическом способе производства (качественно новое поколение машин и технологий), изменилась структура производства и собственности, например, возникло многообразие форм собственности, наконец, изменилась социально-классовая структура общества, приведшая к тому, что на передний план вышли новые слои общества под воздействием НТП. Эти слои начинают претендовать на свою роль во властных структурах, на приоритетную защиту своих интересов в соответствии со своим возросшим социальным статусом. В такие периоды государство зачастую утрачивает нравственный авторитет среди своих граждан и держится в значительной степени на сугубо формальных рычагах власти.

Отчуждение граждан от государства формирует социальную напряженность, которая достигает критической точки в случае серьезных ошибок со стороны власти. В результате наступает структурный кризис, который неминуемо сопровождается конфликтами. «Обострение структурных противоречий знаменует собой завершение одной качественно определенной стадии в развитии общества и назревающий переход в новую стадию...»¹⁰⁸. Структурные противоречия не создают объективных условий для смены социально-экономического строя, замены государственного устройства или переориентации правящих группировок на новые классы.

Неразрешенные вовремя структурные противоречия общества могут перерасти в системные. Возникновение и обострение системных противоречий означает, что между государством и обществом разрушена системообразующая связь. Данные противоречия неразрешимы в границах старого социально-экономического строя. Они преодолеваются за его пределами. Всей логикой исторических событий общество побуждается перейти к новой формации, к новой цивилизационной ступени. К государственной власти приходят представители новых социальных слоев и классов.

¹⁰⁸ Общество и человек: пути самоопределения. СПб.: Петрополис, 1994. Вып. 1. С. 43.

Указанные типы противоречий составляют определенную иерархию. Системные противоречия могут охватывать собой структурные и функциональные противоречия, соответственно, структурные включают функциональные, но не могут охватывать системные, и, наконец, низший уровень противоречий – функциональные, которые не могут объять собой структурные и системные. То есть высший уровень противоречий – системные – редуцируются до структурных и функциональных (см. рис. 1).

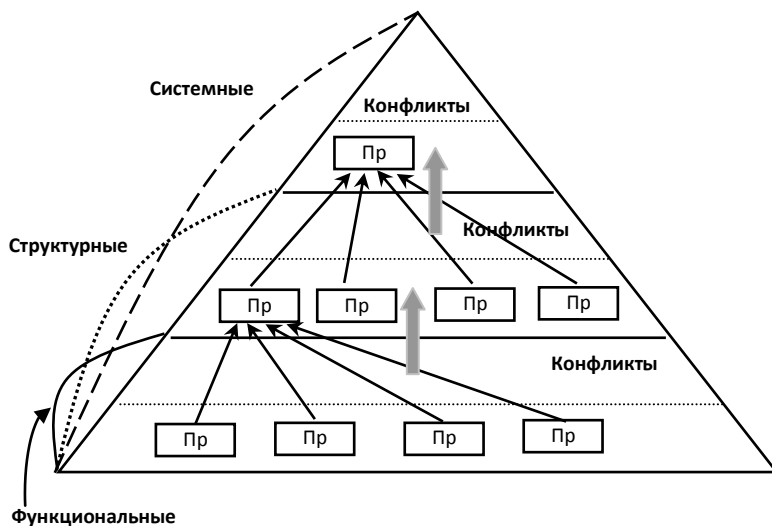

Рис. 1

С точки зрения управления социальными процессами мы можем признать полезность конфликтов, порожденных функциональными противоречиями. Данный вид противоречий характерен для организаций, учреждений, предприятий и связан с внутренними противоречиями, которые, как правило, обусловлены неэффективностью управленческих решений, несовершенством нормативно-правовой базы, ущемлением интересов работников и др. Разрешение подобных противоречий на доконфликтной стадии или во время конфликта чаще всего способствует повышению эффективности деятельности социальной структуры, страхует ее от косности и заскорузлости. В противном случае неразрешенное функциональное противоречие порождает в горизонтальной плоскости другие по-

добные противоречия, совокупность которых уже дает качественно новый, более высокий тип противоречий – структурные. Конфликты, вытекающие из структурных противоречий, должны серьезно настораживать власть предержащих и управленцев. Своевременное выявление данных противоречий в идеале должно приводить к структурной перестройке, или реструктуризации. Если структурные противоречия уже породили конфликты, то необходимы адекватные меры, направленные на локализацию таких конфликтов, а в дальнейшем – на их разрешение. Другими словами, подобные конфликты несут в себе и разрушительный, и созидательный потенциал, но в любом случае, разрешать подобные противоречия, по сравнению с функциональными, сложнее. Они требуют больше времени, больше материальных и интеллектуальных затрат. В современной России к числу структурных противоречий можно отнести образование, науку, здравоохранение, ЖКХ, космическую отрасль, судебную систему. Пренебрежение структурными противоречиями может в дальнейшем привести к их перерастанию в системные.

Конфликты, порожденные системными противоречиями, это всегда в большей или меньшей степени трагедия для общества, так как они сопровождаются растратой материальных, природных, а самое главное – людских ресурсов, отбрасывают общество назад. Происходит некий регрессивный скачок, или если хотите – переход количественных изменений в качественные, но со знаком «-». Оценить конфликты, порожденные системными противоречиями, как положительные не представляется возможным. Более того, противоречия системного уровня и их перерастание в конфликт свидетельствуют о том, что на предшествующих стадиях развития общественных противоречий не сработали социальные регуляторы, способные не допустить перерастание функциональных противоречий в структурные, а последних – в системные. Трех уровням противоречий (**Пр**) (функциональный, структурный, системный), соответствуют аналогичные три уровня конфликтов, что позволяет нам назвать данный процесс принципом *«восходящего конфликтного лифта»* (см. рис. 1).

В качестве примера отметим исследования в 1997 и 1998 годах автора совместно с группой самарских социологов состояния учреждений основного и дополнительного образования г. Самары. Были выявлены функциональные противоречия, присущие учебным заве-

дениям различного профиля в условиях начавшихся преобразований всей системы российского образования. Материалы данного социологического исследования дали возможность Управлению образования г. Самары лучше понять возникшие проблемы в образовательной среде мегаполиса и скорректировать свою политику в отношении школ, лицеев, гимназий, а также учреждений дополнительного образования. Тем самым, функциональные противоречия не переросли в структурные, а конфликтный потенциал внутри городской системы образования не изменился, в то время как в российском социуме различными социологическими службами фиксировалась усилившаяся конфликтность. Сопоставив данные 1998 года с результатами аналогичного исследования в 2008 г., мы обнаружили изменения в образовательной среде самарского мегаполиса, которые характеризуют трансформационный процесс не только с положительной точки зрения, но и с отрицательной.

Теперь остановимся на проблеме перерастания того или иного противоречия в конфликт. Каков скрытый механизм данного явления? В чем выражается субъектно-субъектная сторона противоречий?

Итак, базовым понятием для всех социальных наук, изучающих конфликт, является противоречие, способное или не способное перерасти в конфликт. Э. Гидденс по этому поводу писал: «В социальной теории понятие противоречия несет достаточно ясную и недвусмысленную смысловую нагрузку, и его следует отличать от понятия конфликта, символизирующего разновидность активной вражды между акторами и коллективами»¹⁰⁹.

Для методологии анализа социального конфликта чрезвычайно важно выяснить, при каких именно условиях имплицитно существующее противоречие между людьми способно трансформироваться в конфликтную стадию. Анализ конфликта как социального явления получил теоретическое обоснование в социальных науках XX века. Сама постановка вопроса: «Какое положение в обществе соответствует естественной природе человека: состояние всеобщего согласия или состояние взаимного противоборства людей?» – выводит нас на уровень проблем, затронутых П. Сорокиным – в русском

¹⁰⁹ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. С. 421.

обществознании, Р. Дарендорфом – в западноевропейском, Л. Козером – в американском.

Теория социальных конфликтов, представителями которой являются вышеназванные ученые, рассматривают общество как динамическую социетальную систему, стремящуюся не к социальному порядку, а к социальному изменению. Вследствие чего существование общества определяется не процессами интеграции, а конфликтом, в основе которого лежит конкуренция. Социальный конфликт является особым типом взаимодействия социальных субъектов. История социального познания показала, что главной осью, вокруг которой происходит противоборство различных социальных групп и слоев, является проблема согласования или рассогласования их специфических интересов и общечеловеческих ценностей. Исторический опыт свидетельствует, что социальный конфликт никогда не ограничивается только сферой отношений между людьми, не связанными с определенными групповыми интересами. Поэтому разрешение конфликта, регулирование и локализация социальной напряженности предполагает изучение не только состава и структуры социальных явлений, но и их источников, процессов их становления, взаимопревращения, последовательности и соотнесенности в социальном пространстве.

Одним из базовых понятий философии является понятие «общественные отношения»¹¹⁰, крайнее проявление которых может быть сведено к «борьбе» носителей различных социальных интересов. Источником отношений борьбы выступает реальное противоречие. Однако противоречие может существовать, не вызывая конфликта, что объясняется непостоянством условий, при которых акторы не только осознают собственные интересы, но и способны, и мотивированы действовать в соответствии с ними. Процесс перехода от реального противоречия к отношению борьбы идет через осознание данного феномена между взаимодействующими сторонами. В определенном смысле социальный конфликт чаще всего выступает как осознанное противоречие в стадии кризиса.

Реальными носителями социальных конфликтов, как и любых социальных процессов и изменений, выступают социальные субъекты. Именно поэтому стратегическим направлением изучения со-

¹¹⁰ Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 435.

циального конфликта представляется обращение к его субъектной составляющей, выявление активного начала в социальном действии, неразрывно связанного с интересом и способом его осознания действующим субъектом. Источником конфликта может выступать не только индивид или социальная общность, но и социальный институт. При этом политическая борьба ведется не только за статус и реальные позиции в структуре власти, но и за представления участников борьбы о социальном мире и за то, как расширить сферу влияния именно этих представлений.

Эти коллизии приобретают для современного российского общества жизненное значение в связи с актуализацией и обострением конфликта различных «систем истины», умонастроениями в обществе, в той или иной мере связанными с «доминирующей истиной, принятой данной культурой и обществом»¹¹¹.

В российском обществе отсутствуют интегрирующие идеи, общезначимые ценности, проекты, стратегии развития, поддержанные обществом в целом. Как пишет А. Жукоцкая, «...сложность и противоречивость процесса «перестройки» 90-х годов XX века в нашей стране кроется именно в ее неукорененности в сознании и экономике. Дело не в самих идеях, а в степени определенности или неопределенности их связи с экономикой, в первую очередь, и социально-политической практикой – во вторую»¹¹². В. Пуляев также отмечает: «Идет мучительная переоценка ценностей, идеалов, целей, смысла жизни»¹¹³.

С этой точки зрения, существующие в российском обществе социальные конфликты могут быть описаны как моменты развертывания противоречий между потребностями, интересами, ценностями двух или более социальных субъектов. В связи с этим следует подчеркнуть, что противоречие не есть конфликт. Не всякое противоречие перерастает в конфликт, хотя в основе любого конфликта

¹¹¹ Музафарова Н. И. П. Сорокин об истоках революционных катаклизмов в России // Питирим Сорокин и развитие науки о человеке, обществе, цивилизации (материалы Международной практической конференции к 110-летию со дня рождения П. А. Сорокина). М.: МГПУ, 2000. С. 81.

¹¹² Жукоцкая А. В. Феномен идеологии. С. 137.

¹¹³ Пуляев В. Т. Истоки возрождения России: единство духовного и материального. К вопросу о новой парадигме развития общества. СПб.: Петрополис, 1993. С. 14.

лежит противоречие. С другой стороны, «...уладить конфликт невозможно без разрешения лежащего в его основе социального противоречия»¹¹⁴.

Противоречие, понимаемое как отношение взаимоисключающих, но вместе с тем и обуславливающих друг друга реальных противоположностей, выступает объективной основой конфликта, в той или иной мере осознаваемой его сторонами. Однако реальное противоречие в определенных условиях может и не осознаваться потенциальными сторонами конфликта. Поэтому, на наш взгляд, нельзя классифицировать противоречия «по степени их зрелости – в виде различий, противоположностей, конфликтов», поскольку эта логическая цепочка содержит явный разрыв постепенности.

Процесс перехода от различий к противоположности, как процесс осознания противоположности индивида и некоей социальной общности, внутренне предполагает вхождение в деятельностное поле конфликта. На наш взгляд, значительно бóльшие возможности для описания рассматриваемого процесса открывает подход, в основе которого лежит понимание конфликта как определенного, завершающего этапа усиления неудовлетворенности различных социальных субъектов теми или иными сторонами их жизнедеятельности. Этот подход позволяет зафиксировать момент трансформации противоречия как явления объективной социальной реальности в феномен сознания социального субъекта, дающего толчок процессу становления социального конфликта.

Напряженность, порождаемая неудовлетворенными потребностями, выступает в качестве основы любого конфликта. На наш взгляд, именно неудовлетворенность представляет собой социальный феномен, в пространстве которого происходит трансформация объективного противоречия в процессе его осознания социальными субъектами. Неудовлетворенность может рассматриваться и как своеобразная точка отсчета, откуда этот процесс берет свое начало.

Следует подчеркнуть, что в основании явления социальной напряженности, наряду с неудовлетворенными потребностями и непредставленными интересами, лежит несвоевременное или неадекватное (или то и другое одновременно) удовлетворение нужд и потребностей отдельных социальных общностей и индивидов. Не-

¹¹⁴ Иванов В. Н., Смолянский В. Г. Политическая социология. М.: ИСПИ РАН, 1992. С. 42.

редко это связано с отсутствием или неэффективностью механизма их выявления и реализации.

Исходя из вышесказанного, представляется достаточно убедительным предположение о том, что основой перехода от ситуации, описываемой термином «социальная напряженность», к конфликтной ситуации и далее к открытому конфликту выступает несвоевременное или неадекватное удовлетворение нужд и потребностей людей¹¹⁵.

Неудовлетворенность возникает как субъектно-объектное отношение, изначально содержащее возможность трансформации в субъектно-субъектное отношение, т. е. субъект недоволен чем-то, что выступает для него в качестве объекта, а затем репрезентируется в субъективную форму – личность, класс, социальная группа, слой... Реализация этой возможности происходит в процессе становления контрсубъекта данного отношения, по мере замещения им объекта отношения неудовлетворенности. Процесс становления контрсубъекта неудовлетворенности является, по существу, процессом становления социальной напряженности, аккумуляции ее потенциала.

Одним из центральных этапов превращения противоречия в конфликтные отношения является идентификация лиц, групп, общественных структур, блокирующих конструктивную деятельность движения к намеченным целям. Взаимная идентификация участников событий превращает объективно существующую конфликтную ситуацию в ее субъективное отображение участниками в форме переживания конфликтной ситуации. Следует отметить, что для процесса взаимной идентификации характерна рациональность, которая позволяет выявить противников и союзников, т. е. рациональность носит избирательный характер.

Трансформация неудовлетворенности в субъектно-субъектное отношение позволяет рассматривать ее как явление социальной действительности в виде социальной напряженности. В определенном смысле можно сказать: если неудовлетворенность выступает как сущность рассматриваемого типа отношений, то напряженность – как их явление в социальной действительности, обнажение, обострение которого происходит в форме социального конфликта.

¹¹⁵ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С. 327.

Таким образом, нарастание социальной напряженности и вызревание условий для социального конфликта происходит в процессе становления субъектно-субъектных отношений неудовлетворенности, выявления и идентификации контрагентов отношений неудовлетворенности как реальных или потенциальных виновников определенного дефицита ресурсов, власти, авторитета. Конфликт субъективен, ибо возникает в ходе осознания социальным субъектом своих интересов, целей и ценностей. Будучи осознанным, конфликт может быть разрешен только сознательным, субъективными усилиями сторон. Причем темпы процесса осознания, объективно различные у разных сторон потенциального конфликта, определяют различные уровни социальной напряженности.

Рассматривая социальную напряженность как проявление неудовлетворенности, необходимо иметь в виду, что ею далеко не всегда может исчерпываться сущность последней. Более того, феномен социальной напряженности при определенных условиях может искажать реальную картину неудовлетворенности конкретных социальных общностей различными сторонами своей жизнедеятельности. Опасность такого искажения существенно возрастает тогда, когда неудовлетворенность приобретает многослойный, многомерный характер, создавая условия как для сознательной или бессознательной подмены объекта неудовлетворенности, так и для деформации процесса ее персонализации.

Противоречие между возрастающими потребностями людей и возможностями их удовлетворения можно рассматривать одновременно как *основание, причину и результат* того, что человек, социальная общность развиваются не во всей своей целостности, а в какой-либо одной только определенности. Несовпадение, рассогласованность, различие в темпах и интенсивности развития различных сторон того или иного социального явления периодически обостряют проблему соответствия потребностей и возможностей их удовлетворения, приобретающую при определенных условиях депривационный характер.

Природа конфликта, предполагающая субъективный характер средств его разрешения, предопределяет необходимость выявления и учета не только сущностных, уникальных характеристик субъектов, выступающих в качестве сторон конфликта, но и особенностей конкретной ситуации, в которой он протекает. Группы, осознающие

в той или иной мере противоположность своих интересов, должны постоянно соприкасаться, контактировать между собой. Наличие трудностей, препятствий, возникающих в процессе подобных контактов, актуализирует конфликтную ценность присутствия в структуре того или иного социального явления (образования) компонентов, способных информировать, извещать стороны потенциального конфликта о состоянии, намерениях друг друга. Чем более чувствительны эти механизмы, тем быстрее идет процесс осознания противоположности целей и интересов. В связи с этим субъекты конфликтного взаимодействия (или один из них) могут быть готовы к нему уже к началу первого контакта, что, в свою очередь, может оказать существенное влияние на процесс рационализации конфликта.

Социальная напряженность, рассматриваемая как явление неудовлетворенности социального субъекта, проходит, на наш взгляд, в своем развитии несколько этапов:

1. Осознание потенциальными субъектами конфликтных отношений различий в отношениях с объектом этих отношений.

2. Обособление, отграничение, снижение интенсивности связей и контактов.

3. Осознание противоположности своих отношений с объектом потенциального конфликтного взаимодействия по сравнению с другим субъектом (субъектами) подобных отношений.

4. Осознание неразрешимости сложившихся субъектно-субъектных отношений по поводу объекта потенциального конфликта в рамках существующих институтов и установлений.

5. Конфликтная ситуация, представляющая собой момент завершения процессов взаимного прояснения позиций, «персонализации» ответственности, одновременно выступающая завершающим этапом процесса осознания неразрешимости сложившихся отношений в рамках существующих институтов и установлений.

6. Открытый конфликт – полное или частичное разрушение существующих связей, отношений, институтов, установившихся в рамках данной социальной общности норм, правил, традиций.

Противоречия и их осознание в форме определенных различий между субъектами социальных отношений не всегда ведут к конфликту, напряженности. Последние возникают в процессе приобретения упомянутыми различиями оттенков противоположности и их

осознания именно в этом качестве. «Пока противоположность не осознана, конфликт не наступает»¹¹⁶, – отмечает Э. Гидденс.

Момент различения означает включение субъектами потенциального конфликта друг друга в ареал своих реальных или потенциальных связей, проработку различных стратегий своих взаимоотношений. В процессе осознания сходства и различия сторонами потенциального конфликта осуществляется интерпретация совокупности понятий, отражающих, по их мнению, существо зарождающихся отношений. Способность субъекта более или менее адекватно подойти к решению этой проблемы свидетельствует о возможности превращения конфликта в управляемый.

Вместе с тем неспособность социального субъекта достаточно адекватно интерпретировать сущность зарождающихся конфликтных отношений неизбежно накладывает отпечаток не только на их текущий характер, но и на характер, направленность рассматриваемых и принимаемых стратегий их становления и развития, обуславливающих жесткость, безадресность становящегося потенциала напряженности. Выявление, осознание и удовлетворение потребностей, осознание различий и противоположности по отношению к объекту потенциального конфликта происходит в форме социальной активности, в качестве полюсов которой выступают, с одной стороны, социальная пассивность, с другой – конфликтная активность.

Социальный конфликт может быть представлен как некая пограничная ситуация, чреватая соскальзыванием социальной системы, в которой он происходит, в состояние, слабо поддающееся прогнозированию и чаще всего не предусмотренное конфликтующими сторонами.

Пограничность ситуации социального конфликта, его уникальность, ситуативность, непредсказуемость последствий ставят методологическую проблему изучения объективного процесса его становления, поэтапного развития. Как нам представляется, этот процесс включает следующие этапы:

– усиление неудовлетворенности различных социальных субъектов условиями жизнедеятельности;

¹¹⁶ Гидденс А. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 72.

– обнаружение причинно-следственной связи между характером объекта неудовлетворенности и деятельностью других социальных субъектов, вызывающее социальную напряженность;

– усиление социальной напряженности, трансформирующейся в конфликтный потенциал;

– аккумуляирование конфликтного потенциала и его переход в открытый социальный конфликт.

В связи с этим особое значение приобретает этап становления и развития социальной напряженности, в рамках которого сохраняется возможность не только прогнозирования и управления социальным конфликтом, но и выявления факторов снижения конфликтной активности, способной любой элемент социальной неудовлетворенности превратить в открытый социальный конфликт. Ю. Г. Запрудский, определяющий этот этап как предконфликтную стадию, рассматривает его «как наиболее благоприятный момент для вмешательства по преодолению конфликта»¹¹⁷. На этом этапе в силу продолжительности и латентности происходящих внутри него процессов, появляется возможность не только прогнозировать характер и последствия конфликта, но и решить вопрос о его необходимости и возможности найти способ ухода от открытого конфликта. Таким образом, анализ становления социального конфликта подчеркивает ключевое значение исследования явления социальной напряженности, позволяющего прогнозировать социальный конфликт и в определенной мере управлять им.

Подводя итог, отметим, что в теоретическом плане нельзя не согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что не всякое противоречие перерастает в конфликт, но в основе всякого конфликта лежит противоречие. В этой связи особое значение приобретает этап зарождения и созревания общественного противоречия, в рамках которого сохраняется возможность его разрешения еще до перерастания в конфликт. На этом этапе, в силу продолжительности, латентности происходящих внутри него процессов, появляется возможность прогнозировать конструктивный или деструктивный характер конфликта и его последствия. Таким образом, анализ процесса развития социального конфликта подчеркивает ключевое значение исследования противоречия, лежащего в его ос-

¹¹⁷ Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. Ростов, 1992. С. 34.

нове и позволяющего прогнозировать социальный конфликт и управлять им.

Поэтому в нашем исследовании мы отметили роль *потребностей, интересов, целей и ценностей*, которые даже на микроуровне, не говоря уже о мезо- и макро-, играют определяющую роль в рождении противоречий.

Профилактика конфликта является не самой сильной стороной разработанных конфликтологических теорий и созданных на их основе практических разработок. Основное внимание исследователей акцентируется на том, как урегулировать уже возникший конфликт и использовать его энергию для развития. С учетом российской специфики нам представляется необходимым перенести акцент на предупреждение конфликтов, а значит, более пристальное внимание обратить на противоречия. Средством предупреждения конфликтов может являться научно-мониторинговая и управленческая деятельность, отслеживающая уровень социальной напряженности общественных отношений и приведение их к оптимальному значению. При этом следует учитывать, что данная мера эффективна только в условиях относительной стабильности общественной системы и ограничено применима к ситуации российского транзита, характеризующегося нестабильностью и неопределенностью.

Проведенный анализ позволяет внести корректировку в преобладающую в западной социологии и конфликтологии точку зрения о положительности конфликтов. Далеко не все и не всегда общественные конфликты несут в себе положительный заряд. Если в процессе разрешения уже существующего конфликта рождается другое противоречие, а предыдущее еще не устранено, то подобный конфликт никак нельзя считать положительным, в противном случае начинает формироваться «клубок» противоречий, распутывание которого требует больше сил и времени, соответственно возрастают издержки преобразований. Иерархия противоречий в качестве *функциональных, структурных и системных* порождает и соответствующий тип конфликтов (закон восходящего конфликтного лифта). Из этого следует, что всякого рода социальные преобразования должны быть спланированы и скоординированы. Чем более масштабны эти преобразования, тем более жесткие требования должны предъявляться к поэтапности их проведения. Одновременно, негативное отношение к конфликту, присущее российским гражданам,

создает на уровне функциональных противоречий безразличное к ним отношение, что формирует, в свою очередь, механизм торможения модернизационных усилий власти.

III. «ТЕОРИЯ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ» В СОЦИАЛЬНОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В истории любого государства бывают периоды, когда наблюдается явное несоответствие процессов, происходящих в основных сферах жизни общества (социальной, политической, экономической, духовной), потребностям исторической эпохи. Именно в такие периоды общество вступает в полосу кризиса, который грозит крупными потрясениями всей социальной системе, если не будут найдены эффективные пути его преодоления.

С нарастанием кризисных явлений в обществе мобильные социальные силы стремятся преодолеть возникший кризис посредством преобразования архаичных социально-политических институтов, тормозящих развитие страны, в структуры, соответствующие потребностям развивающейся социально-политической ситуации.

Полтора века тому назад, после отмены крепостного права, в России началась трансформация земледельческой (по А. М. Ковалеву¹¹⁸) цивилизации в индустриальную (промышленную), которая возвестила о вхождении нашей страны в эпоху модерна. Однако, учитывая специфику России, процесс становления новой цивилизации был весьма противоречивым, затянутым, что и предопределило драматические события первой половины XX века.

В процессе указанной трансформации российского общества формировалась идейно-теоретическая база подобного перехода. В основном выбор идеологических приоритетов в России досоветского периода носил воинствующий характер. Это не могло не усиливать коллизии политической модернизации первых десятилетий XX века. К тому моменту, когда накал политической борьбы достиг своей кульминации (1917 г.), идейно-теоретическая база для пред-

¹¹⁸ Ковалев А. М. Как понять, что же происходит в России? // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 2. С. 133.

ставителей будущей власти в лице РСДРП(б) была уже готова и адаптирована к российским условиям. Эта адаптация происходила в процессе создания В. И. Лениным ряда фундаментальных трудов: «Империализм как высшая стадия капитализма», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Государство и революция». Кроме того, для В. И. Ленина идея классовой борьбы становится «краеугольным камнем» его практико-преобразующей идеологии. Как пишет А. Жукоцкая, «если для К. Маркса идеология не соотносилась с научным познанием общества, то в рассуждениях В. И. Ленина идеология предстает как «научное» знание, «вносимое» в общество профессиональными идеологами»¹¹⁹. В письме «Северному союзу РСДРП» от 1902 г. В. И. Ленин подчеркивал: «Социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, то есть он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм вносится идеологами»¹²⁰.

В рамках классической социально-философской теории (Аристотель, Гегель, Маркс, Энгельс, Ленин) проблема общественных противоречий была достаточно хорошо разработана и могла послужить теоретической базой для ее практического применения в условиях построения социализма. Однако после смерти В. И. Ленина ход последующих событий шести десятков лет показал неготовность представителей правящей элиты, разных ее поколений, использовать на практике теоретические наработки классиков марксизма, не говоря уже о российских ученых, чьи идеи не вписывались в идеологический концепт марксизма-ленинизма (философы – Н. Бердяев, И. Ильин, Н. Лосский, П. Флоренский, С. Франк, Г. Шпет, экономисты – А. Чаянов, Н. Кондратьев и др.). «В начале 20-х гг., – отмечает П. Алексеев, – существовал явно выраженный политический антагонизм между материалистическим и идеалистическим направлениями в философии. В 1922 г. произошло событие, сильно повлиявшее на развитие философии в стране и имевшее глубокие послед-

¹¹⁹ Жукоцкая А. В. Феномен идеологии. С. 128.

¹²⁰ Ленин В. И. Письмо «Северному союзу РСДРП» // ПСС. М., 1963. Т. 6. С. 362–363.

ствия не только для философской мысли, но и для всей духовной культуры России: из страны была выслана часть творческой и научной интеллигенции (161 человек)»¹²¹. Среди высланных был П. Сорокин, который в работе «Современное состояние России», написанной в 1922 г.¹²², анализирует российское общество после великих потрясений (Первая мировая война, две революции 1917 года, Гражданская война и иностранная интервенция). Анализ состояния отечественной действительности, наполнен, по мнению П. Сорокина, противоречиями и конфликтами не только классового характера, но и межличностного. Он утверждал, что войны и революции оголяют биологическую сущность человека, вытаскивая на поверхность его низменные инстинкты.

Несмотря на факт высылки ученых-обществоведов из страны, в годы НЭПа не только разрешались, но и реально шли философские дискуссии, которые затрагивали разные аспекты диалектики, материализма, идеализма, натурфилософии в контексте научных открытий в естественных науках.

В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленина поднимается вопрос об отношении большевиков к буржуазным мыслителям, таким как Р. Виппер, А. Дреус. Несмотря на реакционность их идей, которые нужно разоблачать, коммунисты должны идти на «союз» с ними. «Союз с Дреусами в той или иной... степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами»¹²³. В продолжении приведем еще одну весьма показательную мысль вождя партии большевиков: «Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и советская власть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи»¹²⁴. Можно констатировать, что В. И. Ленин был прагматиком и понимал, что

¹²¹ На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 14.

¹²² Сорокин П. Современное состояние России.

¹²³ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // ПСС. М., 1970. Т. 45. С. 28.

¹²⁴ Ленин В. И. ПСС. М., 1970. Т. 44. С. 350–351.

на начальном этапе строительства социализма можно опираться только на тот «человеческий материал», который есть у партии, государства, общества и здесь надо уметь «зерна отделять от плевел». Не должно быть формального подхода и «уровниловки», в этом и есть диалектико-материалистический подход, который не имеет ничего общего ни с утопическим социализмом, ни с казарменным коммунизмом, ни с объективным, а тем более, субъективным идеализмом.

После смерти В. И. Ленина пока действовал НЭП, философские дискуссии допускались, но к концу 20-х годов административно-чиновничий произвол стал нарастать, превращаясь в репрессивную машину, от которой пострадали П. Флоренский, Г. Шпет, В. Вагнян, И. Луппол, Я. Стэн, Н. Карев, С. Семковский и другие. Список был бы гораздо больше, если бы не упомянутая нами высылка в 1922 г. ведущих обществоведов страны. Почти полностью были уничтожены первые выпускники Института красной профессуры. В 20-е гг. в гимназиях и университетах было прекращено изучение языка и культуры Древней Греции и Рима. В 30-е годы классическое образование частично было возвращено в учебные заведения, но подняться на прежнюю высоту оно уже не смогло. «Со стороны государства, – пишет А. Жукоцкая, – это был продуманный политический акт, определявшийся идеологической установкой. Молодой человек изучал на протяжении многих лет (гимназия, затем университет) философию, историю, литературу, язык, искусство, религии великой античности. Естественно, в формировании его мировоззренческого знания участвовал и античный понятийный аппарат. А там были понятия не только «космоса», «хаоса», «эйдоса» и «материи», но и «закона», «республики», «демократии», «охлократии», «тирании» и другие. Очевидно, что знание и глубокое понимание сущности процессов, которые отражаются этими понятиями, могло навести молодые умы на нежелательные и опасные размышления»¹²⁵.

В начале 30-х гг. ситуация в отношениях власти и интеллигенции кардинально изменилась: начался погром науки, философии, культуры. На арену борьбы выходили одиозные фигуры с ненаучными идеями, такие как Лысенко, Максимов, Митин, Кольман,

¹²⁵ Жукоцкая А. В. Феномен идеологии. С. 98–99.

Юдин и др. Качество философских дискуссий и публикуемых статей заметно снизилось. В таких условиях зарождается и получает распространение «теория бесконфликтности», которая, с одной стороны, должна была идейно подчеркнуть успехи социалистического строительства в первые десятилетия советской власти (ликвидация частной собственности, решение проблема безработицы и др.), а с другой – дезавуировала суть диалектического и исторического материализма, выхолащивая проблему общественных противоречий. Хитрость заключалась в том, что идеи марксизма полностью сохраняли свою значимость в оценке буржуазных обществ, где действовали антагонистические противоречия, но применительно к советскому обществу использовался формальный подход, субъективистски отменявший диалектическую закономерность формирования общественных противоречий.

В наше время на проблему общественных противоречий и теорию бесконфликтности обращали внимание ряд отечественных авторов, высказывания, которых мы ниже приведем. Сейчас же обратимся к одной из последних работ С. Прошанова – авторитетного специалиста в области социологии конфликта. Согласно его периодизации в становлении российской социологии конфликта выделено четыре этапа:

- первый (ранний) этап – 60-е гг. XIX в. – 1917 г.;
- второй этап – 1917–1961 гг.;
- третий этап – 1961 г. – нач. 90-х гг. XX в.;
- четвертый этап – с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время.

Из четырех этапов, второй этап (1917–1961 гг.), пишет автор, «характеризуется безусловным господством в российском обществе бесконфликтной теории развития Советского государства рабочих и крестьян... Этап характеризуется институциональным запретом каких-либо исследований проблематики социальных конфликтов вообще»¹²⁶. Третий этап (с 1961 и до начала 1990 гг.) С. Прошанов характеризует так: «Советскими учеными-обществоведами, несмотря на господство «бесконфликтной теории» развития общества и неприятие самой конфликтологической теории и практики, начи-

¹²⁶ Прошанов С. Л. Социология конфликта в России: история, теория, современность. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 63.

нают разрабатываться основы науки о конфликтном взаимодействии социальных субъектов»¹²⁷.

Рассматривая «реальные противоречия реального социализма», экономист П. Олдак писал: «В первые годы социалистического строительства, когда господствовал субъективный подход и государство рассматривалось как творец самих социалистических производственных отношений (что прямо отражало эпоху коренной перестройки общественных структур), отрицалась объективность экономических законов социализма. Тем самым снимался и вопрос о внутренних противоречиях развития нового строя»¹²⁸. В этом смысле, на наш взгляд, методологической ошибкой сталинской концепции социальных преобразований было понимание целостности данного общества на основе *сведения всех различий, всего многообразия форм* экономической, политической, духовной жизни к *единому образцу, стандарту*, ориентированному на командно-административную волю верховной власти.

Подобное понимание целостности не могло не сказаться на практической реализации основных принципов нового общества, успешная реализация которых связывалась только с устранением всевозможных отступлений от стандарта, любых элементов дезорганизации. Любые помехи рассматривались как фактор враждебности социализму, государственной власти, этатизму и влекли политические санкции в виде репрессий.

Всякая общественная система, функционирующая без помех, способна лишь на некоторое время сохранить себя, поддерживая некоторое динамическое равновесие. Только при условии возникновения и разрешения внутренних противоречий устойчивость организации возрастет, если эти противоречия движутся и разрешаются в адекватных для данной целостности формах. Дезорганизующие моменты могут служить основой для совершенствования организации¹²⁹, как заявлял И. И. Шмальгаузен в работе «Факторы эволюции (теории стабилизирующего отбора)».

¹²⁷ Прошанов С. Л. Социология конфликта в России: история, теория, современность. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 63.

¹²⁸ Экономическая социология и перестройка / общ. ред. Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной. М.: Прогресс, 1989. С. 45.

¹²⁹ Шмальгаузен И. И. Факторы эволюции (теории стабилизирующего отбора). М.; Л., 1946.

Нельзя абсолютизировать момент дезорганизации в развитии общественных систем. Система, не обладающая запасом элементов дезорганизации, просто разрушается, но было бы неверно сознательно нагнетать ситуацию на уровне общественной системы, порождая противоречия еще и субъективного характера. Речь в данном случае может идти лишь о разумном использовании моментов дезорганизации общественных систем для их сознательного, целенаправленного совершенствования.

Нам представляется важным обратить внимание на *сведение всех различий к единому образу*. Категория «различие» играет свою важную роль в цепи диалектических категорий, имеющих отношение к **противоречию** (*тождество – сходство – различие – противоположность*), т. е. попытка искусственного вмешательства в диалектическую цепочку отношений *материи и движения* через *противоречие* есть непонимание и/или неприятие основополагающих положений диалектического материализма. Современный отечественный философ Л. Балашов пишет: «Если выразить суть диалектики одним словом, то это будет *противоречие*. Когда мы говорим о *диалектике* чего-либо или называем нечто *диалектическим*, то подразумеваем под этими словами реальное противоречие, реальную противоречивость, реально противоречивый характер чего-либо»¹³⁰.

После смерти И. Сталина (1953 г.) начались дискуссии о субъективистском подходе в трактовке экономических законов социализма. В результате этих дискуссий субъективизм был преодолен и выдвинут тезис о том, что при социализме снимаются антагонистические противоречия, но сохраняются неантагонистические. Последние трактовались как бесконфликтно разрешаемые коллизии, устранение которых происходит без борьбы в процессе самосовершенствования социалистических производственных отношений. По существу, и здесь вопрос о реальных противоречиях социализма снимался. В учебниках того периода господствовали следующие положения: «Неантагонистические противоречия социалистического общества разрешаются более или менее своевременно, по мере их развития и выявления»¹³¹.

¹³⁰ Балашов Л. Е. Мир глазами философа.

¹³¹ Диалектический и исторический материализм / под общ. ред. С. М. Ковалева. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. С. 94.

По мнению М. Н. Руткевича, «неразработанность теории конфликта в марксистско-ориентированной макросоциологии во многом объясняется влиянием сталинской вульгаризации марксизма. Если понятие «противоречие» использовалось во всех учебниках по философии, но весьма неохотно допускалось для характеристики отношений между социальными группами советского общества, то понятие конфликта предназначалось для описания коллизий между индивидами и малыми группами. Что же касается конфликтов между социальными группами и народа в советском обществе, то о них, как правило, умалчивалось»¹³².

Имея своим конечным источником определенное противоречие, достигшее в своем развитии предельного состояния (фазы противоположности), конфликт возникает в результате осознания борющимися сторонами данного противоречия как взаимной несовместимости их социальных интересов и целей. Поэтому социальный конфликт представляет собой более или менее сознательное противоборство общественных сил по преодолению и разрешению (или же сохранению и упрочению) лежащего в его основе противоречия.

Признавая это на словах, господствовавшая в стране идеология, по существу, не распространяла данный тезис на советское общество¹³³. Ведь одним из идеалов социализма было декларирование отсутствия классовых конфликтов. А. Бутенко отмечал: «Еще в 30-х годах у ряда авторов появилась идея бесконфликтного развития социалистического общества, отсутствия в нем антагонистических противоречий»¹³⁴. Наиболее полно эта идея была представлена в тезисе о полном соответствии при социализме производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Вторая половина 30-х годов – это время, когда была принята Конституция (1936 г.), закрепившая построение основ социализма. Позже, во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период «теория бесконфликтности» была предана некоторому забвению в силу объективных обстоятельств, обусловленных мас-

¹³² Руткевич М. Н. Общество как система. С. 343.

¹³³ История социалистических идей и стереотип массового поведения. М., 1990. С. 24–26.

¹³⁴ Бутенко А. П. О характере созданного в России общественного строя // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 67–68.

штабностью военного конфликта, в который была ввергнута наша страна и весь мир.

Далее в период хрущевской «оттепели» обозначилась критика «теории бесконфликтности», которая, бесспорно, стимулировала разработку проблем существования противоречий в развитии социалистического общества. В 50–60-е гг. XX века в публикациях отечественных авторов рассматривались, в частности, противоречия между базисом и надстройкой, производительными силами и производственными отношениями, между интересами личности и общества, между интересами различных социальных групп в условиях социализма. Однако это было лишь временное ослабление идеологического пресса в отношении обществоведов.

В 70-е годы XX века в общественном сознании вновь стала превалировать тенденция лакировки действительности, сглаживания остроты все более накапливавшихся в стране социальных проблем и противоречий. С высоких государственных и партийных трибун, поддерживалось стремление к самовосхвалению и выпячиванию «исторических преимуществ и достижений социализма в решении сложнейших социально-политических, экономических и национальных проблем, в утверждении высоких нравственных ценностей»¹³⁵. Попытки отдельных ученых-обществоведов дать правдивую оценку, складывающейся ситуации в стране, предупредить власть о надвигающейся опасности, например «Новосибирский манифест» Т. Заславской (1983 г.), не возымели должного эффекта.

В послевоенный период в жизни советского общества открытые конфликты, массовые акции протеста были сравнительно редким явлением. Но даже если такие коллизии случались (события в г. Новочеркасске), то достоверные сведения о них не доходили ни до обществоведов, ни до общественности. Лишь в самом конце XX века появился обобщенный материал по акциям протеста в СССР, которые имели место в период хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя»¹³⁶.

Разработка теоретических проблем социального конфликта осуществлялась в марксистской литературе главным образом в связи с

¹³⁵ Нечипоренко Л. А. Феномен социального конфликта в условиях социализма // Драма обновления. М.: Прогресс. 1990. С. 459.

¹³⁶ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 416 с.

критикой его буржуазных трактовок. Именно антагонистический характер противоречий эксплуататорского строя обуславливает сущностную природу его социальных коллизий и их объективную неизбежность. Поэтому в общественном сознании того периода понятием «социальный конфликт» было принято обозначать в основном проявления антагонистических противоречий, например классовой борьбы, социальных революций, национально-освободительных движений, войн.

Напротив, в неантагонистическом характере противоречий социалистического общества обычно усматривали решающий аргумент при обосновании вывода о неприменимости понятия социального конфликта к анализу противоречий и об отсутствии неизбежности их перерастания в социальные конфликты. На наш взгляд, ярким примером догматизма советских времен является следующее суждение: «По форме развития и способу разрешения для антагонистических противоречий характерна тенденция к максимальному обострению вплоть до социального конфликта, тенденция к насильственной форме их разрешения, затягиванию периода, предшествующего разрешению, затягиванию, которое имеет место благодаря сопротивлению отживающих общественных сил. По форме развития и разрешения неантагонистические противоречия характеризуются значительным сокращением периода развития противоречий, объективной возможностью разрешения противоречия без доведения его до состояния крайней поляризации, до социального конфликта»¹³⁷. Таким образом, считалось, что антагонистические противоречия неминуемо приведут к конфликту, к «насильственной форме их разрешения».

Социальные практики в западных странах второй половины XX в. показали, что умение сглаживать и разрешать возникающие противоречия отнюдь не означает их бесконфликтное развитие. Конфликты были, есть и будут условием развития общества, т. к. важно не только своевременно осознать созревшее противоречие, но иметь волю и средства для разрешения данного противоречия в доконфликтной фазе социального взаимодействия. «Между тем западное общество сумело разработать систему амортизаторов, противовесов, которые, по существу, ликвидируют опасность взрывов,

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1974. Т. 42. С. 107.

облегчают выработку компромиссных решений»¹³⁸. Данная система амортизаторов сравнительно эффективно работала, пока мир был биполярным и цивилизационно конкурентным. В лице СССР и мировой системы социализма западные страны имели внешний раздражитель и должны были доказывать преимущества своей системы общественного развития. Но как только произошло крушение мировой системы социализма, а затем и распад СССР, у лидеров развитых капиталистических государств, и особенно США, началось «головокружение от успехов». Спустя два десятка лет (2008–2009 гг.), марксовы экономические законы с новой силой напомнили о себе, а система амортизаторов в западных странах, сглаживающая противоречия и конфликты, стала давать сбои. Это лишний раз доказывает положение марксизма о невозможности в исторической перспективе разрешить антагонистические противоречия капиталистического общества, их можно только устранить. В течение всего XX века, что не исключает экономические кризисы в отдельных странах, Западу удавалось создавать материальное благополучие значительной части своих граждан за счет конкуренции основных экономических игроков на внутреннем и внешнем рынках, а также ограбления слаборазвитых стран, проводя политику колониализма, неоколониализма, трудовой миграции, а теперь «управляемых» военных конфликтов или «управляемого хаоса».

Говоря же о неантагонистических противоречиях, авторы, наоборот, пытались подчеркнуть, что период развития противоречия при социализме значительно сокращается, так как существует объективная возможность разрешения противоречия без доведения его до состояния крайней поляризации, до социального конфликта. Неспособность социалистических стран, даже с учетом весьма нетрадиционного опыта Югославии 50–60-х гг. XX в., своевременно выявлять и разрешать возникающие противоречия сыграло свою пагубную роль в крушении мировой системы социализма и нанесло удар по имиджу социалистической модели развития.

Можно также заметить, что ссылка на господство общественной собственности на средства производства, которая «не разделяет, а соединяет единым основным интересом все классы, всех членов общества», часто считалась достаточной, чтобы утверждать, что

¹³⁸ Социализм между прошлым и будущим / ред.-сост. В. П. Киселев, И. М. Клямкин. М.: Прогресс, 1989. С. 165–166.

противоречия «не приобретают характера социального конфликта»¹³⁹. Несомненно, объективная возможность развития и разрешения без неизбежного перехода в состояние социального конфликта составляет отличительную особенность неантагонистических противоречий. Вместе с тем надо подчеркнуть, что объективная возможность противоречий социализма развиваться и разрешаться, минуя фазу социального конфликта, реализуется не сама собой, не автоматически. Вопреки «теории бесконфликтности», фактически исходящей из абсолютизации упомянутой возможности, уже сама ее реализация происходит тоже не бесконфликтно, а через «борьбу противоположностей»¹⁴⁰, через взаимодействие объективно названной возможности с субъективным человеческим фактором и получение необходимой поддержки со стороны различных социальных слоев.

К. Маркс считал капитализм последней в истории общественно-экономической формацией, в которой антагонизм вырастает из «общественных условий жизни индивидуумов»¹⁴¹. Вместе с тем он не исключал существования в будущем обществе «индивидуального антагонизма»¹⁴². Вырастающий из индивидуальных либо групповых условий жизнедеятельности людей, антагонизм проявляется в столкновениях отдельных лиц и групп друг с другом, а также в коллизиях между личностью и группой, группой и обществом в целом. При социализме такие столкновения также принимали форму социального, а иногда и политического конфликта¹⁴³, когда их участники выступали, репрезентируя позиции определенных социальных групп, слоев, общностей.

В середине 80-х гг. XX в. высшее партийное руководство Советского Союза признало, что наше общество, как и мировой социализм, проходит через своеобразный кризис развития. Некоторые ученые отметили, что «...во многом этот кризис связан с грузом прошлого, с загнанными вглубь, развивавшимися десятилетиями

¹³⁹ Диалектический материализм. С. 271.

¹⁴⁰ Там же. С. 276.

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии – предисловие // Соч. Т. 13. М., 1959. С. 4.

¹⁴² Там же. С. 7–8.

¹⁴³ События 1953 г. в Восточной Германии, 1956 г. – в Венгрии, 1968 г. – в Чехословакии, 1980 г. – в Польше.

деформациями и противоречиями. Выйдя на поверхность, они обострили течение нашей жизни»¹⁴⁴. В научных публикациях отмечалось: «Если в социалистическом обществе не происходит постоянного обновления, то возникают тромбы, явления застоя, до опасной черты могут обостриться экономические и социальные проблемы. Здесь мы подходим к одной из самых застарелых догм, которые застилали нам глаза, – представлению о том, что в условиях социализма нет места социальным конфликтам»¹⁴⁵.

На наш взгляд, основной причиной распада СССР и мировой системы социализма следует считать не «кризис развития», а отсутствие должного внимания со стороны власти к назревшим в обществе противоречиям. Именно противоречия общественного развития, имея тенденцию количественных и качественных изменений, подобно принципу «восходящего конфликтного лифта» накапливали энергию общественного недовольства. Достигнув определенного максимума, эта энергия вырвалась на поверхность, ввергая общество в серьезный конфликт. Данное недовольство в восточноевропейских странах проявилось в 1953 г. в ГДР, в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии, с 1979 г. в Польше.

В конце 80-х годов XX века ряд авторов (А. Бутенко, М. Руткевич, В. Семенов) предприняли попытку провести ревизию теоретического багажа о характере и природе проявления общественных противоречий в условиях социализма, накопленного в предшествующие десятилетия. Анализ теории и практики общественных противоречий в условиях социализма, проведенный А. Бутенко¹⁴⁶, позволил ему назвать главную социальную силу, противостоящую движению советского общества вперед – бюрократию: «идеология и психология застоя, чуждые диалектике, явились выражением интересов и сознания... стоявшей в тот период у власти брежневской бюрократии»¹⁴⁷.

М. Руткевич, изучая социальную структуру общества, отметил, что противоречие между «потребностями развития производительных сил и тормозящими это развитие устаревшими производствен-

¹⁴⁴ Социализм: между прошлым и будущим. С. 185.

¹⁴⁵ Экономическая социология и перестройка. С. 37.

¹⁴⁶ Бутенко А. П. Современный социализм. Вопросы теории. М.: Политиздат, 1989. 303 с.

¹⁴⁷ Там же. С. 84–85.

ными отношениями... было подспудной причиной трех русских революций. В Советском Союзе данное противоречие нарастало в течение нескольких десятилетий, по мере того, как политическое руководство блокировало принятие кардинальных мер по совершенствованию системы управления хозяйством, а тем самым изменению отношений между хозяйствующими субъектами»¹⁴⁸.

В следующей работе (2004 г.), М. Руткевич отмечает, что «в советском обществе с признанием противоречий дело обстояло весьма сложно, если не считать противоречия с врагами нового строя, которое рассматривалось как прямое продолжение и проявление антагонистического противоречия с империалистическим окружением. Коренное положение диалектики о противоречиях как движущей силе развития признавалось всеобщим законом и поэтому верным и для данного случая. Но любые попытки его конкретизировать, как *социальное* противоречие в советском обществе наталкивались на идеологические препоны и чаще всего замалчивались»¹⁴⁹.

В политической практике это означало сложность возникновения и функционирования каких-либо социальных институтов, отличных от партийных и государственных органов. Господствовавшая методологическая установка была такова, что противоположности неравнозначны, неравноценны. В контексте социального развития это означало, что одна из сторон противоречия является прогрессивной и ее необходимо всячески поддерживать, стимулировать, а другая сторона олицетворяет застой, тормоз развития, а посему должна быть устранена. Это приводило к грубейшим ошибкам, к насильственному устранению одной из противоположностей. Тем самым искусственно прерывался процесс общественного развития. Те, кто так рьяно защищал марксистско-ленинскую диалектику, либо сами ее не понимали, либо не хотели ею руководствоваться. В. И. Ленин в «Философских тетрадах»¹⁵⁰, вышедших еще до революций 1917 года, отмечал, что и спустя полвека никто из марксистов не понял Маркса. В наши дни философ М. В. Попов добавляет, что и век спустя его никто не понял.

¹⁴⁸ Руткевич М. Н. Общество как система. С. 334.

¹⁴⁹ Руткевич М. Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. С. 132.

¹⁵⁰ Ленин В. И. Философские тетради // ПСС. М., 1961. Т. 29.

Г. Гегель в свое время отмечал: « нечто существует лишь постольку, поскольку способно удерживать в себе противоречие, если же нечто существующее не способно иметь в себе противоречие, то оно... погибает»¹⁵¹.

В СССР, с нашей точки зрения, в силу властечетричности государства, масштабности территории, множества субкультур, обусловленных полиэтничным и поликонфессиональным составом населения, слабостью гражданского общества, господства подданнической политической культуры и других причин процесс созревания **системных противоречий** растянулся на десятилетия. «В нашем национальном сознании всегда огромную, гипертрофированную роль играл образ государственной власти и идеологии», — отмечает А. Жукоцкая¹⁵².

Пренебрежительное отношение к проблеме зарождения, развития и проявления общественных противоречий, независимо от той или иной формы общественного устройства, порождает кризисы и конфликты, начиная с микроуровня и заканчивая мегауровнем. Теоретические наработки о сущности и проявлении общественных противоречий, выработанные в рамках классического социального знания и, казалось бы, соответствующие индустриальному уровню развития общества, в действительности могут успешно применяться и в современных условиях постиндустриального развития.

Модернизация СССР усилила интерес к проблеме общественных противоречий не только среди теоретиков, но и среди практиков. Новое руководство страны еще в начале преобразований обратило внимание на данную проблему. Анализ противоречий советского общества в годы перестройки был поставлен в центр внимания в документах ЦК КПСС. «Искусство политического руководства требует умения выявлять и эффективно разрешать противоречия, не затушевывать их, не накапливать, а превращать в источник прогресса и саморазвития»¹⁵³. Однако данное «искусство политического руководства» оказалось неэффективным, коль скоро проводимые реформы стали все больше «пробуксовывать», а «основную причину сложностей, которые выявились в ходе реформ... следует искать

¹⁵¹ Гегель Г. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 67.

¹⁵² Жукоцкая А. В. Феномен идеологии. С. 137.

¹⁵³ Материалы Пленума ЦК КПСС, 25–26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 12.

в... нашем подходе к содержанию реформ, к методам их проведения»¹⁵⁴.

Не только политическое руководство страны, но и ученые-обществоведы оказались неподготовленными к серьезным изменениям, возникло глубокое отчуждение теории от практики. В партийных документах того времени отмечалось: «Нельзя уйти от факта, что наш философский и экономический фронт, да и обществоведение в целом находятся в состоянии... известной отдаленности от запросов жизни»¹⁵⁵. Кризис науки признавали и сами ученые, например, В. Т. Пуляев писал: «Общество столкнулось с тем, что очевидная потребность научного осмысления социальных процессов и возможность ее реализации оказались сами по себе далеко не адекватными»¹⁵⁶. Атмосфера, господствовавшая в так называемый «застойный» период, – это атмосфера «выпячивания» достижений и замалчивания ошибок, атмосфера самоуспокоенности и нежелания браться за решение нараставших проблем. Десятилетиями власть относилась к марксизму-ленинизму как оружию в борьбе с мировым империализмом, но стыдливо замалчивала необходимость применять законы диалектического и исторического материализма относительно собственного общества. А ученые-обществоведы оказались заложниками подобного подхода. «Теория бесконфликтности», по существу, была составной частью идеологии и психологии застоя и их закономерным выражением.

Исторический опыт развития советского общества показал, что при отсутствии своевременной и должной гармонизации интересов различных социальных групп могут возникнуть коллизии, определяемые как конфликт. Редакция журнала «Социологические исследования» в конце 80-х гг. XX в. на одном из заседаний круглого стола отмечала, что миф о том, что «рабочий при социализме является хозяином производства, долгое время мешал признать существование различий интересов внутри производственного коллектива, неоднозначность, а в ряде случаев и противоположность мотивов деятельности исполнителей и администрации коллектива и органов государственного управления, включая возможность столкновения

¹⁵⁴ Социализм: между прошлым и будущим. С. 185.

¹⁵⁵ Материалы XXVII съезда ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 11.

¹⁵⁶ Пуляев В. Т. Истоки возрождения России: единство духовного и материального. С. 4.

интересов и забастовку как способ решения подобных конфликтов»¹⁵⁷.

В конечном счете, социальные конфликты, обусловленные противоречиями в материальном производстве, служили одновременно формой их проявления в различных сферах общественной жизни и специфическим способом их преодоления. «...Все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения»¹⁵⁸, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они отмечали, что «...противоречие между производительными силами и формой общения... должно было каждый раз прорываться в виде революции, принимая вместе с тем различные побочные формы – совокупность коллизий, коллизии между различными классами, идейная борьба, политическая борьба и т. д.»¹⁵⁹.

Марксистское понимание социальных коллизий как детерминированных в последнем счете противоречиями общественного способа производства не утратило своей значимости в выявлении причин, приведших к кризису советской модели общественного развития. Важнейший аспект противоречий в сфере материального производства советского общества состоял в том, что настоятельные потребности развития производительных сил все более сдерживались существовавшим хозяйственным механизмом, целой системой давно устаревших и просто порочных форм и методов управления. Безусловно, сводить социальные конфликты только к противоречиям общественного способа производства было бы неверно, но то, что они играли и играют важнейшую роль, безусловно признается даже критиками марксизма.

Противоречия и конфликты, обусловленные деятельностью надстроечных структур, также имеют место. Трудности, с которыми столкнулись реформаторы в нашей стране в период перестройки, в значительной степени объясняются как раз тем, что антиперестроечные силы не сдавали своих позиций без боя, оказывали упорное сопротивление силам обновления. Об этом говорилось в постановлении (июнь 1989 г.) Съезда народных депутатов СССР: «Админи-

¹⁵⁷ Забастовки в СССР: новая социальная реальность // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 26.

¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. М., 1955. Т. 3. С. 74.

¹⁵⁹ Там же. С. 75.

стративно-командная система, приспособляясь к условиям перестройки, продолжает сковывать экономическое развитие. Громоздкий аппарат управления блокирует внедрение хозрасчетных отношений и других прогрессивных форм организации экономической жизни, инициативу масс. Не преодолены уравниловка в оплате труда, иждивенчество, местничество и ведомственность, групповой эгоизм»¹⁶⁰.

«Слишком часто откладывалось решение тех вопросов, которые необходимо было решать в любом случае... Например, необходимо было провести широкую деbüroкратизацию социально-экономического комплекса, осознать и преодолеть сопротивление глубоко эшелонированной структуры старорежимных интересов»¹⁶¹, – писал один из идеологов перестройки.

Анализируя трансформационные процессы в нашей стране в последние четверть века, можно отметить тот факт, что противоречия между уровнем развития производительных сил и, устаревшими производственными отношениями (о чем говорилось в Новосибирском манифесте Т. И. Заславской в 1983 г.), были отчасти сняты, минимизированы в силу развала экономики в 90-е гг. XX в. Исходя из этого, говорить об активном развитии российских производительных сил в 2000-е годы не приходится. Уровень их развития сократился, что автоматически привело к снижению остроты противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

Господствовавшая в советском общественном сознании точка зрения о том, что неантагонистические конфликты – это коллизии конструктивного, созидательного плана, выполняющие позитивные функции в социальной жизни, которые свободны от насильственных, разрушительных форм проявления, отличаются мирным и организованным характером развития в целом верна с позиций формальной логики. Вместе с тем такие конфликты также не обходятся без издержек, порой немалых, для трудовых коллективов, социальных групп, этносов, общества в целом. Даже принимая во внимание

¹⁶⁰ Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР. Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик // Правда. 1989. 25 июня. С. 1.

¹⁶¹ Яковлев А. Н. Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 6.

возможные положительные моменты, свойственные феномену социальных конфликтов (Р. Дарендорф, Л. Козер), нельзя не заметить, что сам факт их возникновения указывает на проявление в развитии социальных процессов элементов стихийности и непредсказуемости со всеми их негативными для общества последствиями.

Парадокс, но в отечественном социальном познании в течение первого десятилетия российской трансформации произошла смена крайне негативного отношения к конфликту на позитивное. В 90-е годы конфликт стал буквально приветствоваться, называться чуть ли не «нормой жизни». Абсолютизированные крайние позиции, как правило, не бывают истинными и наукой со временем отбрасываются. Сегодня становится все более очевидным, что некоторые виды конфликтов, согласно принципу «восходящего конфликтного лифта» действительно играют позитивную роль в социальной практике (например, функциональные конфликты), но утверждение, что любой конфликт – это благо, является заблуждением. *Искусственное* сдерживание конфликтов, основанное на игнорировании созревших противоречий, впрочем, как и *искусственное* их провоцирование для достижения узкогрупповых, эгоистических интересов не является социально приемлемым решением.

Чтобы приблизиться к достоверному пониманию социальной практики, иногда следует учитывать концептуальные положения не одной, а нескольких социальных теорий. Это позволит не только беспристрастно сопоставить различные точки зрения на природу и форму социального конфликта, но и наметить то общее, теоретически ценное, что сближает различные социальные концепции или разделяет, не умаляя их научно-теоретического статуса.

В практическом плане требуется своевременное выявление общественного противоречия и наличие доступных каналов транслирования выявленного противоречия во властные структуры для принятия адекватного решения. Это позволит ослаблять вертикальную мобильность противоречий, а также предотвращать деструктивные конфликты. Так, в 90-е годы ряд конфликтов (1991 и 1993 гг.) в нашей стране можно было избежать или ограничить нанесенный ими ущерб обществу, будь на то политическая воля лидеров и господствующей политической элиты.

В заключение отметим, что «теория бесконфликтности» советского общества – это не просто отступление от диалектического и

исторического материализма, она в корне противоречит марксизму. Учитывая тот факт, что диалектические законы носят объективный характер, т. е. не зависят от нашего сознания, данная теория, субъективистски рожденная, в своем практическом воплощении была обречена на неудачу. «Теория бесконфликтности» нанесла не только онтологический, но и гносеологический вред советскому обществу. Как это не парадоксально звучит, но суть «теории бесконфликтности» в первом в мире социалистическом государстве есть факт проявления диалектического закона отрицания отрицания.

В современной России задача *усвоения* и *понимания* сути диалектического и исторического материализма не озвучивается, а значит и не ставится. В контексте тех преобразований, особенно в экономической сфере, которые власть осуществляет в России последние четверть века, это объяснимо, но недальновидно, ибо диалектический и исторический материализм – это та теория, которая ждет своих государственных деятелей, она «всерьез и надолго». России как самостоятельной цивилизации выгодно использовать данную теорию с целью практического применения ее социально-преобразующего потенциала. Появление марксистской теории привлекло к ней внимание западных мыслителей и практиков, которое не ослабевает до сих пор. Как пишет современный российский философ С. Царегородцев: «...отношение капиталистов к Марксу и к марксизму вполне можно охарактеризовать как трепетное»¹⁶². Далее он отмечает: «Большую роль марксистское учение играет в системе высшего образования капиталистических стран. На Западе, особенно в Соединенных Штатах, теорию Маркса преподают в качестве одной из фундаментальных основ социологии»¹⁶³. Мы, в этом смысле не только не двинулись вперед, исправляя допущенные ошибки в прошлом, но и порождаем проблемы будущего. Современные выпускники российских школ, а теперь уже и вузов зачастую даже не знают, кто такие К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин, не говоря об их теории.

¹⁶² Царегородцев С. Механизм управления обществом (как преодолеть догматизм современной философии). М.: Print Up, 2014. С. 21.

¹⁶³ Там же.

IV. КОНФЛИКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И КОМФОРМИСТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЭЛИТЫ

Прежде чем приступить к анализу проводимых в нашей стране социально-политических преобразований, породивших общественные противоречия, часть из которых приобрела форму конфликта, обратимся к некоторым теоретическим суждениям философского характера.

Трансформационный процесс в нашей стране есть социальное явление, происходящее в пространстве и во времени. Все социальные явления находятся в непосредственной или опосредованной зависимости друг от друга, т. е. одни явления, прямо или косвенно порождают другие явления. Тем самым одни из них выступают как причина, другие – как следствие общественного процесса. Вместе с тем такое различие не является абсолютным, т. к. в своем конкретном рассмотрении явление одновременно выступает и как причина, и как следствие. Следствием оно является по отношению к предшествующему явлению, породившему данное явление, а причиной – по отношению к последующему явлению, являющемуся для данного явления следствием. Таким образом, существует некая причинность, связанная с переходом одного явления в другое. Цепь причин и следствий – это цепь последовательных переходов от одного явления к другому, от другого к третьему и так до бесконечности. Мир явлений – это мир бесконечных причинно-следственных цепочек, т. е. причинность есть форма связи между явлениями, если под связью понимать зависимость, а не просто какое-то соединение. Некоторые философы считают, что «существует **односторонняя** зависимость одного явления от другого, а есть еще и **взаимозависимость** сторон единого целого»¹⁶⁴. Данная мысль является чрезвычайно важной для нашего анализа, т. к. объектом нашего исследования является феномен трансформации, который мы рассматриваем как некую целостность. Вслед за Л. Е. Балашовым мы согласны с тем, что: а) ничто не возникает из ничего и не исчезает без следа; б) всякое явление порождается другим явлением и, в свою очередь, порождает третье явление и так до бесконечности¹⁶⁵. Таким образом, мы постараемся акцентировать внимание на взаи-

¹⁶⁴ Балашов Л. Е. Мир глазами философа. С. 246.

¹⁶⁵ Там же. С. 247.

мозависимости процессов и явлений с выяснением причинно-следственных связей.

Второй, важный философско-теоретический посыл для анализа модернизации российского государства, связан с социальными изменениями, преобразованиями, которые предполагают освобождение от **старого** и замену его **новым**. В философии старое и новое – это виды деятельности, взятые в контексте *становления*, а становление – это феномен взаимоотношений **действительности** и **возможности**. Диалектика действительности и возможности такова, что часть возможностей вызревает в старой действительности, а часть – результат *сторонней* или *внешней* действительности, т. е. не все возможности вытекают из старой действительности. Возможность создает условия для возникновения новой действительности. Иными словами, благодаря возможности (включая случайность) новая действительность содержит в себе моменты, которых не было в старой действительности. В. П. Огородников по этому поводу пишет: «Вопрос об источнике нового тесно связан с проблемой случайного, роли последнего в процессе. «Чистая» необходимость, не оставляя места случайности, упраздняет новое. В самом деле, если некоторое предшествующее определяет некоторое последующее с абсолютной необходимостью, то, следовательно, между прошлым и настоящим, настоящим и будущим существует однозначное соответствие. Любое новое как то, чего не было, выбивается из рамок этой однозначности»¹⁶⁶. Таким образом, возможность «ведет себя» по отношению к действительности как целостность всех своих моментов. Мы можем говорить в отдельности о старых и новых явлениях, но это будет определенная условность, ибо старое и новое являются старым и новым именно как действительности, но не как возможности. «Старого и нового нет вне жизни, вне ее изменений, трансформации. Иными словами, старого и нового нет в неорганической природе»¹⁶⁷ и оно существует только в социальном мире. Диалектика старого и нового чрезвычайно сложна. Правильно ли новое **всегда** считать лучше старого? Нам представляется, что всякое новое должно пройти определенный этап становления, прежде чем оно станет лучше старого. С другой стороны, будет ли новое лучше старого, если оно полностью разрушит

¹⁶⁶ Огородников В. П. Познание необходимости. М., 1985. С. 78–79.

¹⁶⁷ Балашов Л. Е. Мир глазами философа. С. 267.

это старое и начнет свое становление «с чистого листа»? Не рано, а поздно такое возможно, но при этом общество пройдет через серьезные испытания, многочисленные ошибки, которые могут посрамить это новое, и тогда появится желание вернуться к старому, но и этот возврат не будет легким и безмятежным. Глупо уничтожать старое только потому, что оно старое, и поддерживать новое, только потому, что оно новое. Мудрость как раз и состоит в том, что новое должно естественным путем рождаться из старого, не отменяя его искусственно или насильственно. Тогда процесс **становления** нового будет наименее болезненным для общества и наиболее эффективным для управляемости государством и его органами.

И здесь мы подходим еще к одному важному теоретическому посылу о **видах становления нового**. Как известно, таких вида два: *эволюция* и *революция*. Этимологически эволюция происходит от латинского *evolutio* и означает *развертывание*, а революция – *поворот, переворот*. Тем самым мы можем констатировать, что эволюция делает акцент на *сохранении существующего*, или тождестве с исходным состоянием. Но это сохранение носит не абсолютный характер, в противном случае эволюция воспринималась бы, не как *процесс, изменение*, а статичное явление. *Сохранение существующего это развертывание того, что есть*. Что же касается *революции*, то она означает переход одной *противоположности* в другую, т. е. *сущность* должна полностью поменять свое содержание. Таким образом, оба этих вида *становления* характеризуют *изменения, процесс*, один из которых осуществляется на основе *постепенности (step by step)*, а другой – *кардинальности*. Более того, в контексте старого и нового, эволюция в процессе движения к новому не исключает сохранение старого в определенном временном континиуме, в то время как революция, отбрасывая старое, ускоренными темпами движется к новому. И эволюция, и революция имеют право на существование и использование в практике социальных изменений, если эти изменения ведут к переходу *от низшего к высшему*.

Наконец, последний тезис, имеющий не философский и не общенаучный, а частнонаучный характер, предвещающий наш анализ. Он состоит в том, что в конфликтологической парадигме четко прослеживаются общие черты, присущие социальным конфликтам но, вместе с тем, есть и специфические черты, которые обусловлены субъективными причинами, например, поведением правящей эли-

ты, либо лидера, наконец, этноса, класса или социального слоя. Если общественные противоречия – диалектические, то они носят объективный характер, если – формально-логические, то субъективный характер, но конфликты, вытекающие из этих противоречий всегда субъективны, т. к. в них даже при самом рациональном подходе акторов всегда есть место эмоциям и различного рода заблуждениям.

Хронологически отсчет отечественной трансформации мы начинаем с весны 1985 г., когда в марте месяце Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев. Уже в апреле того же года Пленум ЦК КПСС взял курс на «ускорение социально-экономического развития страны». Заметим, о политических преобразованиях в тот момент речи не шло, декларировалась остановка стагнационных процессов в экономике СССР и создание благоприятной возможности для решения накопившихся социальных проблем.

Вскоре (вторая половина 1986 г.) пришло осознание необходимости широкомасштабных реформ, которые затрагивали бы не только экономическую и социальные сферы, но и политическую, и духовную. Ожидание перемен доминировало в самых широких слоях советского общества (своеобразным гимном тех лет не только для советской молодежи стали слова из песни В. Цоя: «...перемен, мы ждем перемен...»).

Перед руководством страны были разные сценарии преобразований. По мнению некоторых отечественных ученых (Косалс, Рывкина)¹⁶⁸ у М. Горбачева было три варианта преобразований: 1) косметический; 2) советско-рыночный; 3) конфронтационно-криминальный. Первый вариант для М. Горбачева был неприемлем, т. к. ничего не менял в стране и создавал лишь видимость реформ. Второй ему не удалось реализовать из-за партийного аппарата, а третий вариант как раз больше всего и устраивал аппарат и номенклатуру в силу появляющейся возможности реализации своих эгоистичных интересов – «прихватизации» собственности и личного обогащения. Как пишут вышеуказанные авторы, «реальное поведение аппарата было противоположно «идеологии перестройки», и, как результат, аппарат переиграл Горбачева, Горбачев проиграл аппарату¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 24.

¹⁶⁹ Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. С. 25.

Несмотря на видимый приоритет экономических и социальных задач, которые необходимо было решить на начальном этапе перестройки, политические процессы только отчасти были отодвинуты на второй план. Уже с самого начала преобразований не всегда заметно, но планомерно шел процесс ротации, в первую очередь, партийных кадров. Руководящие посты как внутри КПСС, так и в государственных органах стали занимать представители нового поколения управленцев, шел процесс дегерантократизации власти, который подготавливал социальную базу для будущих политических преобразований. Кадровое обновление решало сразу две задачи: 1) повышение качества управления различными сферами общественной жизни страны; 2) реакция власти на общественный запрос по омоложению партийных, советских и государственных кадров. На наш взгляд, *первое противоречие политико-управленческого* свойства связано с тем, что процесс обновления партийной и государственной номенклатуры обозначил размежевание политических сил внутри КПСС. Реальный импульс этому процессу придал январский 1987 года Пленум ЦК КПСС, поставивший вопрос о демократизации партии и ротации партийных кадров. Это привело к формированию нескольких политических течений внутри КПСС. Уже к лету 1988 года, когда проходила XIX партийная конференция, обозначились три идейных течения внутри КПСС: консервативно-реформаторское, переродившееся в антиреформаторское, эволюционно-реформаторское и радикально-реформаторское. Социально-политическая практика преобразований превратила три указанных течения в соответствующие политические силы. Лидером эволюционно-реформаторского крыла в КПСС стал М. С. Горбачев, антиреформаторского – Е. К. Лигачев, а радикально-революционного – Б. Н. Ельцин. Дальнейшие события развернувшейся борьбы внутри КПСС, а затем и во властных структурах страны (после выборов народных депутатов в марте 1989 г.)шний раз подчеркивают важность личности лидера, «личностный фактор»¹⁷⁰. Это является *вторым противоречием*, которое имело место почти на всей территории страны, но проявлялось с разной степенью остроты в разных регионах.

¹⁷⁰ Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М.: Славянский диалог, 1996. С. 24.

Признание легальной и легитимной политической борьбы как неотъемлемой части функционирования нашего общества и тем самым попытка преодоления отчуждения людей от политики, сформировавшегося в предшествующее время, вывело на арену политического участия амбициозных людей, с разными нравственными, этическими ценностями, типами политической культуры, управленческими навыками и знаниями, стереотипами поведения. На высшем уровне пирамиды власти данное противоречие проявилось в противостоянии, а потом и в противоборстве трех политических фигур: Горбачева, Ельцина и Лигачева. Причем, если между М. Горбачевым и Б. Ельциным противостояние переросло в противоборство достаточно быстро и не по вине генсека, то противостояние, а тем более противоборство М. Горбачева и Е. Лигачева носило латентный характер и не бросалось в глаза обывателю.

Фигура Б. Ельцина с выраженными лидерскими качествами аккумулировала субкультурные ценности россиян и своими действиями расколола реформаторское крыло. Осенью 1989 г. сложилась конфигурация политического противостояния, где крайние позиции занимали Лигачев и Ко и Ельцин и Ко, а в центре политического спектра расположился Горбачев и его сторонники.

С конфликтологической позиции *триада* в качестве практической конфигурации политических сил является устойчивой и перспективной, способной уберечь государство от деструктивного конфликта, но для российской действительности данный теоретический посыл оказался нереализованным. На практике возобладали крайние политические позиции, которые только усиливали конфронтацию. Инициаторами конфронтации были Б. Ельцин и Е. Лигачев. Позже в своих мемуарах Б. Ельцин писал: «Моя жизнь так складывалась, что практически никогда мне не приходилось ходить в подчинении. Я не работал “задом”»¹⁷¹.

Необходимо признать и тот факт, что «центризм» исторически не востребован в России. Академик Д. Лихачев в одной из своих работ писал: «Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем... Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека»¹⁷².

¹⁷¹ Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. Л., 1990. С. 69.

¹⁷² Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: LOGOS, 1999. С. 47.

По мере углубления политической модернизации борьба в высших эшелонах власти обострялась и достигла первой пиковой точки в преддверии августовских событий 1991 года. По словам главного архивариуса страны в период с 1990 по 1996 годы Рудольфа Пихои: «Горбачеву ежедневно высылали негативную информацию, которая должна была убедить его в том, что положение в стране резко ухудшается»¹⁷³. Учитывая стремление Б. Ельцина «разрушить кремлевскую стену», можно говорить о политических ошибках М. Горбачева, которые он позже признал. Например, можно было отправить Б. Ельцина послом в какую-нибудь страну, тем самым выведя его из внутривластной борьбы.

Ослаблению «центристов» в конце 80-х годов способствовали антикоммунистические настроения, которыми как раз в полной мере воспользовались «правые». Попытки М. Горбачева сдерживать растущее недовольство ставило его в глазах населения в один ряд с антиреформаторами.

Социальная база «центризма», не успев окрепнуть, стала резко сокращаться, автоматически падал и авторитет М. Горбачева. Если в 1985–1987 гг. он был достаточно высок, то в 1988–1989 годах стал снижаться, а в 1990–1991 гг. – стремительно падать. Единственным реальным фактором, сдерживавшим лидерское фиаско М. Горбачева, в конце 80-х годов был его растущий авторитет за рубежом, особенно после «бархатных революций» 1989 г. в странах Восточной Европы. Это предопределило распад мировой системы социализма и Организации Варшавского договора, вывод советских войск из стран Восточной Европы вызвал еще более резкую критику деятельности генсека со стороны ортодоксальных коммунистов. Когда на очередном Пленуме ЦК КПСС в его адрес «посыпалась» критика, которая ставила в вину лидеру партии практически все проблемы, обрушившиеся на страну и на партию в период перестройки, М. Горбачев заявил о готовности освободить пост Генерального секретаря ЦК КПСС и сосредоточить свою деятельность на государственном посту в качестве президента СССР.

Подобный демарш лидера партии не входил в планы левой оппозиции, которая сразу смягчила свои претензии к генсеку. Признавая свою ответственность перед партией в столь трудное время,

¹⁷³ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 580.

М. Горбачев остался, сохранив за собой пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Позже он признал это своей ошибкой¹⁷⁴. Учитывая тот факт, что по всем социологическим опросам рейтинг М. Горбачева был выше рейтинга КПСС, можно констатировать, что свои лидерские интересы он принес в жертву интересам партии. Данный факт нельзя не учитывать, оценивая фигуру М. Горбачева в преобразовательном процессе.

Усиливающаяся непримиримость «левых» и «правых» могла ввергнуть страну в худший из всех социальных конфликтов – гражданскую войну. Стремление тех и других во что бы то ни стало обладать властью приобрело гипертрофированные формы. Попытки М. Горбачева снизить радикализм как одних, так и других не увенчались успехом. Нежелание поступиться принципами со стороны «левых» и жажда власти лидера «правых» привели к августовским событиям 1991 г. Радикализм в российской истории в очередной раз взял верх. В результате не удалось спасти Советский Союз¹⁷⁵. Разработка Союзного договора в рамках Ново-Огаревского процесса и реализация новых принципов взаимодействия центральной власти с союзными республиками оказалась не востребованной.

Хорошо усвоив правила игры, сформировавшиеся в постсталинский период, отгородившись от народа бюрократическим частоколом, не испытывая материальных и имущественных проблем, высшие чиновники привыкли к безответственности и безнаказанности даже за серьезные просчеты в управлении. Невозможность осуществлять контроль за деятельностью власти, при отсутствии здоровой политической оппозиции в стране, развратила ее представителей: власть – развращает, абсолютная власть – развращает абсолютно. Бытие определяет сознание, и это сознание подтолкнуло к действиям (в августе 1991 г.), направленным на защиту своего бытия. Действия созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), сопровождались объявлением чрезвычайного положения в стране сроком на 6 месяцев, вводом войск в Москву, введением жесткой цензуры в СМИ и запретом некоторых издательств, отменой ряда конституционных прав и свобод совет-

¹⁷⁴ Первый канал, «Времена» от 13 марта 2005 г.

¹⁷⁵ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 526 с.

ских граждан. Данному конфликту предшествовал Ново-Огаревский процесс, направленный на создание и подписание правового документа, регулирующего федеративные отношения между союзными республиками и центральной властью.

Интересы антиреформаторской политической силы общегосударственного уровня совпали с интересами региональных элит в союзных республиках, хотя цели у них были диаметрально противоположные. Первые стремились сохранить прежнюю централизованную вертикаль власти со всеми вытекающими отсюда ресурсами, а вторые, наоборот, тормозя Ново-Огаревский процесс, стремились «выторговать себе у центра» больше прав и свобод, вплоть до независимости (например, республики Прибалтики). Борьба внутри элитных групп в этот период напоминала «русскую рулетку» – либо пан, либо пропал.

«Анализ структурных факторов трансформации, – пишет в наши дни А. Рябов, – показывает, что возможности России, составлявшей ядро бывшего Советского Союза, для проведения успешных демократических перемен изначально были ограничены по сравнению хотя бы с большинством стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). В государствах ЦВЕ общественный консенсус в отношении необходимости демократических перемен, возвращение в европейскую цивилизацию сложился задолго до «бархатных революций» 1989 г., покончивших с коммунистическим строем в этих странах. Несмотря на то, что Россия на пороге системных перемен представляла собой урбанизированное общество с высокой долей образованного населения, граждане страны большей частью имели смутные представления о жизни в условиях демократии и рыночной экономики»¹⁷⁶. Сей факт зафиксировали и социологи в своих исследованиях¹⁷⁷.

Ранее отмечалось, что противоречие должно достигнуть «температуры кипения», после чего достаточно легко спровоцировать его перерастание в конфликт. В данном случае поводом, вероятно, по-

¹⁷⁶ Рябов А. Неудача демократической трансформации России: была ли она неизбежной? // Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития: сб. ст. / М. Горшков, А. Дынкин, Б. Макаренко [и др.]; [под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 12–13.

¹⁷⁷ Осенний кризис 1998 года: до и после. Аналитические доклады РНИСиНП. М., 1998. С. 54–58.

служило назначение даты подписания союзного договора (20 августа 1991 г.), а 29 июля состоялась встреча М. Горбачева с Б. Ельциным и Н. Назарбаевым в Ново-Огареве, где была достигнута договоренность о том, что М. Горбачев будет кандидатом на пост президента нового союзного государства, Н. Назарбаев – премьер-министром, а Б. Ельцин останется президентом России. Встреча носила конфиденциальный характер. На ней были достигнуты важнейшие договоренности: из руководства нового Союза предполагалось убрать вице-президента Янаева, председателя КГБ Крючкова, министра внутренних дел Пуго, министра обороны Язова, руководителя Гостелерадио Кравченко. Несмотря на конфиденциальность встречи, она не осталась без внимания председателя КГБ Крючкова, о чем, спустя годы, Ельцин напишет в «Записках президента»¹⁷⁸.

Второго августа 1991 года Президент СССР выступил по телевидению, сообщив, что проект нового Союзного договора готов и 20 августа состоится его подписание в Кремле. Четвертого августа, взяв отпуск, президент СССР улетел на отдых в Крым, в резиденцию в Форосе. Покинув Москву, М. Горбачев создал «режим наибольшего благоприятствования» для пучкистов. Оставшееся время, они использовали для подготовки смены власти и срыва подписания союзного договора.

В теории конфликта выделяют три группы методов урегулирования столкновений. Первая направлена на предотвращение развития насилия в конфликте. Вторая – на разрешение противоречий, вызвавших конфликт. Третья связана со снижением уровня противостояния сторон, отказом от односторонних действий и переходом к поиску совместного решения проблемы. Рассматривая события августа 1991 г. с позиции теории конфликта, следует отметить, что ГКЧП, сорвав подписание Союзного договора, назначенного на 20 августа в Кремле, фактически «похоронили» возможность превратить Союз в подлинно федеративное государство. Члены ГКЧП свели на нет усилия всех участников Ново-Огаревского процесса по разрешению накопившихся межнациональных противоречий и идущих с 1986 г. конфликтов (алма-атинские события, связанные с отстранением от власти Кунаева и назначением Колбина), охвативших национальные окраины всей страны. Единственной союзной

¹⁷⁸ Осенний кризис 1998 года: до и после. Аналитические доклады РНИ-СиНП. М., 1998. С. 56.

республикой, которую обошли стороной межнациональные конфликты в период с 1985 по 1991 гг., была Белоруссия.

Очевидно, что представители властвующей элиты, не принявшие политическую модернизацию, своими действиями обострили ситуацию в стране, деструктивно влияя на социально-политический процесс. Эти силы абсолютно пренебрегли интересами общества в угоду своим узкогрупповым интересам. Члены ГКЧП своими действиями дали мощный импульс центробежным тенденциям, приведшим к распаду СССР. Так, 21 августа 1991 года о своей независимости объявили Латвия и Эстония, 24 августа – Украина, 25 августа – Белоруссия, 27 августа – Молдавия, 30 августа – Азербайджан, 31 августа – Узбекистан и Киргизия, 9 сентября – Таджикистан, 23 сентября – Армения, 27 октября – Туркмения. Именно после этих событий расклад политических сил качественно изменился. Антиреформаторские силы, потерпев временное поражение, одновременно значительно ослабили умеренных реформаторов (центристов) и наоборот усилили праворадикальную группировку Б. Ельцина.

Неудача путча 19–21 августа 1991 года определенно указывает на его движущие силы – наименее подвижные и модернизированные, а потому и наиболее уязвимые при вероятных сценариях рыночного развития социальные группы. Например, на заседаниях кабинета министров СССР лишь двое его членов выступили с критикой ГКЧП, в то время как большинство в той или иной степени поддержали его деятельность.

Национальная номенклатура в союзных республиках в подавляющем своем большинстве отреагировала на реставрационную, по сути, программу ГКЧП в диапазоне от «прохладно-выжидательной» до «открыто отрицательной» позиции. Именно позиция региональных элит могла сыграть решающую роль в сохранении СССР, изъяви они волю подписать союзный договор после поражения ГКЧП. Но такой воли не было проявлено. Не зафиксировано положительной реакции на переворот и со стороны коммерческих структур (биржи, банки, СП, акционерные общества), генетически не связанных с аппаратом КПСС и в целом с процессом номенклатурной приватизации.

Столь удручающая для ГКЧП реакция на его программу социального реванша свидетельствует, на наш взгляд, о высокой степени ожиданий части советской (номенклатуры) элиты в отношении

рыночных реформ, открытия экономики вовне и децентрализации управления. Процессы модернизации номенклатуры и плюрализации ее интересов были очевидны, для многих из них восстановление централизованной авторитарной власти означало конец их надеждам на повышение статуса, на самостоятельность в распоряжении местными ресурсами. Объявленная ГКЧП программа реставрации в случае реализации означала бы ускорение процесса «абсолютного и относительного обнищания номенклатуры», концентрируя процесс принятия решений и распоряжения ресурсами в руках узкой группы центральной бюрократии. Это отсекало бы территориальную и производственную номенклатуру от главных источников накопления капитала.

Несмотря на поражение ГКЧП было сорвано подписание важного юридического документа, создававшего правовую основу для трансформации СССР из унитарного государства в федеративное. Августовский путч породил сомнение республиканских властей в необходимости подписывать уже подготовленный документ. Идея нового союза зависла в воздухе, а спустя несколько месяцев после августовских событий Беловежские соглашения (8 декабря 1991 года) привели к распаду Советского Союза. Как указывают отечественные ученые А. Дмитриев, В. Авксентьев, Г. Гриценко, в условиях острого кризиса союзных структур власти инициатива в политическом реформировании страны перешла к республикам. Август 1991 года поставил крест на существовании единого союзного государства¹⁷⁹. В течение нескольких месяцев произошли два события, которые развалили СССР. Если события 19–21 августа 1991 года мы расцениваем как попытку «левого» переворота, то Беловежские соглашения (8 декабря 1991 г.) – результат успешного «правого» переворота. Две диаметрально противоположные политические силы нанесли удар, каждая со своей стороны, по государственному образованию, исторически уничтожив его.

До сих пор предпринимаются попытки обвинить в распаде СССР только М. Горбачева. В этом стремлении сегодня смыкаются даже политические оппоненты, такие, например, как лидер ЛДПР – В. Жириновский и КПРФ – Г. Зюганов. Мы не будем вдаваться в анализ политического дискурса двух указанных партий, это не тема

¹⁷⁹ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология (экспертное мнение). М.: Альфа-М, 2007. С. 213.

нашего исследования, отметим то, что имеет отношение к его предмету. На наш взгляд, политические события 1991 года в СССР (март 1991 г. – референдум о сохранении Союза; июнь – выборы президента России и провозглашение ее независимой; август – ГКЧП; декабрь – Беловежские соглашения о создании СНГ) поставили М. Горбачева и его сторонников в ситуацию ценностного конфликта. Де-юре, даже после 8 декабря 1991 года, М. Горбачев мог заявить о непризнании легитимными Беловежских соглашений. Но тогда **как минимум** 10 республик (Россия, Белоруссия, Украина, Латвия, Эстония, Литва, Молдавия, Узбекистан, Туркмения, Грузия) вступили бы в конфронтацию с Москвой. Конечно, тогда среди представителей общегосударственной элиты были «горячие головы», которые, ради сохранения Союза, готовы были развязать гражданскую войну с собственным народом, но для М. Горбачева это было неприемлемо. Поразительно то, что сегодня в 2015 году, когда на Украине уже год идет кровавый конфликт, в котором Донецкая и Луганская области изначально даже не ставили вопрос о независимости, а в Киеве, в результате государственного переворота, к власти пришли националисты, развязавшие войну с украинскими гражданами, лидеры двух российских парламентских партий Г. Зюганов и В. Жириновский продолжают обвинять М. Горбачева в мягкотелости, в том, что он не использовал свои президентские полномочия для сохранения СССР. То есть КПРФ и ЛДПР в лице своих руководителей по сей день не извлекли урок из украинской трагедии и фактически обвиняют президента СССР в том, что он не развязал войну против советских людей. Для Президента СССР противоречие состояло в том, что *юридические* полномочия **попы- таться** сохранить целостность государства у него были, но *факти- чески* таких шансов не было. Развязывать кровавую бойню в собственной стране – не та цена, ради которой М. Горбачев пришел к власти. Поэтому 25 декабря 1991 г. он от этой власти отказался.

Таким образом, период 1988–1991 гг. сопровождался драматичными событиями, характеризующими общегосударственный конфликт, главными действующими лицами которого являлись конкурирующие группировки властвующей элиты. Кроме того, в рамках рассматриваемого периода шел процесс превращения советской государственности из унитарной формы национального устройства в федеративную. Противоречия национального устройства союза

были заложены еще на заре советской власти. Однако в течение длительного времени они не находили разрешения в силу господствовавшего политического режима. С началом модернизации этого режима в либерально-демократический этнонациональные противоречия вышли из латентного состояния и приобрели форму остро-го противостояния в виде этнических конфликтов.

Этнополитическое противоречие, характеризуемое нами как противоречие *структурного* характера, в силу его неразрешенности в предшествующие годы, наряду с другими структурными противоречиями в экономической, социальной, духовной сферах породило *системное* противоречие, системный кризис.

До сих пор мы говорили о структурном противоречии, затрагивающим национально-территориальное устройство СССР. Теперь наш анализ коснется формы правления государства с учетом советской специфики, когда ядром политической системы является партия. Именно с партии начиналась политическая модернизация в январе 1987 года. Новый импульс данный процесс получил летом 1988 г., когда состоялась XIX партконференция. Спустя несколько месяцев появился новый закон о выборах и вербализация лозунга «Вся власть Советам» приобрела практическую реализацию. Стало ясно, что «руководящая и направляющая» сила советского общества (КПСС) должна из «ядра» политической системы превратиться в одну из политических партий, которая в процессе избирательной борьбы с другими партиями должна завоевывать места в органах власти.

До середины 80-х годов XX века КПСС представляла собой структуру с жесткой иерархией, основной задачей которой было не агрегирование и выражение интересов различных социальных групп, а дублирование механизмов управления страной. Фактически компартия в предшествующие десятилетия была частью государства, отвечающей за рекрутирование управленческих кадров и ряд других функций. Еще за 100 лет до описываемых событий Ф. Энгельс в письме Э. Бернштейну от 20 октября 1882 года писал: «...всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития вообще»¹⁸⁰. Данная мысль Ф. Энгельса позволя-

¹⁸⁰ Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну, 20 октября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1964. Т. 35. С. 312.

ет утверждать, что процесс распада СССР начался задолго до 1991 года и связан он с партией, которая на словах клялась верности марксизму-ленинизму, на деле все больше пренебрегала принципами диалектического развития. В диаде *форма* и *содержание* главенствующую роль играет именно содержание.

В новых политических условиях начала 90-х гг. XX в. и в новом статусе КПСС должна была доказывать избирателям правоту своих политических идей и социально-экономических программ в конкурентной борьбе с другими партиями. Практика показала, что этой способности у многих партийных руководителей уже не было. *Монополистический* и *герантократический* факторы сыграли злую шутку с КПСС, которая в условиях быстро меняющейся политической ситуации оказалась неспособной на адекватные действия. Партия не только количественно (20 млн членов КПСС) оказалась трудно управляемой, но и, что еще более важно, качественно изменилась настолько, что лишь формально (с точки зрения целевых установок) считалась коммунистической. На деле это была уже далеко не коммунистическая организация, «дух марксизма» выветрился из ее рядов. Вместе с тем здоровые клетки в организме КПСС отчасти сохранялись в первичных парторганизациях. Чем выше уровень партийной иерархии, тем больше «раковых клеток» можно было обнаружить. Разговорный язык конца 70-х гг. и вплоть до крушения СССР зафиксировал губительные процессы в КПСС, когда люди с партийными билетами все реже называли себя коммунистами и все чаще употребляли в отношении себя словосочетание «член партии».

Отстаивая в первую очередь номенклатурные, а отнюдь не партийные интересы, партийная номенклатура ни одной позиции не сдавала без боя, ведя яростное сопротивление, перманентно воспроизводя большие и малые конфликты, всячески тормозя процесс преобразований.

Напомним только некоторые вехи этой борьбы:

- решения январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС были лишь частично реализованы, т. к. предполагали демократизацию партии, ротацию ее руководителей всех уровней;
- ожесточенная борьба на XIX партийной конференции между ортодоксальными коммунистами и сторонниками «демократической платформы в КПСС» негативным образом сказалась на дея-

тельности партийных органов на местах. Вместо того чтобы идти в массы, которые втягивались в политические преобразования, партийные функционеры заняли выжидательную позицию, следя за тем, кто победит, тем самым упустили инициативу возглавить массы в ходе преобразований;

- затягивание решения вопроса об отмене 6 и 7 статей Конституции СССР, провозглашавших КПСС «ядром политической системы», «руководящей и направляющей силой советского общества», тем самым нежелание действительной передачи власти из рук партии Советам народных депутатов;

- срыв подписания Ново-Огаревского союзного договора в августе 1991 года;

- блокирование решения вопроса о принятии новой конституции, тем самым фактическое сохранение советской конституции, не дающей легитимной возможности формирования новой политической системы;

- эскалация напряженности, приведшей к конфликту в октябре 1993 года, между недавно восстановленной, а потому еще не окрепшей и до конца не вставшей на ноги законодательной ветвью власти в лице Советов народных депутатов, и вновь создаваемой исполнительной ветвью власти в лице президента РФ;

- блокирование принятия важных законодательных актов в Государственной думе и формирование правового поля для более успешного политико-экономического транзита российского общества.

Подобная политическая тактика не всегда приводила к конфликтам как таковым. Вместе с тем всяческое сдерживание законотворческой деятельности основного законодательного органа государства, несомненно, сказывалось на политической и экономической ситуации в стране, так как затягивание формирования правового поля для трансформирующегося общества всегда сопровождается повышенной социальной напряженностью, которая является питательной средой для больших и малых конфликтов. В экономике это выразилось в ту форму приватизации, которую народ метко окрестил «прихватизацией». Это придало криминальный характер нашей трансформации. Как отмечает В. Ф. Коломийцев, «в течение 1993–1995 гг. в стране было приватизировано 133 тыс. предприятий. Стоимость приватизированных при Ельцине предприятий со-

ставляла не менее 6 трлн долларов. В государственную же казну поступило 9,3 млрд»¹⁸¹.

В политической сфере РФ яркий пример конфликта, в результате которого страна могла оказаться в состоянии гражданской войны, являются события осени 1993 года в Москве. Противоречия, приведшие к данному конфликту, были порождены решением о введении поста Президента СССР в начале 1990 года, а в апреле того же года на Съезде народных депутатов первым (и как оказалось, последним) президентом СССР был избран М. Горбачев.

Реформаторы настаивали на том, чтобы власть была передана органам народовластия в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, то есть на повестку дня, как когда-то (в 1917 г. «Вся власть Советам!»), был опять поставлен вопрос о передаче власти Советам.

Наиболее ортодоксальных членов КПСС такое развитие событий явно не устраивало, но время работало не на них, т. к. уже действовал новый закон о выборах народных депутатов, в соответствии с которым в марте 1989 года в нашей стране прошли действительно *выборы* в органы власти, а не *голосование* доперестроечного образца. Стал регулярно собираться Съезд народных депутатов, был сформирован Верховный Совет СССР, страна постепенно уходила от однопартийной системы. Указанные новации способствовали формированию новых институтов власти. Зарождающийся политический плюрализм способствовал появлению новых политических движений, блоков, объединений, часть из которых переросла в политические партии. Это создавало принципиально иную социально-политическую ситуацию, к которой партийные чиновники от КПСС были не готовы¹⁸². Массовые движения «снизу», первоначально воспринимавшиеся как проявление социалистического плюрализма, стремительно превратились в один из факторов социально-политического процесса, способствуя переосмыслению роли КПСС. С трибун политических митингов все чаще звучала критика в адрес «руководящей и направляющей» силы советского общества за то положение, в котором оказались советские люди. Нарастало раз-

¹⁸¹ Коломийцев В. Ф. Россия: реформы, трансформация, модернизация. Заметки политолога. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 51.

¹⁸² Рябов В. Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М.: Жизнь и мысль: Моск. учеб., 2005. С. 44.

очарование и неудовлетворенность деятельностью КПСС. По мнению некоторых исследователей, главное противоречие, отражавшее наступивший кризис партии заключалось в разрыве и противостоянии между аппаратом – «носителем и хранителем авторитарно-бюрократических тенденций» – и тяготевшей к демократии партийной массой¹⁸³. По сути это было противоречие между двумя моделями партии: одна – тоталитарная, жестко централизованная, подавляющая инициативу «снизу»; другая – демократическая, учитывающая мнение своих членов, при формировании программы партии и реализации ее политики.

Кризис КПСС, а соответственно падение доверия к лидерам данной партии поставил на повестку дня вопрос о необходимости придания разных статусов главе государства и лидеру КПСС. Появились предложения о введении поста президента, которые нашли свое воплощение в юридических нормах и политической практике. Данное обстоятельство не могло не сказаться на модернизации политической системы и той модели государственности, которая закладывалась на будущее.

Реформирование политической системы предполагает соблюдение определенной последовательности действий, синхронизации всего процесса трансформации. Десинхронизация реформирования политической системы, когда процесс передачи власти от КПСС к Советам набирал силу и еще далеко не был завершен, появление поста Президента СССР, то есть инверсия западной модели в советскую политическую систему, безусловно, закладывала **структурное противоречие**, предопределившее события осени 1993 года.

Введение поста президента предполагало не только формирование аппарата президента с определенными властными и чиновничьими полномочиями, но и изъятие этих полномочий у других государственных структур. В иерархии власти и ее правовом оформлении возникли коллизии, которые можно было разрешить, но носители этих властных полномочий пошли по пути конфронтации, а отнюдь не поиска компромисса или консенсуса. Если раньше граница конфронтации проходила между сторонниками и противниками реформ, то в 1992–1993 годах раскол произошел внутри реформаторов: между всенародно избранным президентом России –

¹⁸³ Возьмитель А. Кризис в партии // Коммунист. 1991. № 3. С. 15–16.

Б. Ельциным, с одной стороны, и спикером Верховного Совета Российской Федерации Р. Хасбулатовым и вице-президентом А. Руцким – с другой.

Данный конфликт весьма примечателен тем, что он подчеркивает несвоевременность и непродуманность решений, связанных с введением президентского правления в условиях системы советов, а также чрезвычайно низкую консенсусную культуру первых лиц государства, которые не нашли возможностей разрешить возникшее противоречие путем переговоров, чем нанесли значительный моральный и материальный ущерб государству и обществу. Последствия событий конца сентября – начала октября 1993 года еще долго давали о себе знать как внутри страны, так и далеко за ее пределами. Сторонники президентской формы правления объясняли необходимость такого шага стремлением усилить властные полномочия главы государства в условиях набирающего силу кризиса, но на деле эти меры не спасли Союз, а уже после его распада породили серьезное противоречие, вылившееся в конфликт между системой Советов и президентской властью.

Конфликт между Советами как законодательными органами и исполнительной ветвью власти развернулся по всей стране и охватил все уровни власти, начиная с верховной и заканчивая районной. Как писал А. В. Лукин: «Верховный лидер Советов Р. Хасбулатов видел свою организацию не парламентом западного типа, а именно советским ведомством, и пытался выстроить ее в соответствии с советским же принципом строгого иерархического подчинения сверху донизу... Р. Хасбулатов, бывший всего лишь спикером Верховного Совета, видел себя главой всей советской системы, т. е. всех представительных органов России»¹⁸⁴. Так как Съезд народных депутатов, согласно поправкам, внесенным в Конституцию, считался высшим органом власти и мог принять любое решение, то Р. Хасбулатов считал себя «первым человеком» в стране. Но и Б. Ельцин, избранный прямым голосованием электората 12 июня 1991 года, также считал себя «первым человеком», так как президент страны является гарантом Конституции, он должен не формально руководить исполнительной ветвью власти, а быть реальным главой государства. Данный раскол охватил не только власть,

¹⁸⁴ Лукин А. В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы // Версия. 1997. № 3. С. 140.

но и общество. Опрос россиян, проведенный социологами ИСПИ РАН в феврале 1993 г., т. е. за полгода до «октябрьского кризиса», – лишнее тому подтверждение: 27 % респондентов высказались за сохранение системы Советов в стране, 34 % – за упразднение этой системы и 39 % – затруднились определить свое отношение¹⁸⁵.

Была и другая, сопутствующая причина конфликта осени 1993 года. Ранее уже указывалось, что после августовских событий 1991 года центристские силы, возглавляемые М. Горбачевым, значительно ослабли, а после подписания Беловежских соглашений (8 декабря 1991 г.) и распада СССР (25 декабря 1991 г.) вообще прекратили свое существование. Таким образом, изменилась конфигурация политических сил: триада превратилась в диаду. Конфликт между двумя противоборствующими, к тому же радикальными политическими силами приобрел непосредственный характер. Именно этим мы объясняем столь стремительное развитие конфронтационных процессов, приведших к конфликту сентября – октября 1993 г.

Современный конфликтологический подход указывает на то, что коллизии, возникающие в политической системе, служат своеобразным сигналом, указывающим на необходимость совершенствования или изменения каких-либо сторон ее деятельности. Авторы коллективной монографии по рассматриваемой нами проблеме, отметили: «Кризисная несбалансированность политической системы с другими подсистемами общества, кризисная несинхронность функционирования элементов политической системы» выступает источником конфликтов»¹⁸⁶.

Разрешение конфликта в рамках политической системы на уровне субъектов политики происходит тремя способами: *избегание* конфликта, *приспособление* к нему и его *преодоление*. Избегание как способ разрешения конфликта состоит в том, что, обнаружив неравенство сил в процессе политического состязания или потерпев неудачу, та или иная сторона прекращает попытки борьбы либо избегает ее активного ведения, отходит от каких-либо политических конфликтов.

¹⁸⁵ Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов / под общ. ред. В. К. Левашова. М.: Academia, 2001. С. 262.

¹⁸⁶ Политический процесс: вопросы теории / А. Л. Бугаев, А. Б. Зеленцов, В. В. Крапивин [и др.]. М.: Луч, 1994. С. 31.

Приспособление выражается в стремлении субъектов изменить свой образ политической жизнедеятельности и сознание, в соответствии с равнодействующей доминантой конфликтной ситуации. Оно может быть пассивным, когда субъекты политики добровольно или под давлением неудачных обстоятельств передают функции контроля за своей жизнедеятельностью «внешним инстанциям», например, органам власти или иным доминирующим субъектам. При активном приспособлении одна из конфликтующих сторон в результате изменения соотношения сил изменяет отношение к своему положению и притязаниям, модернизирует основную направленность своих притязаний либо принимает новые способы действия при ограничениях, накладываемых неудачным для нее течением конфликта.

Преодоление конфликта происходит через изменение условий, окружения конфликтного взаимодействия, через расширение границ развития существующих политических ситуаций. Оно может быть конструктивным и осуществляться путем поиска новых форм взаимодействия и удовлетворения притязаний, освоения новых областей социально-политического развития, выхода в процессе политического диалога и переговоров на новые альтернативы. На оптимальность такого решения обращал внимание директор Центра анализа конфликтов, профессор Кентского университета А. Грум. Он оценивал такой подход как «откровенный процесс широкого участия, в котором конфликтующие стороны вместе идентифицируют предмет своего спора с помощью вспомогательных методов и приступают к его разрешению так, чтобы все участники оказались в ситуации, в которой они могут максимизировать общую сумму своих ценностей»¹⁸⁷. Оно может быть деструктивным и оканчиваться безусловной победой противника, его устранением с политической арены или глубоким преобразованием его внутренней структуры и изменения положения в политическом процессе.

Согласно диалектике противоречия невозможно запретить или отменить, они неизбежный спутник движения материи. Соответственно, политические противоречия – неизбежный спутник политики. Вопрос состоит в том, чтобы противоречия своевременно раз-

¹⁸⁷ Грум А. Без компромиссов: подход, основанный на решении проблем, в теоретической перспективе // Международный журнал социальных наук. 1991. № 3. С. 93.

решались, а уж если они переросли в конфликт, то на основе цивилизованной политической культуры производить и воспроизводить справедливые нормы, «правила игры», позволяющие конструктивно решать социально-политические конфликты.

Российский транзит 90-х годов характеризовался наличием элементов старого общественного уклада (прежние структуры, учреждения, законы, традиции, привычки) и элементов нового общественного строя (новые организации, правовые нормы, отношения и т. д.). Процесс политических преобразований 90-х годов верг Россию в патологическое состояние, называемое **расколом**, который характеризуется распадом социальной всеобщности, а иногда и государственности, разрывом между культурой и социальными отношениями.

Раскол стал следствием серьезных противоречий между народом и властью, между производительными силами и производственными отношениями, политическими коллизиями внутри властвующей элиты и ее расколом с остальной политической элитой по территориально-ведомственному принципу. Успешному проведению назревших реформ мешали стереотипы мышления народа, долгое время находившегося в отчужденном состоянии.

Российское общество, особенно периода «первой трансформации» (1985–1999 гг.) являлось политически сегментированным образованием. У разных социальных групп было свое понимание «демократии», смысл которого подчас был противоположным. Одним была по душе «полная демократия», аналог русской «воли», другие тянулись к «буржуазной демократии» западного образца, третьи были охвачены жадной революционной «классовой демократии». В действительности и первые, и вторые, и третьи могли отказаться от всякой демократии в условиях сохранения множества проблем российского транзита. Современные аналитики отмечают: «...при доминировании инструментального отношения к демократии в российском обществе формирование общенационального консенсуса по проблеме демократических перемен в 1990-е гг. было затруднено. Лишенное четких политических и ценностных ориентиров, общество сосредоточило основное внимание на решении проблем индивидуальной адаптации к новым условиям жизни, в то время как постсоветские элиты, используя снижение политической активности в своих интересах, сконцентрировали усилия на приватизации

бывшей государственной собственности, проведение которой открывало перед ними возможность превращения в класс крупных собственников»¹⁸⁸.

Были и другие причины, породившие раскол. Д. Лихачев отмечал: «Русский народ – народ крайностей и быстрого и неожиданно перехода от одного к другому, а поэтому народ непредсказуемой истории»¹⁸⁹. Но история трактует нас, так как в своих поступках и действиях мы опираемся на определенные ценности, сформированные под воздействием «ментальных черт». Нам представляется верной точка зрения А. Боронова и П. Смирнова о том, что при трансформировании общества необходимо не только преследовать утилитарные экономические цели, но и учитывать свойства наличного человеческого материала, качество населения, его ментальные черты¹⁹⁰.

Страсть к расколам присуща не только «низам», но и «верхам», что лишний раз говорит о глубинных корнях данного феномена. Н. Бердяев по этому поводу заметил: «Русские – раскольники, это глубокая черта нашего народного характера»¹⁹¹. Генезис расколов первого десятилетия трансформации (1985–1994 гг.) позволяет обнаружить интересную тенденцию, связанную с расширением орбиты, вовлекающей в свой круг все большего числа людей.

Первые признаки раскола внутри власти, в Политбюро ЦК КПСС, обнаружили со смертью Л. Брежнева в ноябре 1982 году. Этот раскол набирал силу в течение нескольких лет и окончательно оформился в марте 1985 года, когда М. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Далее волны набирающего силу раскола распространились на аппарат ЦК, а в преддверии XIX партийной конференции и в ходе ее проведения в 1988 году – на всю Коммунистическую партию Советского Союза.

Раскол поделил партийцев на тех, кто поддерживает перестройку, и тех, кто ее не поддерживает. Но вскоре произошел раскол уже и меж теми, кто являлся инициатором перестройки – М. Горбаче-

¹⁸⁸ Рябов А. Неудача демократической трансформации России: была ли она неизбежной? С. 15.

¹⁸⁹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 33.

¹⁹⁰ Боронов А. О., Смирнов П. И. Российский менталитет и реформы. С. 277.

¹⁹¹ Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 82.

вым и до определенного момента (осень 1987 г.) его активным сторонником – Б. Ельциным. Данный раскол наложился на предыдущий, где лидером стал еще один недавний сторонник М. Горбачева – Е. Лигачев. Перипетии политической борьбы между ними завершились победой Б. Ельцина в 1991 году. Однако прошло совсем немного времени и уже в команде Б. Ельцина произошел раскол, который набирал силу и вылился в вооруженный конфликт в октябре 1993 года. «Раскольники» в лице Р. Хасбулатова, А. Руцкого, А. Макашова потерпели поражение и фактически сошли с политической арены.

За восемь лет (1985–1993 гг.) политической модернизации в стране произошло четыре элитных раскола в высших эшелонах власти, два из которых носили вооруженный характер (1991 г., 1993 г.). Страна дважды оказывалась в шаге от гражданской войны. В течение этого периода шел процесс сегментации политических сил, внутренним выражением которого являлись вышеперечисленные расколы. Любопытно, что подобные расколы происходили и во времена деятельности первых четырех Государственных дум 1906–1917 гг. Неслучайно И. Павлов задавался вопросом, актуальным и сегодня: «Разве наши представители в Государственной думе не враги друг другу? Они не политические противники, а именно враги. Стоит кому-либо заговорить не так, как вы думаете, и сразу же предполагаются какие-то грязные мотивы, подкуп и т. д.»¹⁹². Изучение феномена «расколов» в российской истории еще ждет своих исследователей.

В конце 80-х начале 90-х годов XX века тенденция образования политических организаций граждан посредством раскола была характерна для многих вновь образованных партий. Часть из них с момента своего создания заявила об оппозиционности КПСС, но даже в рамках коммунистической идеологии происходило возникновение партий, которые «откалывались» от основной партии. Так, отколовшись от КПСС, возникли Марксистская рабочая партия – партия диктатуры пролетариата, Российская коммунистическая партия, партия ВКП(б).

В 90-е годы «либерал-радикалы ельцинской когорты исповедовали принцип: «Для победы над политическим противником все

¹⁹² Павлов И. О русском уме // Литературная газета. 1991. 31 июля.

средства хороши». Они не гнушались в острых кризисных политических и экономических условиях идти на архиадаптационные меры – любой ценой преобразовать действительность под свою картину общественного устройства...»¹⁹³.

Поскольку власть существует не изолированно от общества, то в большей или меньшей степени данные расколы оказали воздействие и на российское общество. Радикальные экономические реформы, начавшиеся в январе 1992 года, усугубили и без того непростую ситуацию в стране и способствовали расколу в обществе. Примечательно то, что социологические исследования ВЦИОМ в 1992–1994 гг. говорят о доминировании в настроениях россиян постепенного перехода к рынку. За переход «как можно скорее» высказались 14–18 % опрошенных, тогда как за постепенный переход – 40–50 %¹⁹⁴. Однако эти настроения были проигнорированы. Чиновничий аппарат не только значительно увеличился, но в условиях вседозволенности, официально именуемой либерализацией, стремительно коррумпировался. По меткому определению философа М. Веллера, «госслужба стала самым доходным в стране бизнесом»¹⁹⁵. Исследования отечественных социологов, например О. Крыштановской¹⁹⁶, О. Шкаратана¹⁹⁷ и других, убедительно доказывают масштабы коррупции российского чиновничества.

Не отставали от чиновников и директора государственных предприятий, и те, кто в условиях ваучерной приватизации смогли «прихватить» подчиненную собственность. Быстро формировался класс крупных собственников. Главная борьба развернулась именно за собственность. Де-факто социальная несправедливость пришла в противоречие с ментальной социальной справедливостью *homo soveticus* и явилась одним из источников социальной напряженно-

¹⁹³ Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000. С. 101.

¹⁹⁴ Косалец Л. Я., Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 35.

¹⁹⁵ Аргументы и факты. 2009. № 38. С. 1.

¹⁹⁶ Крыштановская О. В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4.

¹⁹⁷ Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004. 208 с.

сти в трудовых коллективах, особенно тех предприятий, где отчетливо наблюдался спад экономических показателей. Получалась парадоксальная ситуация: предприятие становилось все менее экономически эффективным, а зарплата руководителей возрастала в арифметической и даже в геометрической прогрессии. В. Ф. Коломийцев пишет: «Вся прежде существовавшая система оплаты труда разрушилась. Казавшаяся прежде бесспорной формула оплаты рабочей силы в зависимости от количества и качества труда, была отброшена новой практикой»¹⁹⁸.

В условиях проведения рыночных реформ стал формироваться институт частной собственности, однако в той форме, в какой этот процесс шел в нашей стране, признать его удачным нельзя. Быстро разрастающийся кризис огосударственной олигархической системы, ослабление, а затем и разрушение Советского Союза в 1991 году поставили перед Россией вопрос о стратегических путях ее дальнейшего развития. Была выбрана стратегия право-либеральных реформ¹⁹⁹. Общим итогом экономических преобразований 90-х годов XX в. можно считать дезинтеграцию и даже разрыв хозяйственных связей, а политико-юридическим результатом реформ явилось сращивание государственной власти и капитала, передел собственности с участием госчиновников. Российское государство потеряло контроль над денежным обращением, т. к. второй национальной валютой стал американский доллар. Во второй половине 90-х гг. в России сложилось олигархическое, криминальное государство. Страна вошла в двадцатку наиболее коррумпированных стран мира. А. И. Кирпичников, изучающий проблему коррупции в России, ссылаясь на международные источники, приводит следующие данные: согласно рейтингу Transparency International, состоящему из 99 стран мира, Россия заняла в этом списке 83-е место²⁰⁰.

Итак, в контексте анализа противоречий и конфликтов *социальные результаты* радикальных реформ 90-х годов выразились в следующем:

¹⁹⁸ Коломийцев В. Ф. Россия: реформы, трансформация, модернизация. Заметки политолога. С. 52.

¹⁹⁹ Смешанное общество. Российский вариант / под ред. Л. В. Никифорова. М., 1999. С. 107

²⁰⁰ Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб., 1998. С. 6.

1) резкой и быстрой социальной дифференциации населения, возникновении узкого слоя богатых и широкого слоя бедных. Подобная социальная конструкция является конфликтологически неустойчивой и чревата серьезными социальными потрясениями;

2) разрушении прежней системы государственных социальных гарантий без какой-либо замены на новую;

3) возникновении социального беспредела, связанного с невыплатой зарплат, пенсий, социальных пособий и т. д.;

4) формировании экономически активных предпринимательских слоев, что свидетельствует о возможностях изменения ситуации к лучшему.

К *политическим результатам* в конфликтологическом дискурсе можно отнести:

1) либерализацию общественной жизни;

2) разрушение старой и формирование новой политической системы российского общества;

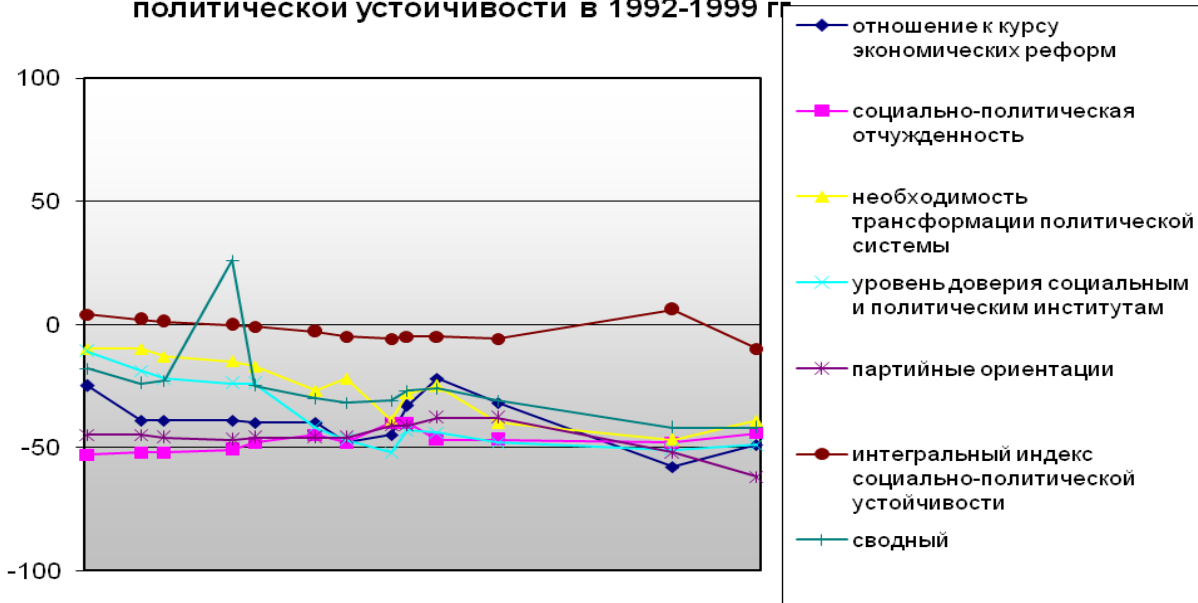
3) постепенную смену устаревших политических лозунгов и поиск новой парадигмы.

Изменения, произошедшие в результате трансформации советского общества в современное российское, сопровождались множеством противоречий, а иногда и конфликтов, сложностей и несоответствий²⁰¹. Социологи ИСПИ РАН на основе мониторинга, проведенного в 90-е гг. XX века, выявили динамику интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости, которая характеризуется зоной кризисного развития, иногда приближаясь к зоне распада (катастрофы). Нижеприведенный график является ярким примером той ситуации, в которой находилась Россия в последнее десятилетие XX века (рис. 2)²⁰².

²⁰¹ Смешанное общество. Российский вариант. С. 119.

²⁰² Российское общество и радикальные реформы. С. 871.

Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости в 1992-1999 гг.

127

Июль 1992	Февраль 1993	Май 1993	Февраль 1994	Май 1994	Январь 1995	Май 1995
Ноябрь 1995	Январь 1996	Май 1996	Январь 1997	Декабрь 1998	Ноябрь 1999	

Рис. 2

Резкое социальное расслоение, вызванное проведенной приватизацией, привело к массовой апатии. Разрыв между властью и обществом, государством и гражданами еще более усилился. Люди увидели, что в стране многое происходит помимо их воли и от них не зависит. Разочарование в реформах породило нежелание людей участвовать в каких-либо акциях «верхов».

Если в конце 80-х – начале 90-х годов страну сотрясали многолюдные митинги и демонстрации, люди с замиранием сердца смотрели, что происходит на очередном съезде народных депутатов, принимали активное участие в выборах органов власти всех уровней, то спустя десять лет «глас народа» значительно ослаб. Низкие показатели политической активности граждан можно объяснить разочарованием проводимыми преобразованиями и тем, что российские граждане «в большинстве своем не рассчитывали на изменение обстановки в стране к лучшему после выборов в Государственную думу (ноябрь 1999 года). Мониторинг социальных и политических индикаторов, проводившийся ИСПИ РАН в 90-е гг. XX в. в части отношения населения к реформам фиксировал рост негативного отношения граждан, который достиг критической отметки 60 %²⁰³ как раз к моменту проведения парламентских выборов 1999 г. Именно этим можно объяснить тот факт, что по результатам выборов в Государственную думу Российской Федерации произошла смена значительной части российской элиты в законодательной ветви власти.

Несогласованность действий различных уровней власти (муниципальной, региональной и федеральной), с одной стороны, и недостаточный уровень развития политической культуры граждан – с другой, порождали неразбериху, которая раздражала людей. Даже те из граждан, кто пытался «найти правду» в органах власти, проявляя гражданскую активность, сталкивались с разветвленной бюрократической системой, которую в одиночку или небольшой группой людей преодолеть невозможно. Несмотря на то, что первое десятилетие XXI века характеризуется усилением роли государства, широкомасштабными административными реформами, «нестыковки» в деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти, а также проблемы на уровне граждан и

²⁰³ Российское общество и радикальные реформы. С. 853.

реализации их прав, прописанных в федеральных законах, сохраняются. Низкий уровень доверия населения к различным органам власти создает конфликтный потенциал российского общества.

Этот потенциал кроме объективных причин имеет и субъективные – психологические. В России наивысший уровень тревожности наблюдался в 90-е годы. Если мировая «норма тревожности» составляет не более 15%, то в России в тот период она достигала 60–75 %. Число выявленных и поставленных на учет психически больных людей в России в 1992 г. выросло по сравнению с 1991 г. на 4,7 %, а рост психических расстройств составил в 1993 году по сравнению с 1992 годом примерно 12 %. На 10,7 % стало больше обратившихся к врачам-психиатрам за консультативной помощью. Количество госпитализаций с 1985 по 1995 годы выросло более чем на 15 %. По мнению специалистов, около 30 % населения России так или иначе нуждались в психиатрической помощи, чтобы их состояние не переросло в хронические заболевания. В 3–4 раза подскочило число алкогольных психозов²⁰⁴.

Успешность перехода от авторитарного политико-правового устройства к системе либерально-демократических по своей сути и по способам функционирования институтов должно быть связано с принятием новых порядков большинством населения, с глубоким освоением гражданами соответствующих ценностей, установок, социальных культурно-идеологических норм.

Известно, что более или менее радикальное обновление этих ценностей, норм, переход к новым эталонам поведения, складывание новых привычек и традиций происходят – или могут произойти – главным образом на стадии базовой социализации новых поколений людей. Вступая в периоды активного участия в социальном производстве и воспроизводстве, эти новые поколения не просто замещают в общественной жизни предшествующие генерации людей, но и привносят в нее новые идеи и ценности, иногда существенно отличающиеся от тех, что служили основой бытия прежних поколений. Десинхронизация реформирования общественно-политической системы явилась одной из причин, возникших в конце 80–90-х годах противоречий, часть из которых вылилась в кон-

²⁰⁴ Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 328–329.

фликты и снизила в глазах общественного мнения привлекательность реформ. Если политические преобразования начались в 1988 г. и достигли апогея политического противостояния в 1991–1993 годах, то радикальные экономические преобразования начались в январе 1992 года, то есть на несколько лет позже аналогичных процессов в политике. Таким образом, демонтаж власти партийно-государственного аппарата, когда экономика еще была не рыночной и не способной к саморегуляции, а все институты поддержания порядка в обществе были построены так, что могли работать лишь под воздействием этого аппарата, негативно сказался на всех элементах общественного организма. В результате упала государственная дисциплина, ухудшилось функционирование хозяйствующих субъектов, снизилась собираемость налогов, стали расти долги по заработной плате, началась гиперинфляция, кризис неплатежей, рост преступности и т. п. Государство не смогло ослабить тяжелейших для большинства российских граждан последствий катастрофического спада в экономике. Все это, естественно, сопровождалось нарастанием недовольства и разочарованием в проводимых преобразованиях.

Большинство кризисных явлений, обусловленных осуществлением в начале 90-х годов либерализации экономики, приватизации, попыток утверждения в России частной собственности и рынка, связаны именно со слабостью государства. В 1993 г. согласно данным ИСПИ РАН, 43,7 % респондентов именно слабостью государства объясняли трудности переживаемого периода²⁰⁵. Его неспособность осуществлять функции контроля, регулирования, а при необходимости и принуждения придала этой назревшей и необходимой акции практически стихийный и во многом криминальный, коррупционный характер. «Коррупционность российских чиновников, – указывает О. Шкаратан, – и криминализация экономики в целом существенно сказываются на распределении доходов в стране. В развитых капиталистических странах вся криминальная сфера дает не более 8–10 % от валового продукта. В постсоветской России эта цифра, по данным МВД, достигла не менее 40 %»²⁰⁶.

Криминал «сверху» сомкнулся с криминалом «снизу», породив «великую криминальную революцию», которая является как бы

²⁰⁵ Российское общество и радикальные реформы. С. 228.

²⁰⁶ Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. С. 149.

платой за тоталитарное прошлое и за светлое будущее. Без утверждения права собственности, свободы, демократии, прав личности, по мнению В. О. Рукавишников, невозможен социальный прогресс²⁰⁷. Писатель В. Распутин назвал происходящее в 90-е годы либерально-криминальной революцией, которая, по его мнению, оказалась самой подлейшей из всех, какие знал мир. Эта революция столкнула Россию в такую пропасть, что народ еще долго не сможет подсчитать свои жертвы²⁰⁸. Ряд исследователей отмечает, что «...в нищей и голодной стране с социально незащищенным большинством населения нет и не может быть полнокровных субъектов рынка, мелких и средних предпринимателей, экономически мотивированных к труду.

Духовная и физическая деградация населения, разбалансированность всех структур социальной сферы – источник социальной нестабильности и напряженности вплоть до гражданского неповиновения, при котором о реформах и речи идти не может²⁰⁹. Эти и другие сложности трансформационного процесса привели к тому, что в конце президентства Б. Ельцина Россия представляла собой сплошное конфликтогенное пространство. Общество характеризовалось не только количеством и качеством конфликтов, но и конфликтом двух формационных структур – старой, «пролетарско-социалистической», отживающей и новой, «олигархически-капиталистической», укрепляющейся. Страна так и не вышла из кризисного состояния, о чем свидетельствует динамика индекса социально-политической устойчивости, составленная группой ученых ИСПИ РАН²¹⁰.

На наш взгляд, в России 1990–2000-х годов переход от одного общественно-экономического уклада к другому оказался чрезмерно революционным, скоропалительным. Россия не имеет законченного опыта перехода от традиционной к современной цивилизации, в ходе которого между традиционными группами возникает общая культура как система символов и правил поведения, обеспечиваю-

²⁰⁷ Рукавишников В. О. Социология переходного периода // Социс. 2000. № 9. С. 20.

²⁰⁸ Распутин В. Мой манифест // Наш современник. 1997. № 5. С. 4.

²⁰⁹ Афонин Ю. А., Жабин А. П. Малое предпринимательство в парадигме социальной инноватики. М.: ОАО «НПО Экономик», 2000. С. 47.

²¹⁰ Российское общество и радикальные реформы. С. 649, 729, 871.

щая необходимый каждому человеку общий порядок нормальной жизни. «Новая социальная модель общества должна стать не только объективной реальностью, но и субъективным осознанием личностью, группой, слоем своего места в социальном пространстве, что предполагает либо интеграцию общества на рациональных началах, либо дезинтеграцию на конфликтной основе»²¹¹.

С 2000 года в России обозначилась новая стратегия трансформации, обусловленная стремлением к более стабильному, эволюционному развитию. Среди предпосылок данной стратегии можно отметить:

1) накопившуюся усталость общества от бурных изменений и социально-политической нестабильности;

2) формирование массовой потребности в сильной и эффективной власти, стоящей над частными интересами региональных элит и корпоративными интересами экономических структур;

3) рост экономических показателей хозяйственной деятельности;

4) изменение социальной политики государства, направленной на снижение социальной напряженности и конфликтности российского социума;

5) возрождение нравственных основ.

Данный запрос привел к предпосылкам коренной внутрисистемной эволюции, целью которой является снижение и ликвидация противостояния власти и общества²¹². Для этого власть предприняла комплекс мер экономического, политического и социального характера, которые **несколько** стабилизировали ситуацию в стране, снизили социальную напряженность в обществе, но принципиально не решили обозначенные нами проблемы. Тем ни менее, на наш взгляд, сегодня можно говорить лишь о некой тенденции к стабилизации общества, но дестабилизирующие факторы сохраняются. Ярким примером являются события на Украине. Санкции, которые сегодня Запад предпринял в отношении России, дают нам хорошую возможность исправить те ошибки в экономической сфере, которые были допущены в 1990–2000-е годы. Иллюзии ельцин-

²¹¹ Голенкова З. Г., Шитканян Е. Д. Процессы интеграции в социальной структуре российского общества // Социс. 1999. № 9. С. 32.

²¹² Бызов Л. Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 10–11.

ских младореформаторов относительно экономической модели российского развития сегодня исчезли даже у обывателей. Увидев грабительский характер западной помощи современной России, общественное мнение меняет свое отношение к той роли, которую сыграли американские советники в команде Б. Ельцина.

Подводя итог, можно констатировать тот факт, что именно ожесточенная политическая борьба крайне правых и левых сил по раскачиванию судна под названием СССР привела к его гибели. В этой борьбе противники использовали разные средства, понимая, к каким последствиям их действия могут привести. Попытки центристов удержать баланс в противостоянии радикалов не увенчались успехом. Поэтому с точки зрения полученного результата (распада СССР) они несут моральную ответственность за произошедшее, но она не идет ни в какое сравнение с ответственностью тех, кто действовал по принципу «чем хуже, тем лучше». Именно эти силы должны нести не только моральную, но и историческую ответственность перед нынешними и будущими поколениями соотечественников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой части нашего исследования мы попытались проанализировать хронологически самый удаленный от сегодняшнего дня отрезок социальных преобразований – позднесоветский период, завершившийся распадом СССР и окончанием советской модели политического развития. Данный период общественных изменений носил весьма противоречивый характер, вследствие – многочисленные разноуровневые конфликты, два из которых – августа 1991 года и сентября – октября 1993 года – носили статус общегосударственных.

Проведенный анализ позволяет нам подвести следующие итоги:

I. Конфликтная концепция (марксизм) интерпретации социальной истории, несомненно, внесла значительный вклад в понимание принципиальных основ организации общества. Ее ценность заключается в том, что в ней обращается внимание на существование в обществе противостоящих интересов, отрицается «имманентная гармония» общественного организма, что открывает дорогу более глубокому пониманию взаимодействия социальных групп и классов. При выработке методологии анализа социального конфликта марксистский подход продолжает успешно выполнять свою гносеологическую функцию, есть лишь необходимость отказа от абсолютизации некоторых факторов социоконфликтных процессов, которая, с нашей точки зрения, скорее всего, произошла под влиянием различного рода интерпретаторов марксизма, а не ее основоположников.

Методологический подход структурно-функционального анализа вычленяет элементы стабильности и нестабильности социума, предпосылки анархии в общественной жизни и пути институализации конфликтных тенденций. Вместе с тем структурно-функциональный подход обращает внимание на классово-экономическую природу социального конфликта. Конфликт выступает функцией производственных отношений, зеркально отображая классовый характер противоречий, их антагонистичность. Тем самым даже в рамках чуждого марксизму социально-философского течения, опирающегося на позитивизм и постпозитивизм, диалектический материализм пробивает себе дорогу.

Проведенный обзор позиций западных специалистов (Козер. Дарендорф, Мертон, Боулдинг, Шеллинг, Фишер, Юри и др.) позволяет нам констатировать, что у них доминирует инструменталистский подход к проблеме общественных конфликтов. И это не удивительно, т. к. практическая направленность гуманитарных исследований западных специалистов (особенно американских) – характерная черта социально-гуманитарного знания. Это есть данность, которую нельзя оценивать в категориях «хорошо – плохо». На наш взгляд, для современной российской действительности инструменталистский подход является актуальным, т. к. конфликты в отечественной социальной практике часто грешат доминированием личностных моментов ее акторов над объективной стороной.

Несколько иной ракурс проблема конфликта выявляет при попытках вывести социальную напряженность из уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп. Именно такой подход к проблеме демонстрирует П. Сорокин при выяснении вопроса о причинах социальных революций. Указание на связь неудовлетворенных потребностей и нарастающих конфликтных ситуаций, рассмотрение источника конфликтов в подавлении базовых потребностей человека, без удовлетворения которых он не может существовать, позволяет ближе подойти к анализу конкретного социального конфликта.

Неудовлетворенность потребностей и интересов значительной массы населения составляет, по П. Сорокину, главный источник революционных потрясений в обществе. Во времена радикальных социокультурных преобразований, согласно «закону позитивной и негативной поляризации», люди ведут себя неоднозначно. Одна часть общества, дезинтегрируясь, становится более склонной к социальной аномии. Другая, напротив, укрепляет потенциал институциональных обновлений посредством морального возрождения и «производства доброты» по отношению к другим людям. Тем самым они обеспечивают не только самосохранение, но и обновление общества в целом, предоставляя ему резервные шансы адаптироваться к новым социокультурным реалиям через активное взаимодействие нарождающихся институциональных структур и деятельностных субъектов. П. Сорокин призывал в ходе общественно-политического реформирования избегать крайностей, резких колебаний, предупреждал, что если маятник слишком сильно качнется

в одну сторону, то общество обречено испытать на себе обратное движение «колеса истории». В то же время для реформаторов всех времен и народов существует верный ориентир – интегральная сущность человека. Любое противоестественное или противоправное, так называемое асоциальное, действие, когда реформы переходят «порог терпения», а отношение к реформаторам выходит за рамки «порога доверия», вынуждает маятник истории качнуться в обратную сторону, и народные массы пойдут свергать с пьедестала «героев вчерашних дней». Интеллектуальное наследие П. Сорокина в изучении предмета социальных конфликтов помогает нам использовать его метод научного анализа применительно к процессу российской трансформации рубежа XX–XXI вв. и лучше понять происходящее.

Поиск подходов, представляющих гносеологическую ценность применительно к объекту и предмету нашего исследования, был бы неполным, если бы мы не обратились к современным авторам постмодернистского направления. Из большого числа авторов мы остановили свой выбор на А. Турене и его ученике М. Кастельсе. Трансформационные изменения российского общества начала XXI века приобрели ярко выраженный постмодернистский характер. Информационно-технологическая революция и стремительная глобализация мира порождают принципиально новые проблемы социального свойства, которые в условиях современной России имеют как общие, так и специфические проявления.

Анализируя современное общество, А. Турен указывает на неизбежный рост конфликтов, в которых главную роль будут играть иные действующие лица, нежели в индустриальном обществе, а именно коллективы и организации. Современное общество изобилует большим разнообразием социальных практик, в которых возникают конфликты между общественными движениями, по-разному культурно ориентированными. В противовес классической теории, где материальные факторы играют доминирующую роль и отсюда поведение людей объясняется с помощью обстоятельств, предлагается, наоборот, объяснять обстоятельства с помощью действий.

Взгляды М. Кастельса на проблему классовой борьбы в условиях современного информационного общества, по сути, совпадают с точкой зрения А. Турена, хотя дискурс, в рамках которого

учитель и ученик ведут свой анализ, несколько различен. Они оба приходят к выводу, что процесс социальной трансформации, обусловленный информационно-технологической революцией, преобразует социально-экономические и политические практики настолько, что антагонистические противоречия, если и возникают, то отнюдь не между буржуазией и пролетариатом. В данном выводе обратим внимание на позитивный и негативный контекст. Позитивным является то, что и тот и другой не отрицают наличие антагонистических противоречий в современном западном обществе. А негативным – стремление примирить буржуазию и пролетариат, показав, что между ними нет больше антагонистических противоречий, а значит, и классовая борьба теперь неактуальна и политические партии рабочего класса не нужны. Это еще одна попытка деактуализировать марксистское учение.

Наконец, нам представляется уместным и полезным коснуться идеи современного немецкого философа Акселя Хоннета, который исследует моральные основания социальных конфликтов. А. Хоннет обосновывает три главные формы признания человека – *любовь, право, солидарность*. Именно от этих трех форм зависит, по мнению А. Хоннета, ощущает ли человек себя полноправным членом общества и не попирается ли его человеческое достоинство. Все вышеуказанные формы признания или не признания человека связаны не только с идеей, но и практикой воплощения *справедливости* в обществе. Нарушение справедливости неизбежно порождает конфликты в обществе. Анализировать общество с позиций «борьбы за признание» необходимо так, чтобы видеть за социальными конфликтами не злой произвол или некую роковую необходимость, а устремление личностей к полноте самоосуществления, т. е. более совершенное признание на всех трех уровнях борьбы.

Подход А. Хоннета, по мнению некоторых отечественных специалистов (А. С. Колесников) может быть рассмотрен как творческое развитие идеи классовой борьбы ортодоксального марксизма: изменение борьбы эксплуатируемых классов за достойную в материальном отношении жизнь. А. Хоннет, с одной стороны, признает право на такую борьбу, но осуждает борьбу с несправедливостью путем ответного причинения несправедливости.

II. Роль противоречий в развитии как природы, так и общества трудно преувеличить и переоценить, ибо ими пронизано все. Мир материален и формой существования материи является движение. В процессе движения рождается противоречие, которому предшествует *тождество, сходство, различие, противоположность*. Созревшее социальное противоречие имеет два варианта перехода в тождество. Либо противоречие должно быть разрешено, т. е. устранена внутренняя противоположность, либо в результате инцидента противоречие перерастает в конфликт, исход которого в конечном итоге должен разрешить лежащее в его основе противоречие. Поэтому в теоретическом плане нельзя не согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что не всякое противоречие перерастает в конфликт, но в основе всякого конфликта лежит противоречие. Особое значение здесь приобретает этап зарождения и созревания общественного противоречия, в рамках которого сохраняется возможность его разрешения еще до перерастания в конфликт. На этом этапе, в силу продолжительности, латентности происходящих внутри него процессов, появляется возможность прогнозировать конструктивный или деструктивный характер конфликта и его последствия. Таким образом, анализ процесса развития социального конфликта подчёркивает ключевое значение исследования противоречия, лежащего в его основе и позволяющего прогнозировать социальный конфликт и управлять им.

В нашем исследовании мы отмечаем роль *потребностей, интересов, целей и ценностей*, которые даже на микроуровне, не говоря уже о мезо- и макро-, играют определяющую роль в зарождении противоречий. Удовлетворение потребностей всегда связано с деятельностью людей. Именно деятельность людей есть своеобразный *regretum mobile*, который отвечает за социальное движение (изменение). Вот почему наше внимание было сосредоточено на механизме детерминации человеческой деятельности. Данный механизм позволил нам с позиции исторического материализма описать процесс зарождения общественных противоречий.

Дальнейший анализ общественных противоречий дал возможность выделить три уровня противоречий (функциональные, структурные, системные), а значит и конфликтов, на основе чего удалось сформулировать «принцип восходящего конфликтного лифта».

III. Профилактика конфликта является не самой сильной стороной разработанных конфликтологических теорий и созданных на их основе практических разработок. Основное внимание исследователей акцентируется на том, как урегулировать уже возникший конфликт и использовать его энергию для развития. С учетом российской специфики нам представляется необходимым перенести акцент на предупреждение конфликтов, а значит, более пристальное внимание обратить на противоречия. Средством предупреждения конфликтов может являться научно-мониторинговая и управленческая деятельность, отслеживающая уровень социальной напряженности общественных отношений и приведение их к оптимальному значению. При этом следует учитывать, что данная мера эффективна только в условиях относительной стабильности общественной системы и ограниченно применима к ситуации российского транзита, характеризующегося нестабильностью и неопределенностью.

IV. Проведенный анализ позволяет внести корректировку в преобладающую в западной социологии и конфликтологии точку зрения о положительности конфликтов. Далеко не всегда и не все общественные конфликты несут в себе положительный заряд. Если в процессе разрешения уже существующего конфликта рождается другое противоречие, а предыдущее еще не устранено, то подобный конфликт никак нельзя считать положительным, в противном случае начинает формироваться «клубок» противоречий, распутывание которого требует больше сил и времени, соответственно, возрастают издержки преобразований. Иерархия противоречий (*функциональных, структурных и системных*) порождает и соответствующий тип конфликтов (закон восходящего конфликтного лифта). Из этого следует, что всякого рода социальные преобразования должны быть спланированы и скоординированы. Чем более масштабны эти преобразования, тем более жесткие требования должны предъявляться к поэтапности их проведения. Одновременно, негативное отношение к конфликту, присущее российским гражданам, создает на уровне функциональных противоречий безразличное к ним отношение, что формирует, в свою очередь, механизм торможения модернизационных усилий власти.

V. Социальные взаимодействия в нестабильных системах при интенсивных внутренних флуктуациях, господстве стохастических процессов отличаются высокой степенью конфликтогенности. Любое из объективно присущих этой системе противоречий может превратиться в конфликт. Поэтому главным условием разрешения многочисленных конфликтов на территории России является общая стабилизация всей системы социально-политических и экономических отношений. В этой связи решения, принимаемые различными ветвями и уровнями власти, должны носить системный характер и вписываться в общую логику трансформации российского общества. Необходимо преодолеть ставшую российской традицией социальную практику, когда «сначала мы создаем проблему, а потом героически пытаемся ее преодолеть».

VI. Парадоксальным кажется тот факт, что в первом в мире государстве рабочих и крестьян, где марксистская теория должна была являться «путеводной звездой» общественного развития, появилась антидиалектическая идеологема в виде «теории бесконфликтности». Это не просто отступление от диалектического и исторического материализма, она в корне противоречит марксизму, «оглупляя» его. Учитывая тот факт, что диалектические законы носят объективный характер, т. е. не зависят от нашего сознания, данная теория, субъективистски рожденная, в своем практическом воплощении была обречена на неудачу. Она нанесла не только гносеологический, но и онтологический вред советскому обществу и защищала интересы тех людей, которые находились у власти. Господство данной теории в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий есть факт проявления диалектического закона отрицания отрицания.

В современной России задача *усвоения* и *понимания* сути диалектического и исторического материализма не озвучивается, а значит и не ставится. В контексте тех преобразований, особенно в экономической сфере, которые власть осуществляет в России последние четверть века, это объяснимо, но недальновидно, ибо диалектический и исторический материализм – это та теория, которая ждет своих государственных деятелей, она «всерьез и надолго». России как самостоятельной цивилизации выгодно использовать данную теорию с целью практического применения ее социально-преобразующего потенциала, но использование марксизма должно

носить не кондово-догматический характер, а творческий, с учетом современных реалий. Появление в свое время марксистской теории приковало к ней внимание западных мыслителей и практиков, которое не ослабевает до сих пор.

VII. Позднесоветское социально-политическое пространство (1985–1991/1993 гг.) изменялось в условиях доминирования сложносоставных конфликтов. Противоречия предшествующего периода сплелись в тугой узел с проблемами, порожденными модернизацией. Распутать этот «гордиев узел» можно было, опираясь только на некую длительную стратегию преобразований, однако подобное единство действий основных акторов социального процесса не наблюдалось. Политические игроки не имели научно обоснованного плана действий: каждый лишь реагировал на акции противоположной стороны. В ходе этой политической борьбы противники многократно меняли свои позиции – раскалывались и объединялись, переходили от беспредельной преданности к предательству своих лидеров, обретали поддержку общественного мнения на одном этапе, чтобы мгновенно потерять ее на следующем, предпринимали попытки действовать в нужном направлении, но, столкнувшись с первыми трудностями, быстро и радикально меняли курс. Политический ландшафт в этих условиях представлял собой такое состояние политического пространства, которое было пропитано иррациональностью действий основных участников политического процесса.

Рациональность предполагает осмысленную вербализацию целей политики, причем осмысленную настолько, чтобы эти цели можно было бы объяснить гражданам. Она подразумевает опору на некоторую совокупность общепризнанных ценностей, то есть некий ценностный консенсус, а также последовательность и настойчивость в достижении сформулированных целей.

Можно констатировать тот факт, что именно ожесточенная политическая борьба крайне правых и левых сил по раскачиванию судна под названием СССР привела к его гибели. В этой борьбе крайние силы использовали радикальные средства. Трудно себе представить, что они не понимали, к каким последствиям могут привести их действия. Попытки центристов удержать баланс в противостоянии радикалов не увенчались успехом. Поэтому с точки зрения полученного результата (распада СССР) центристы несут

моральную ответственность за произошедшее, но она не идет ни в какое сравнение с ответственностью тех, кто действовал по принципу «чем хуже, тем лучше». Именно эти силы должны нести не только моральную, но и историческую ответственность перед нынешними и будущими поколениями соотечественников за развал страны, ослабление государства, репутационные потери на международной арене первого в мире социалистического государства.

Научное издание

Хохлов Александр Сергеевич

**ФИЛОСОФСКО-КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ
РОССИЙСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

Монография

Компьютерная верстка и корректура

Н. В. Мыльникова

Обложка – ООО «Абрис»

Самарский филиал ГБОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
443041, г. Самара, ул. Братьев Коростелевых, 76.

Подписано в печать 29.09.15. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать оперативная. Усл. печ. л. 9.

Тираж 300 экз. Заказ 2909.

Отпечатано в типографии ООО «Абрис»,
443041, г. Самара, ул. Агибалова, 78.